

Э.Д. Днепров, Р.Ф. Усачева

**СРЕДНЕЕ ЖЕНСКОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ
В РОССИИ**

Учебное пособие

Москва

2009

Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф. Среднее женское образование в России.

Эта книга впервые раскрывает процесс становления и развития средней женской школы в России в XVIII – начале XX веков в контексте общей социально-экономической эволюции страны и отечественной системы образования.

Анализируется парадигма государственной политики и истоки опережающего характера школьных реформ в области женского образования, показывается активное участие русского общества в его развитии, определившее формирование женской школы как первого государственно-общественного сектора российской образовательной системы, и значительно более быстрое ее развитие, чем мужской средней школы.

Представлены основные типы русской средней женской школы, ее внутреннее устройство, новаторские подходы передовой отечественной педагогики к проблемам женского образования, обусловившие не только его динамичное и плодотворное развитие, но и во многом ставшие образцом для подражания зарубежных женских школ.

Издание предназначено для учителей, работников образования, ученых-педагогов, преподавателей и студентов педагогических учебных заведений, а также для всех, кого интересует судьба отечественного образования.

Особое значение оно имеет для родителей и педагогов, которые сегодня пытаются выстраивать современные модели женского образования с учетом отечественного опыта и традиций.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Зарождение и первые шаги женского образования в России в XVIII веке	13
Образование женщин в начале XVIII века	13
Создание средних женских учебных заведений во второй половине XVIII века	17
Женское образование в контексте екатерининской учебной реформы 1780-х годов	29
Среднее женское образование в первой половине XIX века	36
Новые тенденции правительственной политики в области женского образования в первой четверти XIX века	36
Женское образование в системе николаевских школьных контрреформ	52
Основные направления развития женского образования во второй четверти XIX века	59
Реформирование женских институтов в 1840-х годах	73
Создание женских духовных училищ	92
Устав женских учебных заведений 1855 года	96
Завершение первого жизненного цикла развития женского образования	104
Среднее женское образование в эпоху «великих реформ»	115
Опережающая реформа женского образования и создание нового типа средней женской школы	115
Две линии развития новой женской школы в конце 1850 – начале 1860-х годов	129
К.Д. Ушинский и реформирование женских институтов	145
Общественное обсуждение законодательной базы и проблем среднего женского образования	162
Подготовка и принятие Положения о женских гимназиях и прогимназиях 1870 года	176
Создание и развитие женских епархиальных училищ	196
Женская школа в общей системе среднего образования в России	206
Разработка К.Д. Ушинским теоретических основ женского образования	206
Сравнительный анализ учебных планов средних женских и мужских учебных заведений	212
Попытка контрреформы среднего женского образования. 1884–1894 гг.	217
Развитие среднего женского образования в конце XIX – начале XX веков	224
Заключение	233
Литература	237
Статистические приложения	250

ВВЕДЕНИЕ

История становления и развития женского образования в России до настоящего времени остается наименее изученной главой истории отечественного образования. Между тем эта глава столь важна и своеобразна, что без нее история российского образования предстает не только далеко не полной, но и существенно искаженной. Без нее многие факторы, особенности и тенденции развития отечественной системы образования исчезают в тени, а сама картина этого развития выглядит весьма односторонней и упрощенной. Тому – две главные причины.

Во-первых, традиционно история отечественного образования, в силу ее характерной «гендерной слепоты», преподносится фактически как «половинная история» – то есть история мужского образования, мужских учебных заведений. Соответственно из поля зрения, по существу, выпадает целая «образовательная отрасль» дореволюционной России – женское образование, особенности его развития, построения, содержания и организации учебно-воспитательного процесса, его влияние на отечественную систему образования в целом.

Во-вторых, именно история женского образования едва ли не наиболее наглядно раскрывает определяющую черту, по сути, **основную закономерность развития российского образования – все более возрастающую роль общественных сил в этом развитии, начиная с 60-х годов XIX столетия.**

Оба названные обстоятельства представляют отнюдь не только глубокий исторический, но и остро современный интерес:

– в непосредственно **педагогическом плане** – ввиду нарастающего внимания как к специфике психолого-педагогических основ и содержания собственно «женского образования», так и к опыту (историческому и современному) организации раздельного обучения в России;

– **в политическом, а также социально-педагогическом плане** – в свете особой актуализации сегодня проблем взаимодействия государства и общества, в том числе в сфере образования, а отсюда – и изучения исторического опыта этого взаимодействия в России. *В более широком контексте – это ключевая проблема современного социального развития страны формирование гражданского общества в России и роль школы как модели и фактора становления этого общества.*

В сравнении со странами Западной Европы в России государственный фактор развития образования длительное время был господ-

ствующим в силу специфики государственного устройства и особенностей исторической жизни страны. Если на Западе власть уже в XVIII веке, сознавая всю государственную значимость школьного дела, разделяла заботы в школьном строительстве между собой, церковью и общественным участием, то в России вплоть до середины XIX столетия самодержавное государство в этой сфере было единственным гегемоном, выстраивая школу в своих интересах и по своему образу и подобию. Только в период общественного подъема второй половины 1850-х годов в действие впервые вступает другой мощный фактор развития образования – общественная деятельность, общественная инициатива.

С этого времени в российском образовании зарождаются и получают развитие два встречных, противоборствующих процесса. С одной стороны, государство стремится все более усилить свое влияние на школу. С другой, – школа, образование все более уходит из его рук, превращаясь в важнейшую функцию общества. И чем шире образование входит в сферу общественной практики, тем жестче становится правительственный контроль над ним, тем активнее попытки власти пресечь общественную инициативу.

В итоге происходит своеобразное разделение сфер влияния в российском образовании. Государство оставляет за собой в основном уже существующие образовательные структуры – мужскую высшую, среднюю, военную и духовную школы. Общество берет на себя фактически вновь создаваемые звенья образовательной системы, прежде всего женское, затем – начальное народное, профессионально-техническое, внешкольное и дошкольное образование. Характер и степень этого размежевания были различны на разных этапах развития российского образования, как различна была и мера жесткости правительственного контроля над разными звеньями школы в зависимости от социально-экономической и политической конъюнктуры. Но вектор указанного размежевания оставался неизменным вплоть до 1917 года.

Отмеченная общая закономерность развития образования в России особенно наглядно проявилась в исторической жизни российской женской средней школы. Первый ее жизненный цикл, охватывающий 1760–1850-е годы, протекал в рамках господствующего, непререкаемого влияния государства. Второй цикл, начавшийся в конце 1850-х годов, был ознаменован опережающим «выпадением» значительной части средней женской школы из государственной сферы, обретением ею юридически и фактически общественного, неправительственного характера. Власть, в силу причин, о которых речь пойдет позже, вы-

нуждена была на первых порах считаться с этим. Не случайно в объяснительной записке к Положению о женских училищах 1860 года отмечалось, что эти училища имеют «характер общественных учебных заведений» (РГИА. Ф. 733, оп. 191, д. 2, л. 17).

По существу, открытая всесословная **средняя женская школа**, созданная в конце 1850–1860-х годах, стала **первым в России детищем общественных образовательных усилий**. Она представляла собой принципиально новую социально-педагогическую модель построения женского образования, отвергавшую *три основные установки всей предшествующей государственной политики в этой сфере: жесткую сословность, закрытый характер учебных заведений и полное устранение влияния на них общественности*.

В основу этой модели женской школы была положена принципиально новая концепция женского образования, выдвинутая передовой русской педагогической мыслью, и в первую очередь К.Д. Ушинским и Н.А. Вышнеградским. Эта концепция и эта модель, реализованные в новом, самом динамичном и мобильном типе женской средней школы, наиболее отвечающим общественным потребностям и интересам – в женских гимназиях и прогимназиях, базировались на принципах, отрицавших прежние основания государственной политики в области женского образования. *Таковыми принципами стали: всесословность и открытость женских учебных заведений; гуманистический характер женского образования и его равенство с образованием мужским; единство воспитательного влияния семьи и школы; общественно-государственный характер женского образования и участие общественных сил в его развитии*.

Иными словами, в ряду социально-педагогических и образовательных обретений эпохи «великих реформ» первым таким обретением стал **принципиально новый тип российской женской средней школы**, появление которого имело *два фундаментальных последствия*.

Во-первых, – кардинальное изменение общего характера российской системы образования, возникновение в ней негосударственного сектора и, соответственно, разрушение прежней монополии правительства на образование, что было одним из ведущих лозунгов общественно-педагогического движения «шестидесятых годов» XIX столетия.

И во-вторых, – принципиальное изменение облика самого женского образования в России, основ его построения и путей его дальнейшего развития. Это произошло в результате **опережающего** реформирования женского образования, проведенного более дальновидной

частью правительственной либеральной бюрократии в сотрудничестве с передовыми общественными силами.

В советской исторической и особенно историко-педагогической литературе длительное время господствовала однозначно негативная оценка правительственной политики в дореволюционной России, в том числе и в области образования. Между тем она органически сочетала в себе две функции, две линии: *сдерживающую, охранительную*, которая, говоря словами известного идеолога самодержавия К.Н. Леонтьева, стремилась «подморозить» Россию, и *развивающую, реформаторскую*, направленную на модернизацию страны, на преодоление затянувшейся стадии ее «догоняющего развития».

Внутреннее противоборство названных двух линий, подчас суровое и жесткое, определяло постоянное противостояние в правительстве двух разных поддерживающих их сил. В зависимости от социально-экономической и политической конъюнктуры, от степени накала освободительной борьбы в этом противостоянии одерживала верх то одна, то другая сторона. Отсюда постоянная смена в историческом развитии России реформ – контрреформами, в общей чередности которых, преимущественно всегда с опережением, шли образовательные реформы и контрреформы. Это опережение обуславливалось характерной для России социально-политической заостренностью проблем образования, той ролью, которая отводилась образованию – и государством и общественными силами – в формировании нового или в консервации старого общественного уклада и соответственно – требуемого для него «типа личности» [63, с. 64–67].

В 1970–1980 годах в исторической и историко-педагогической литературе начал формироваться более адекватный взгляд на сущность и роль правительственной политики. Появились понятия «либеральная бюрократия», «правительственный либерализм», которые отражали реформаторскую линию в правительстве и деятельность ее носителей (М.М. Сперанский, П.Д. Киселев, Н.А. и Д.А. Милютины, А.В. Головнин, С.Ю. Витте, П.А. Столыпин и др.). Эта деятельность во многом явилась движущей силой реформ, особенно в периоды общественного подъема.

В 1860-х годах реформаторский курс на какое-то время отодвинул на задний план охранительно-консервативные сановные круги и стал доминирующим в правительственной политике, имевшей в качестве своей социальной базы либерально и демократически настроенную общественность. Собственно реформы, в том числе и образовательные, в ту эпоху и явились результатом как реализации насущных социально-экономических, политических, культурных, образовательных

и других потребностей страны, так и сотрудничества правительственных либералов с прогрессивными общественными силами. И, напротив, последовавшие позднее контрреформы были следствием спада социальной активности и поражения либеральной бюрократии в столкновении с консервативным крылом правительства, которое развернуло фронтальное наступление на либеральные начинания, в частности – и в сфере образования.

Реформы – это всегда взаимодействие либеральных правительственных сил с общественной инициативой в решении актуальных и перспективных задач развития страны. Тогда как контрреформы – всегда сопротивление охранительной власти и общества, отстаивающего интересы этого развития.

Реформа женского образования стала *первой* в ряду радикальных школьных реформ 1860-х годов, поскольку это звено российской образовательной системы, в том зародышевом виде, в каком оно пребывало к середине XIX столетия, не удовлетворяло не только объективным потребностям страны, но и субъективным интересам широких общественных слоев, в том числе – преобладающей части господствующего класса. Эта реформа по своей идеологии, по характеру и способам ее подготовки стала *прологом, прообразом других школьных реформ, более того, – одной из наиболее глубоких составляющих этих реформ*, что осталось незамеченным и в дореволюционной, и в советской историко-педагогической литературе.

В результате реформы женской школы в 1860-х годах сформировалась весьма стройная и разветвленная система среднего женского образования в России. Прежнее эмбриональное состояние этого звена российского образования было преодолено. Родилась и быстро набирала силы полнокровная, достаточно массовая, динамично развивающаяся средняя женская школа, которая по своим масштабам за короткое время обогнала школу мужскую.

Новая открытая всесословная *средняя женская школа* – область образования, практически заново созданная в 60–90-х годах XIX века, *явилась ключевым звеном системы женского образования в пореформенной России*. Она создала необходимые предпосылки для организации высших женских учебных заведений. Она же стала важнейшим фактором развития начальной народной школы, подготовив для этой школы значительную часть учительских кадров.

Уже в 1880 году среди учителей сельских начальных народных училищ Европейской России женщины составляли 20 процентов – 4878 человек. Из них выпускниц средних женских учебных заведений было 62,7 процента (3059 человек). Возраст трех четвертей всех учи-

тельниц не превышал 25 лет, т.е. средняя женская школа была их самым недавним прошлым. К 1911 году число учительниц начальных народных училищ возросло почти в 20 раз, и они составили 53,8 процента общего количества народных учителей. Иными словами, получив в 1860-х годах право преподавания в начальной народной школе, выпускницы средних женских учебных заведений через полвека составляли уже более половины учительского корпуса этой школы [249, с. 89; 259, с. 7, 40, 52].

Дореформенная историография среднего женского образования достаточно обширна, но представлена в основном либо работами участников ее создания и развития (Е.И. Лихачева, Н.П. Малиновский, В.П. Острогорский, Д.Д. Семенов, В.Я. Стоюнин, А.А. Чумиков и др.), либо историческими очерками отдельных женских учебных заведений.

Это обстоятельство накладывает на дореволюционную историографию рассматриваемой темы два специфических отпечатка. Во-первых, она по преимуществу фактографична. И во-вторых, в силу данной причины, она имеет характер явления промежуточного: это во многом столько же историография вопроса, сколько и его источниковая база. Последнее вовсе не уменьшает, а напротив, увеличивает значимость дореволюционных работ о средней женской школе, помогающих в деталях воссоздать ход ее исторической жизни.

Наиболее крупное явление в дореволюционной литературе о женской школе представляет собой четырехтомная работа известной деятельницы женского образования Е.И. Лихачевой «Материалы для истории женского образования в России» (СПб., 1890–1901), удостоенная награды императорской Академии наук. Высоко оценивая достоинства работы Е.И. Лихачевой, рецензент Академии наук С.Ф. Ольденбург вместе с тем справедливо указал и на основную ее слабую сторону. Е.И. Лихачева, отмечал рецензент, «не задается целью указывать на причины и следствия тех или других явлений в истории женского образования, не ставит их в связь с соответствующими явлениями общественной жизни и истории мужских учебных заведений».

Эти недостатки – отсутствие анализа причинно-следственных связей при освещении истории женского образования в России, его рассмотрение вне общего социального контекста и к тому же изолированно от общего хода развития отечественного образования – в значительной мере присущи и немногочисленной советской историографии средней женской школы, а также зарубежной историографии

женского образования в России, которая смотрит на него главным образом сквозь призму «женского вопроса» и женского движения (R. Stites. *The women's liberation movement in Russia. Feminism, nihilism and bolshevism. 1860–1930* (1978); C. de. Maegd Soëp. *The emancipation of women in Russian literature and society* (1978); S. Satina. *Education of Women in Pre-Revolutionary Russia* (1996); Ch. Johanson. *Women's Struggle for Higher Education in Russia 1855–1900* (1987); R. Dudgeon. *Women and Higher Education in Russia 1855–1905* (1975) и др.).

Таким образом, в историографии российского женского образования до настоящего времени отсутствуют работы, которые бы комплексно, объемно рассматривали процесс становления и развития средней женской школы в России как социального института и как образовательного учреждения. Рассматривали, во-первых, в длительной исторической перспективе – с момента ее зарождения до формирования целостной системы среднего женского образования и, во-вторых, – в контексте общего развития образовательной системы России и исторического движения российской жизни. Эту лауну и пытаются восполнить настоящая работа.

Использованная в работе источниковая база исследования истории среднего женского образования в России весьма обширна и разнообразна. Ее можно подразделить на четыре основные группы источников: 1) официально-документальные материалы, включающие в себя как официальные издания различных правительственных структур и ведомств, так и их архивные документы; 2) пресса и публицистические издания; 3) дневники, мемуары, эпистолярное наследие; 4) статистические источники.

В советской историографии женского образования, за исключением очень немногих работ, фактически отсутствуют статистические данные о развитии женской школы в России. В настоящей книге эти данные широко используются. Аналитическая обработка многочисленных статистических источников позволила представить и в тексте, и в приложениях структуру, типологию, динамику и географию развития российской женской средней школы и ее различных компонентов, с указанием числа учебных заведений и количества учащихся в них: на 1834, 1856, 1863 годы и далее – через каждое десятилетие – на 1874, 1884, 1894, 1904 и 1914 годы. Данный статистический материал, впервые вводимый в научный оборот, дает возможность детально раскрыть эволюцию среднего женского образования в России, его тенденции и этапы.

Завершая введение, отметим, что в своем историческом развитии средняя женская школа России прошла несколько основных этапов.

Первый этап – становление и первоначальное развитие отдельных учреждений женского образования, выстраиваемых в русле образовательной концепции *«просвещенного абсолютизма»* – «формирование новой породы отцов и матерей». Этот этап охватывал вторую половину XVIII века и шел с постепенным угасанием к концу века названной просветительской доктрины.

Второй этап охватывал первую четверть XIX столетия и характеризовался радикальной сменой вектора женского образования. Концепция Екатерины II – И.И. Бецкого получает отставку. На смену ей приходит узко-прагматическая направленность женских институтов – на подготовку «жены и матери семейства», внедряемая супругой покойного Павла I, вдовствующей императрицей Марией Федоровной. По словам известного русского педагога и историка отечественной педагогики П.Ф. Каптерева, это превращает институты в *«профессионально женские учебные заведения»* [78, 143]. При этом реорганизация женских учебных заведений шла в направлении, полностью противоположном более поздним александровским реформам мужской школы. Господствующим принципом здесь становится, с опережением мужской школы на 25 лет, абсолютная сословность в образовании.

Третий этап развития среднего женского образования во второй четверти XIX века шел в русле николаевских образовательных контрреформ, с их стремлением к введению единообразия, унификации всего и вся, ужесточению правительственного контроля над образованием, усилению сословного принципа в школьном деле. Узко-прагматическая концепция женского образования вплетается в этот период в общую доктрину *«охранительного просвещения»*, сформированную С.С. Уваровым, которая становится стержнем образовательной политики николаевского правительства [63, с. 57–96]. При некотором незначительном количественном развитии среднее женское образование к концу данного этапа вступает в полосу явной стагнации и с началом новой эпохи получает резко негативную оценку как в общественных, так и в правительственных кругах.

Четвертый этап эволюции женского образования совпадает с «эпохой великих реформ», неотрывной частью которых стали радикальные реформы в образовании. Реформирование средней женской школы, как уже отмечалось, идет с существенным опережением других школьных реформ, становится их своеобразным прообразом. В этот период в результате реформирования женской школы и создания новых ее компонентов происходит окончательное складывание, фор-

мирование системы среднего женского образования, которая вступает в новую полосу, новый жизненный цикл своего развития.

Пятый этап развития среднего женского образования – это решительные, но неудачные попытки контрреформирования женской школы, свертывание ее развития, начавшиеся в конце 1870-х и лопнувшие окончательно в середине 1890-х годов.

И шестой этап – стремительный, бурный рост женской средней школы в середине 1890–1900-х годах. Созданная в 1860-х годах **фактически заново**, она не только заняла достойное место в общей системе российского образования, но и в своем динамичном развитии достаточно скоро опередила другие звенья этой системы, в частности мужскую среднюю школу. **Истоком, ведущим фактором этого опережения**, качественного и количественного роста средней женской школы вплоть до 1917 года оставалась **общественная инициатива, общественная деятельность в сфере женского образования**. Уже с конца 1850-х годов она выстраивала данную сферу как **общественно-государственную**. **Это был принципиально новый феномен в политической и социальной истории российского образования**.

ЗАРОЖДЕНИЕ И ПЕРВЫЕ ШАГИ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

Образование женщин в начале XVIII века

Женское школьное образование, как уже отмечалось, – поздний плод развития образовательных систем. В первой половине XVIII века в России, как и в Западной Европе, женское образование входило лишь косвенно в круг государственных интересов и государственной деятельности. Оно не было вовлечено в общую официальную образовательную систему. Его существование и развитие по сути было всецело предоставлено частной инициативе – личной и общественной.

Мысль о создании в России первого женского учебно-воспитательного заведения, «питомцы которого, вступая в общество, вносили бы в него зачатки гражданских и семейных добродетелей» [35, с. 19], принадлежала Петру I. Основав орден св. Екатерины, он хотел устроить под его покровительством одноименное женское училище. С этой целью, будучи во Франции, Петр осматривал в 1717 г. знаменитое женское учебное заведение в Сен-Сире (деревне, расположенной менее чем в одной миле от Версальского дворца). Оно было основано в 1686 г. г-жой Ментенон (не объявленной, но законной женой Людовика XIV).

Намерение Петра создать женское училище осталось неосуществленным; его черед пришел только через полвека. Однако Петр все же не оставил мысли о женском образовании. 24 января 1724 г. он издал Указ, в котором предписал «монахиням воспитывать сирот обоего пола и обучать их грамоте, а девочек, сверх того, пряже, шитью и другим мастерствам». Этот Указ, по существу, также отразил лишь намерение, оказав весьма незначительное влияние на развитие женского образования.

Как справедливо отмечал известный историк отечественного образования и педагогической мысли П.Ф. Каптерев, «в петровские времена мало понимали все трудности насаждения просвещения». Государству казалось, что стоит только проявить добрую волю, издать Указ – и «просвещение быстро распространится по всей России». Сподвижник Петра I Ф.С. Салтыков полагал, например, что для развития отечественного просвещения надо лишь «велеть во всех губерниях учинить» по одной или две академии по образцу Оксфорда или Кембриджа, «и в те академии собрать мастеров из иных государств, набрать учеников дворянских, купеческих и всяких иных разных чи-

нов», «учинить штраф» за уклонение от обучения. И через семнадцать лет «мы по сему образцу сравниваемся со всеми лучшими европейскими государствами».

Петр сочувствовал плану Салтыкова, который таким же скорым, принудительным путем намеревался просветить и женщин – «чтобы женский народ уравнился с европейскими государствами равно» [78, с. 124–125].

В целом, несмотря на благие намерения, *государство в первой половине XVIII века практически ничего не предприняло для развития женского образования в России*. И, тем не менее, женское образование постепенно зарождалось и делало первые шаги. *Двумя основными направлениями его развития были домашнее образование и создание частных женских школ и пансионов*. Единичные школы для девочек существовали при церквях: в Москве – при лютеранской церкви (с 1694 г.), в С.-Петербурге – при церкви св. Петра (с 1703 г.). Это были школы в основном для детей иностранцев.

Женское домашнее образование оставалось преобладающим на протяжении почти всего XVIII века. Уровень его был весьма различен, что обуславливалось и разным характером образовательных запросов и высокой стоимостью обучения. Как отмечал автор известного исследования, посвященного русской женщине XVIII века, В.О. Михневич, «хорошее женское образование было в те времена редкой роскошью, которою могла пользоваться только богатая знать, и, следовательно, являлось вполне аристократическим. Масса женщин среднего класса усваивала только внешнюю оболочку образования, и, главное, светскости, а в сущности стояла на крайне низком уровне умственного развития» [109, с. 87–88].

Воспоминания одной из наиболее просвещенных русских женщин того времени княгини Е.Р. Дашковой дают представление о том, что в XVIII веке называлось «превосходным воспитанием»: обучение четырем языкам, музыке, танцам, рисованию, светским манерам и т.д. «При таком модном внешнем образовании, – пишет Дашкова, – кто бы мог усомниться в совершенстве нашего воспитания? Но что было сделано для того, чтобы облагородить сердце и развить наш ум? Решительно ничего».

Если таково было образование одной из выдающихся русских женщин XVIII столетия, то что говорить о массе. Самая цель женского образования в соответствии с понятиями времени состояла «вовсе не в достижении высшего усовершенствования духовной природы девушки, не в развитии ее ума и сердца». «Родителей и ее самое озабочивала прежде всего суетная мысль составить возможно более бле-

стящую "партию", то есть как можно выгоднее и счастливее выйти замуж. Это был единственный всепоглощающий идеал девушки, и для его достижения ей давалось "превосходное" воспитание, систематически рассчитанное единственно в этом смысле» [109, с. 67].

И вместе с тем – все это лишь общий фон картины. Каждый извлекает из своего воспитания то, что может и хочет извлечь. И здесь решающая роль принадлежит самообразованию. «Лишь только я получила возможность читать, – вспоминает Дашкова, – как с величайшим рвением принялась за книги; любимые писатели мои были Бэ́ль, Монтескье, Буало и Вольтер... С детских лет политика была для меня самым занимательным предметом. Я надоедала своим любопытством всем иностранцам, художникам, ученым и посланникам, посещавшим дом моего дяди. Я расспрашивала каждого из них о его отечестве, о форме правления, о законах...»

При всех своих выдающихся достоинствах Дашкова не была редким исключением. Любознательность и обширная начитанность отличала многих передовых женщин XVIII столетия. Не случайно в воспоминаниях иностранцев, посещавших в то время Россию, нередко отмечалось, что русские женщины были подчас более развиты и стояли выше по образованию, нежели мужчины. «Многие из них знали до полдюжины разных языков, умели играть на различных музыкальных инструментах и близко знакомы с творениями лучших поэтов Франции, Германии, Англии» [109, с. 29].

Столь же различным – по уровню и характеру – было образование женщин и в разных частных пансионах, которые в середине XVIII века, со времен Елизаветы, получили довольно широкое распространение, особенно в Москве и Петербурге. Основная часть этих пансионов содержалась иностранцами, преимущественно французами и француженками. В некоторых из них девочки и мальчики учились вместе, и при том, по словам Г.Р. Державина, это были дети «лучших благородных людей». Позднее стали преобладать пансионы с разделным обучением.

С.М. Соловьев приводит некоторые объявления об открытии пансионов, по которым можно судить, чему обучались девочки в этих учебных заведениях: «1757 г. – Г. де Лаваль с женою берет девиц для обучения французскому языку, истории, рисованию, арифметике. 1758 г. – Две француженки открыли французскую школу для женщин, которых будут обучать: нравоведению, истории, географии, кто пожелает – арифметике, музыке, танцам, рисованию, доброму домостроительству и прочему, что требуется к воспитанию честных женщин. Француженка Ришар будет обучать французскому и немецкому язы-

кам, истории, географии, арифметике и прочему, что касается до доброго воспитания...» [163, с. 565]. Из этих и других приводимых С.М. Соловьевым объявлений виден круг обычного женского «пансионного» образования той эпохи – иностранные языки, предпочтительно гуманитарно-эстетический цикл предметов, необходимые девушкам правила поведения и вопросы, связанные с домоводством и «домостроительством».

Современники и многие мемуаристы оставили немало критических замечаний об этих пансионах, которые содержались, по их словам, «невежественными иностранцами», «заезжими дельцами» и т.д. Во всей этой критике было немало справедливого. Но нельзя не согласиться с В.О. Михневичем, что немало в ней было и поверхностных суждений, которые «не повторял на все лады только ленивый» [109, с. 76], что при почти полном отсутствии аналогичных русских учебных заведений содержимые иностранцами *пансионы сыграла заметную роль в развитии образования в России, и прежде всего – женского.*

Педагогическая профессия начинает складываться в России лишь к концу XVIII века. Отечественных педагогов в этот период, особенно в начале века, либо вовсе не было, либо было крайне мало. «Можно ли было, – справедливо пишет Михневич, – упрекать родителей, что они не ищут для своих детей порядочных русских педагогов, если их не могли найти во всей России в достаточном количестве даже для единственного русского университета» [109, с. 77].

Этот красноречивейший факт объясняет то, что обучение «посредством иностранцев» было вызвано тогда не столько модным пристрастием ко всему французскому (таким пристрастием отечественное просвещение заболело позднее, в начале XIX в.), не какими-нибудь русофобскими настроениями и «западническими» предубеждениями, сколько простой необходимостью, почти безысходностью. А именно – крайней малочисленностью отечественных просветительских сил, равно как и педагогических средств, т.е. почти полным отсутствием и низжайшим качеством собственных учебников.

Можно было сколько угодно иронизировать – и часто справедливо – по поводу фонвизинских Вральманов, но не менее, если не более убогое впечатление производили доморощенные Цифиркины и Кутейкины. Педагоги-иностранцы хотя бы выучивали наших воспитанников и воспитанниц своему языку, что открывало им доступ к сокровищам европейского образования, науки, культуры. К тому же среди этих иностранных педагогов были не только Вральманы, но и Гюйссены, Шлецеры, Тауберты, Лагарпы...

Поэтому всякие попытки пресечь педагогическую практику иностранцев или поставить ее под контроль правительства терпели неудачу, как терпит государство неудачу всегда, когда оно пытается либо упредить, что отмечалось ранее, либо остановить, а тем более – «отменить» ход вещей. Указ 1755 года, запрещавший иностранцам обучать детей без предварительной сдачи специального экзамена, остался все той же бумагой. Собственно и экзамены-то принимать было некому. Плохи или хороши были иностранные гувернеры и гувернантки, основатели и держатели частных женских и других пансионов, – они явились на безотлагательный спрос, который отечественные педагогические силы и средства в то время не могли ни в какой мере удовлетворить как в количественном, так и в качественном отношении.

Создание средних женских учебных заведений во второй половине XVIII века

Первые серьезные шаги в деле организации женского образования были предприняты Екатериной II. Они стали органической и даже в определенной мере опережающей частью ее крупных учебных реформ, которые, по замыслу Екатерины, призваны были решить не только важнейшие образовательные, но и социальные задачи.

Первый период царствования Екатерины II – 1760-е годы – время интенсивного формирования *новой просветительской концепции* государства и соответственно – *новой образовательной политики*. В отличие от петровских и первых послепетровских устремлений государства эта новая концепция преследовала цель не подготовки профессионального работника, а воспитания совершенного человека и гражданина. Соответственно – ***утилитарно-профессиональный характер российской школы на какое-то время сменился общеобразовательным.***

Образовательная концепция Екатерины II и ее ближайшего сподвижника И.И. Бецкого, взращенная на идеях Просвещения, пыталась педагогическими, образовательными средствами разрешить в кратчайшее время две неподдающиеся «историческому сжатию» крупнейшие социальные задачи: произвести с помощью школы «новую породу людей» и с ее же помощью создать «третье сословие», или, говоря словами екатерининского «Наказа», «людей третьего чина».

В первый период екатерининских реформ – в 1760–1770 гг. – обе эти задачи решались параллельно, в частности, и в женском образова-

нии. Позднее, в 1780–1790 гг., в ходе попыток создания целостной системы образования в России, доминирующей становится вторая из названных задач. Первая же от соприкосновения с действительностью все более тускнеет.

Концентрированным выражением новой образовательной доктрины первого периода екатерининских учебных реформ стало **«Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества»**, утвержденное императрицей 12 марта 1764 года. Этот законодательный акт – замечательный памятник отечественной педагогической мысли XVIII столетия – во многих отношениях оказал весомое влияние на последующее развитие российского образования и педагогики. Он положил начало ряду новых звеньев отечественной образовательной системы, в частности, средней женской школе, благотворительным, учебно-воспитательным заведениям и др., заложил основания некоторых важнейших традиций и направлений государственной образовательной политики и официальной педагогики, которые стали сквозными на протяжении почти трех веков: *огосударствление образования, приоритет воспитательных задач в педагогическом процессе, создание интернатных учебно-воспитательных учреждений* и т.д. Вместе с тем важнейшим достоинством этого документа была та *установка на общеобразовательный характер школы*, о которой говорилось выше и которую впоследствии всегда поддерживала, отстаивала и развивала передовая русская общественно-педагогическая мысль.

«Образование человека и гражданина» – центральная идея «Генерального учреждения о воспитании обоего пола юношества». *Это – принципиально новая формула принципиально новой для России образовательной доктрины, которая станет ведущей концептуальной идеей передовой русской педагогической мысли во всей последующей истории отечественного образования.*

Парадокс будет состоять лишь в том, что эта доктрина весьма скоро поменяет своего владельца. Ее держателем, ее обладателем станет общество, а не государство. Впрочем, такой ход вещей был имманентно заложен в самой доктрине. Несущая в своем духе, в своих декларациях огромный потенциал идеологии Просвещения, она в конкретной государственной образовательной практике второй половины XVIII века выветривалась, выхолащивалась, превращалась в свою противоположность. Это наиболее отчетливо проявилось в известном труде государственной педагогики 1780-х годов «О должностях человека и гражданина», который был рекомендован как книга

для чтения в учебных заведениях России (о чем речь пойдет несколько позже).

«Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества» весьма показательно и с другой точки зрения – для характеристики зачаточного состояния отечественной педагогической мысли, педагогической теории XVIII века. При весьма слаборазвитой педагогической теории и неразделенности сфер педагогического труда этот законодательный акт, по существу, являл собой один из крупнейших педагогических трактатов эпохи, заключавший в себе не только ее педагогическую концепцию, указание целей и задач воспитания, но и детальнейшее рассмотрение содержания, форм и методов этого воспитания, его организации, вплоть до учета технических и гигиенических условий обеспечения жизни ребенка.

Многие из положений этого замечательного трактата имеют острый современный интерес: о значении раннего возраста для воспитания и развития ребенка; о необходимости изучения «склонностей и охоты» ребенка, которые должны «над всеми прочими уважениями преимуществовать»; о праве ребенка на выбор занятий, «ибо давно доказано, что не преуспеет он ни в чем том, чему будет принадлежать поневоле, а не по своему желанию» [37, т. 2, с. 155–158].

Автором этого законодательного акта–трактата был И.И. Бецкой. Он неоднократно обсуждал основные идеи своего труда с Екатериной, и, по его словам, тщательно старался «изобразить точно от слова до слова» даваемые ему августейшие «повеления и высокие мысли» [37, т. 2, с. 1–6].

Советская педагогическая историография не уделила И.И. Бецкому должного внимания. Между тем в дореволюционной историко-педагогической литературе он занимал достойное место. Многие историки подчеркивали не только его глубокое знакомство с передовой европейской педагогической мыслью, не только попытки Бецкого практически реализовать ее важнейшие идеи, но и самостоятельность его как педагога-философа, теоретика, в значительной мере опередившего столь любимых и почитаемых им западных педагогических мыслителей.

В отличие, например, от английского философа и педагога Д. Локка, на которого наиболее часто ссылался Бецкой, он выступал за полноправное женское образование, подчеркивая, что в тех странах, в которых много работают женщины, вся жизненная обстановка бывает чиста и весела, жизнь же в странах с преобладанием мужского труда «гнусна и соединена со всякой неудобностью» [78, с. 191].

Оптимизм, доброе веселое настроение воспитываемых как непрерывное условие правильного и всестороннего их развития – одна из отличительных сторон педагогических установок Бецкого. Не соглашаясь с тем же Локком и многими другими зарубежными педагогами, Бецкой решительно не допускал в школе телесных наказаний. Он был чужд сословности. Его теория была более широкой и гуманной, чем теория Локка, от нее веет бодростью, доверием к людям, радостным настроением, уважением к человеческой личности и к человеческой природе. По словам П.Ф. Каптерева, «свет, жизнь, теплота, сердечное чувство льются из уст Бецкого» [78, с. 193]. И это не могло не отразиться на атмосфере созданных им учебных заведений, в том числе воспитательного общества благородных девиц, воспитательных домов и др.

И вместе с тем при всех замечательных качествах педагогики Бецкого, шедшей в общем русле педагогических идей и педагогических иллюзий эпохи Просвещения, ее отличал, как уже отмечалось, всеобъемлющий государственный пафос, вера во всемогущество просвещенного абсолютизма, его государственной инициативы, его неограниченных возможностей, вера в его способность решить все и всякие задачи, в том числе и воспитательные, в частности – в лелеемом им женском образовании.

Две главные исходные посылки лежат в основании государственнической концепции Бецкого – Екатерины II об «образовании человека и гражданина»: идея противостояния государства семейному и общественному воспитанию и идея безусловного примата воспитательных задач школы над образовательными, четко отлитая в формулу «корень всему злу и добру – воспитание».

До Петра I русская семья жила замкнуто, обособленно, вне связи с обществом и государством. С Петра государство вмешивается в жизнь семьи, нарушая ее привычные уклады, в том числе заставляя ее обучать своих детей и отдавать их на службу. Государство не было довольно ни семьей, ни тем воспитанием, которое она давала. Частные школы и пансионы также, по его мнению, не достигали серьезных педагогических целей. Общество и семья, с точки зрения Бецкого, заражали детей своими пороками. И создать из такого «зараженного» ребенка идеального гражданина или просто хорошего человека было, по убеждению Бецкого, невозможно.

«Новую породу отцов и матерей» можно было, считал он, создать только в закрытых учебных заведениях, наглухо отгороженных и от общества, и от семьи. Эту идею активно поддержала Екатерина II, *заложив тем самым интернатную традицию и интернатную*

психологию в отечественной образовательной политике, теории и практике, которые на столетие вперед определили, в частности, путь развития женского образования в России.

Вторая капитальная идея Бецкого – Екатерины о *примате воспитательных задач* была вполне созвучна первой: если государство может изъять ребенка из семьи и общества, то тем более оно может сделать из него то, что хочет.

По мнению Бецкого, с которым соглашалась и императрица, основная причина неудач всех предшествовавших образовательных предприятий правительства (создание Академии наук, академического университета и гимназии, других училищ, посылка русских для обучения за границу и т.д.) состояла в том, что заботились лишь о развитии разума и приобретении познаний. Однако «один только украшенный или просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина, но во многих случаях паче во вред бывает, если кто с самых нежных юности своей лет воспитан не в добродетелях, и твердо оные в сердце его не вкоренены».

Эти рассуждения Бецкого – Екатерины, *впервые ставившие перед российской школой воспитательные задачи, закладывали еще одну долгосрочную, отчасти до сих пор живущую традицию отечественной образовательной политики и официальной педагогики – решительное доминирование воспитательных задач над образовательными*. Чем бы в итоге эта доминанта ни объяснялась – охранительными или революционно-реформаторскими намерениями.

В данном конкретном случае Екатерина II и Бецкой, по мнению Н.М. Карамзина, полагали «святую нравственность» главным основанием общественного воспитания, считая, что самые мудрые законы без добрых нравов не сделают государство счастливым, и что нравы должны быть впечатляемы на заре жизни.

Ту же идею исповедовали и многие другие образовательные проекты 1760-х годов, подробно рассмотренные выдающимся отечественным историком образования и педагогической мысли С.В. Рождественским. По мнению Рождественского, «первая задача Екатерининской реформы ставится сознательно односторонне; первое поколение, проходящее через новые школы, должно быть преимущественно воспитано в добродетели, хотя бы с ущербом для его научно-образовательных интересов» [155, с. 333].

Мнение о том, что воспитание есть «источник всего в свете человеческого благополучия», становится главным тезисом, общим местом почти всех официальных педагогических рассуждений и проектов данной эпохи. Авторы одного из таких проектов полагали, «что

ученый и злонравный человек больше вреда обществу принести может, употребляя излишнее свое сведение на вред ближнего, нежели оставленный в своем невежестве с тихим и кротким нравом» [155, с. 333].

Здесь уже не шаг и не полшага, а касание локоть в локоть с доктриной «охранительного просвещения», определявшей государственную образовательную политику в XIX веке. Здесь же – и истоки той мысли об «обоюдоостром» значении образования, которую провозгласил автор названной доктрины, николаевский министр народного просвещения граф С.С. Уваров. Эти истоки отчетливо видны, например, в речи профессора московского университета А.А. Барсова, произнесенной в 1760 г. «Конец и намерение учения, – говорил Барсов, – есть знание. Но знание подобно оружию – и во благо, и во зло употребить его можно. Надобно уметь управлять им...» [78, с. 185].

Позднее это «управление» знанием, образованием в «целях государственной пользы» станет одной из основных забот государственной образовательной политики и официальной педагогики [63].

Так, формируясь в недрах просветительских идей (в 1760–1770-х годах преимущественно под французским влиянием), складывалась собственно русская государственная педагогическая доктрина, с одной стороны, всецело поддерживающая, к примеру, идеи Гельвеция о всемогуществе воспитания, а с другой – отвергающая аргументы Руссо, Локка, д'Аламбера, Дидро о несовершенстве и недостатках публичного, а тем более государственного воспитания.

Эта доктрина получила наиболее полное отражение в опытах екатерининской учебной реформы 1760-х годов – в уставах и практической деятельности преобразованных или вновь созданных учебных заведений, которые, по словам С.В. Рождественского, «имели целью сделать своих питомцев добродетельными и потом уже просвещенными» [155, с. 332].

Первым уставом такого рода учебных заведений был составленный Бецким и утвержденный императрицей 5 мая 1764 г. Устав Воспитательного общества, что также **закладывало своеобразную политическую традицию** (которая наиболее отчетливо проявится в XIX веке) – **опережающего реформирования и контрреформирования женского образования**. Это опережение обуславливалось в значительной мере тем, что проблемы «догоняющего развития» женского образования, его постоянного (до 60-х годов XIX в.) отставания от мужской школы затрагивали не только «верхушечный класс» общества, но и многие другие социальные слои.

Воспитательное общество благородных девиц было открыто 28 июня 1764 года в Воскресенском Новодевичьем монастыре, называемом Смольным (по имени деревни Смольная, ранее находившейся на этом месте), и стало первым в России государственным женским средним учебным заведением закрытого типа. Его прототипом послужило упоминавшееся ранее знаменитое женское училище в Сен-Сире (до которого ранее в Европе не было средних женских учебных заведений, содержащихся на государственные средства), точнее, – первый короткий, но блестящий период существования этого училища, с момента его учреждения в 1686 г. и до 1692 г., когда оно было обращено в женский августинский монастырь.

Более чем полувековой разрыв между первым выдающимся периодом жизни Сен-Сира и учреждением Смольного института благородных девиц, естественно, оставлял между ними мало общего. Общими были лишь их предназначение для дочерей потомственных дворян, интернатный характер, с ранним отрывом детей от дома, царивший в обоих учреждениях светский, аристократический дух, некоторые элементы внутреннего устройства и внешнего антуража: деление, к примеру, детей на четыре возраста, каждый из которых имел свой особый цвет платья. Цели же этих учебных заведений существенно различались. Сен-Сир, в отличие от екатерининского детища, не ставил перед собой глобальной задачи создания «новой породы матерей».

По мнению Д.А. Толстого, сравнивавшего эти учебные заведения, «как ни недостаточен план учения в Смольном, он был гораздо обширнее Сен-сирского». Однако трудно согласиться с утверждением Д.А. Толстого (министра народного просвещения крайне реакционного толка), что оба этих училища «грешили крайностями: одно – ультрамонашеским характером, другое – излишней светскостью». Если для позднейшего периода жизни Сен-Сира, действительно, был характерен «совершенно монашеский дух», то дух Смольного, особенно на первых этапах его существования, вопреки утверждениям Д.А. Толстого, не был «исключительно и слишком светским».

Даже официальные историографы Ведомства учреждений императрицы Марии отмечали, что в Смольном институте «воспитание было основано на религиозно-нравственных началах» [35, с. 20]. Тогда как, например, в реорганизованном в те же годы Сухопутном шляхетском корпусе религия в учебном курсе играла незначительную роль, в Смольном она составляла краеугольный камень воспитания. Устав Воспитательного общества благородных девиц указывал на это недвусмысленно: «Первое попечение надлежит иметь о вере, дабы

заблаговременно посеять и вкоренить в сердцах благоговение, т.е. безмолвное почитание христианского благочестия» [37, т. 1. Гл. II, § 1].

«Светские же добродетели, – по утверждению Устава – суть: *повиновение начальствующим*, взаимная учтивость, кротость, воздержание, равенственное в благонравии поведение, чистое, к добру склонное и праводушное сердце, а напоследок благородным особам приличная скромность и великодушие и, одним словом, удаление от всего того, что гордостью и самолюбием называться может».

Таковы были главные заботы воспитательной деятельности Смольного института. Устав подчеркивал, что «добрым употреблением и слиянием» поименованных «важных качеств» «долженствует произвести совершенное молодых девиц воспитание».

Смольный институт был рассчитан на 200 воспитанниц. В него принимали девочек с шести лет на двенадцатилетний срок. При поступлении требовался документ, подтверждающий дворянское происхождение родителей, и их обязательство, что они, «по собственному своему произволению и видя будущую дочерям их от сего воспитания пользу, препоручат в опеку совершенно до 18-летнего возраста, так что до исходу того 12-летнего времени ни под каким видом обратно требовать их не станут» и «через все время пребывания их дочерей в Воспитательном обществе от всякого попечения о них свободны» [37, т. II, с. 52].

Воспитанницы Смольного института, как уже отмечалось, делились на четыре возраста: от 6 до 9 лет, от 9 до 12, от 12 до 15 и от 15 до 18 лет. В «первом возрасте» преподавались: Закон Божий, русский, французский и немецкий языки, арифметика, рисование, «танцевание», музыка, шитье и всякого рода вязания. «Во втором» – к выше-названным предметам прибавлялись: история, география, некоторые практические сведения о домашнем хозяйстве. В курс «третьего возраста» добавлялось преподавание словесных наук, архитектуры и геральдики. «Зачем эти две последние науки помещены были в план женского образования, – задавался вопросом Д.А. Толстой, – в настоящее время понять трудно». В 1783 г. геральдика была исключена из учебного курса. О значении, которое в Смольном институте придавалось тем или иным предметам, можно было судить по жалованью учителей: танцмейстеру полагалось 1100 рублей в год, учителю арифметики – 180 руб. [76, вып. 14, с. 132].

Весь «четвертый возраст» был посвящен повторению пройденного и усиленным практическим занятиям по домоводству, рукоделию, счетоводству и пр. Кроме того, здесь особо преподавались «правила

доброто воспитания, добронравия, светского обхождения и учтивости» [35, с. 20].

Воспитанницы «четвертого возраста» проходили также своеобразную «педагогическую практику». Они ежедневно по очереди обучали девочек младшего (первого) возраста, «дабы от сей практики навыкнуть заблаговременно, как им, будучи матерями, обучать детей своих, и в собственном воспитании найдут себе великое вспомощение, в каком бы состоянии им жить ни случилось» [37, т. 2, с. 56].

Хотя по замыслу и по составу предметов учебный курс в институте был общеобразовательным, в конкретном своем воплощении он нес два отчетливых отпечатка: *сословно-шляхетского* мужского образования и традиционного *утилитарно-прикладного* женского образования. Изучение истории, например, было связано с нравоучением и познанием приемов «светского обхождения». Обучение арифметике почиталось необходимым «для содержания впредь в должном порядке домашней экономии». С той же целью воспитанницы «четвертого возраста» обязаны были «вести записку расходам... договариваться с поставщиками о припасах, каждую субботу делать расчет и... платеж производить, определять цену всякого товару по качеству оногo; и наипаче смотреть, чтоб во всем наблюдаемом был совершенный порядок и чистота» [37].

С 13 лет воспитанниц готовили к светской жизни: они принимали участие в придворных празднествах, концертах, спектаклях. Екатерина II даже обращалась к Вольтеру и Дидро с просьбой написать для этой цели специальные пьесы – как в свое время Расин писал для Сен-Сира. (Оба обещали, но на этом дело и кончилось.) Все это развивало в смольнянках определенное «стремление к роскоши, что в то время оправдывалось желанием создать противовес грубости нравов и способствовать развитию вкуса и более утонченного склада жизни» [35, с. 20].

Действительно, одной из основных задач вводимой Екатериной II системы воспитания, особенно женского, было содействие смягчению «неотесанных нравов» русского общества. Эта задача, естественно, была не под силу одному Смольному институту, или, как называл его Вольтер, «батальону амазонок». Тем более что многие из воспитателей института были частью того самого общества, которое надлежало перевоспитать. К тому же и само общество отнюдь не жаждало перевоспитания, весьма скептически относясь и к самой затее женского образования, и к новым плодам его – «монастыркам», как часто называли выпускниц Смольного института. Но тем не менее начало было положено.

Воспитательная часть, составлявшая главный предмет забот учредителей Воспитательного общества благородных девиц, как и всего «генерального плана» екатерининской учебной реформы 1760-х годов, была подчинена строгой системе, разработанной Бецким. По классификации устава Смольного института, она включала в себя: физическое воспитание, физико-моральное, собственно моральное и дидактическое – посредством обучения. Как иронически отмечал Михневич, улавливая тенденцию, позднее постоянно сопутствовавшую отечественной официальной педагогике, «по части доведенного до такой филигранной тонкости размежевания природы ребенка и прилагаемых к ней воспитательно-образовательных мер тогдашние мыслители-педагоги были настоящими виртуозами» [109, с. 107].

Особенное внимание уделялось *физическому воспитанию*, по поводу которого было высказано множество ценнейших мыслей и в котором предлагалось «следовать по стопам природы, не преодолевая ее и не переламывая, но, способствуя ей, наклонять мало-помалу от вредного к полезному». Конкретные рекомендации по этой части могли бы украсить многие современные труды по физическому воспитанию: возможно чаще быть на чистом воздухе и в движении; приучать к перенесению холода, зноя, перемены погоды; содействовать детской резвости, живости, охотам к играм и забавам; блюсти здоровую диету, которая подробно расписывалась, приучать «есть все, что есть только можно», и «стараться, чтоб было все, сколь можно, просто» [37, т. 2, с. 69].

Физико-моральное воспитание выстраивалось на основе принципа, что «праздность есть мать пороков, а трудолюбие – отец всех добродетелей». В соответствии с этим была разработана целая программа игр, рукоделий, различного рода упражнений – с тем, чтобы «трудами и непрестанным телодвижением, отгоняя лень, уныние, грусть», которые являются «предшественниками дурных нравов», сохранять «силу, бодрость и веселость духа, столь нужные и для здоровья, и для доброты сердца» [37, т. 2, с. 70].

Собственно *моральное воспитание* основывалось на стремлении достаточно призрачном – «удалять от слуха и зрения (детей) все, что хотя тень порока имеет». Вместе с тем И.И. Бецкой подчеркивал: во-первых, необходимость «живого примера» воспитателей и смотрителей, который «всякой словесной морали действительней», и, во-вторых, необходимость воспитания всего, «что нужно для благонравия, как-то: чувствительность к благодарности, ибо неблагодарный человек недостоин никаких благодеяний, почтение к наставникам, дружелюбие, откровенность, благоприятность к равным, снисхожде-

ние и человеколюбие к меньшим, бережливость, опрятность, чистоту, угодливость, учтивость, терпение, трудолюбие и прочие добродетели, которые в жизни столько же необходимы, как и сама жизнь, и без чего никто не достоин носить имя человека».

Наконец, моральное воспитание должно было поддерживать в воспитанниках спасительный дух сомнения в самих себе – в своих заслугах и достоинствах и изгонять зародыши гордости и самомнения, «дабы, не думая никогда, что уже совершенны, старались они час от часу лучше быть».

Естественно, столь гуманный дух устава не допускал и мысли ни о каких телесных наказаниях. И сами наказания были мягки, в лучшем смысле педагогичны: самой высшей мерой наказания было «присыжать публичным выговором» [37, т. 2, с. 74].

Мы столь подробно остановились на этой воспитательной части составленного И.И. Бецким Устава Смольного института, который послужил образцом для аналогичных женских учебных заведений России, *по трем причинам*.

Во-первых, неся в себе глубоко гуманистические идеалы Просвещения, Устав в данной своей части отчетливо раскрывал замысел создателей женских учебных заведений, который, сколько бы ни таял со временем, не мог не оставлять в этом времени свои гуманные следы.

Во-вторых, в этом раннем документе государственной официальной педагогики, в отличие от большей части позднейших ее продуктов, воспитательный элемент – неотрывная часть общего гуманистического созидания личности Человека, а не инструмент выковывания верноподданного той или иной власти, «винтика» той или иной государственной социальной системы.

Последующая смена акцента на эту, вторую установку отчетливо дает о себе знать уже в 70–80-х годах XVIII века, чему наглядный пример – названная ранее книга «О должностях человека и гражданина», к рассмотрению которой мы вернемся чуть позже.

И, наконец, *в-третьих*: рассматриваемый и цитируемый нами замечательный документ, имеющий, как уже отмечалось, подобно многим другим педагогическим памятникам XVIII столетия, и законотворческий и теоретико-методический характер, давно уже стал раритетом. Он практически недоступен современному читателю, что, увы, лишь пополняет изъяны в нашей педагогической культуре.

Через семь месяцев после открытия Воспитательного общества благородных девиц, 31 января 1765 года, было учреждено при нем так называемое мещанское отделение для воспитания дочерей чиновников, купцов и мещан. Это отделение было рассчитано на 240 воспи-

танниц, также разделенных на четыре возраста. Управление «благородными» и «мещанскими» отделениями было единым.

Курс обучения в новом отделении был значительно проще и прагматичнее. Он исчерпывался Законом Божиим, русским и одним иностранным языком (умение читать и писать), арифметикой. Из искусств преподавались рисование, танцы, музыка. Особое внимание уделялось рукоделию и домоводству, которые имели сугубо практический характер. Воспитанниц готовили к исполнению обязанности гувернантки в дворянских семьях, экономок, мастериц и т.д. В четвертом возрасте воспитанницы должны были умело вести хозяйство, «могли употребляемы быть ко всяким женским рукоделиям и работам, то есть шить, ткать, вязать, стряпать, мыть, чистить и всю службу экономическую исправлять» [37, т. 2, с. 70–71].

Воспитательная же часть Устава института в полной мере распространялась и на воспитанниц мещанского отделения. Поскольку, как считал Бецкой, они будут «первейшими наперсницами дочерей дворянина».

Несмотря на этот, по словам Михневича, «филантропический демократизм» Бецкого [109, с. 112], встречавший резкое противодействие в дворянском обществе, женское образование именно под влиянием этого противодействия с первых же своих шагов вынуждено было отклониться от фундаментальных идей Генерального учреждения 1764 г. и пойти преимущественно сословным путем. Таким строго сословным учебным заведением оказался и Смольный институт (и большинство последующих женских институтов). Каждое из его отделений имело целью воспитывать женскую молодежь «в гражданских добродетелях и правилах культурного обихода определенных сословий – дворянства и мещанства» [155, с. 381].

Таким образом, по справедливому замечанию историка С.М. Коваленского, Екатерина II хотела воспитывать не одну, а «сразу две породы – дворянскую и мещанскую. Эти две породы ни в чем не смешивались, их готовили для разных целей и по разным программам; весь склад их жизни был совершенно различным» [76, вып. 14, с. 131]. Иными словами, *женское среднее образование, несмотря на свой «бессословный» замысел, пошло тем же путем, что и мужское – путем сословным.*

Так постепенно рассыпался глобальный и в значительной мере эфемерный план «Генерального учреждения о воспитании обоего пола юношества» – раннего плода отечественной законодательной и теоретической мысли в области образования, возвращенного на передовых педагогических идеях. Рассыпался по двум причинам: из-за са-

моуверенности власти, взявшей по своему усмотрению устраивать историю, в том числе и образовательную, и из-за неподатливости этой истории, неготовой воспринять брошенные в нее семена. Для их созревания и всхода потребовалось более столетия.

Применительно к женскому образованию, а точнее, к единственному в то время его пристанищу – Смольному институту – эту ситуацию ярко обрисовал В.О. Михневич, правда, с акцентом более на субъективных, чем на объективных причинах неосуществимости намеченных планов: «Все было предусмотрено и обусловлено тщательно подобранными, вычитанными из очень хороших книжек правилами и инструкциями, так что, по букве, ничего не оставалось лучшего желать; но практика, с первых же шагов, пошла, по обыкновению, колесить по кривым дорогам, проторенным застарелой рутинной, невежественностью, недобросовестностью, не обращая внимания на руководящие столбы и вехи преподанных уставов, и частью – в прямой разрез с ними» [109, с. 111].

Нереализуемость государственного «педагогического манифеста» 1760-х годов – «Генерального учреждения о воспитании обоего пола юношества» власть осознала довольно скоро. Уже так называемый большой Наказ императрицы, данный комиссии для сочинения Нового Уложения 1767 года (XIV глава Наказа была озаглавлена «О воспитании», ст. 347–356), признавал невозможность «дать общее воспитание многочисленному народу и вскормить всех детей в нарочно для того учрежденных домах» [155, с. 282]. Центр тяжести воспитания теперь переносится на семью, а не на государственные школы. ***Вопрос о создании системы государственных школ, т.е. государственной системы образования, – главная социально-педагогическая задача-программа XVIII столетия – вновь остается открытым.*** Лишь в конце 1770–1780-х годах Екатерина попытается решить эту задачу, предприняв шаги к проведению комплексной учебной реформы по австрийскому образцу. С этого периода, как отмечает С.В. Рождественский, «кончается эпоха заимствования отвлеченных идей и начинается эпоха заимствования учреждений» [155, с. 329].

Женское образование в контексте екатерининской учебной реформы 1780-х годов

В нашу задачу не входит рассмотрение второй екатерининской учебной реформы, являвшейся, в сущности, контрреформой по отношению к недавно созданному женскому образованию и которая не-

редко, с разной степенью полноты и глубины, освещалась в педагогической историографии. Однако нельзя не отметить ряда принципиальных положений этой реформы, ибо они в итоге не могли не сказаться на последующей судьбе женского образования.

Учебная реформа 1780-х годов, с одной стороны, была направлена на реализацию второй из отмеченных выше важнейших задач предшествовавшей екатерининской образовательной политики – создание «третьего чина граждан», среднего сословия посредством новой системы воспитания и обучения, чему и должна была в первую очередь отвечать заимствованная из Австрии система народных школ. С другой стороны, в этой реформе отчетливо видна **существенная трансформация, если не смена, образовательной концепции правительства**. По существу, в идеологическом и социально-педагогическом плане данная реформа несла в себе новые, в значительной мере **контрреформаторские принципы-тенденции** по отношению к предшествовавшей екатерининской школьной реформе. Каковы же они?

Во-первых, это окончательный отказ от просветительской иллюзии провести все подрастающее поколение через государственные воспитательные заведения интернатного типа.

Во-вторых, изменение цели школы, которая теперь уже не притязает на всеобъемлющее воспитание «человека и гражданина» вообще, а решает более узкую и прагматическую задачу воспитания и образования гражданина (синоним – подданного) применительно к условиям его социального быта.

В-третьих, своеобразное выравнивание воспитательных и образовательных задач школы. Гражданин-подданный должен быть не только надлежащим образом воспитан, но и обучен в пределах потребностей, определяемых его положением, в том числе – и его полом.

В-четвертых, такого рода обучение «среднего чина граждан», естественно, принимает характер реального образования (в значительной мере прикладного), что составляло важнейшую особенность и одну из важнейших задач данной школьной реформы.

Все это очевидно означало неуклонное движение к сословной школе, что было неизбежным, поскольку именно в данный период окончательно складывался сословный строй русского общества. Будучи не в силах отказаться от этого строя и переступить через российские реалии, Екатерина II вынуждена была отказаться от многих прежних замыслов построения «новой школы». В том числе – и от своей первоначальной идеи не делать различий между сословиями,

между образованием мальчиков и девочек, не допускать разрыва уровней мужского и женского образования и т.д.

Отмеченные перемены в общей образовательной политике вносили существенные изменения в жизнь Смольного института. Вторая екатерининская школьная реформа вобрала в себя как составную часть *первую реформу/контрреформу женского образования в России*, которая попыталась привести его в соответствие с заимствованной из Австрии «нормальной учебной системой». Эта реформа женского образования также началась с опережением – преобразования в Смольном институте на год упредили изменения в Сухопутном шляхетском корпусе. Последствия данной реформы/контрреформы были неоднозначны. Ее результатом стала, с одной стороны, говоря современным языком, определенная оптимизация внутреннего строя женской школы; с другой – утилитаризация женского образования.

Была и еще **одна фундаментальная идея** новой екатерининской школьной реформы 1780-х годов, имевшая не только существенное образовательное, но и принципиальное политическое значение. Идея, которая *станет сквозным, более того, доминирующим принципом государственной образовательной политики на протяжении последующих двух столетий* (за исключением редких периодов «оттепели» в образовании, периодов прогрессивных образовательных реформ). А именно – **принцип полного единообразия образовательной системы**, заимствованный из австрийской школьной реформы: единообразие в организации школьной жизни, «в книгах и учебном способе, чтоб не воследовало ни в учителях, ни в книгах какого разврата ко вреду общей пользы» [155, с. 611].

В соответствии с этой идеей 28 марта 1783 года было дано высочайшее распоряжение о преобразовании учебного плана Смольного института по образцу народных училищ и о проведении ревизии учебной части института.

Комиссия под руководством будущего первого министра народного просвещения П.В. Завадовского вскрыла существенные недостатки как в общей организации института, так и в его учебной части. Она отметила, что, поскольку на дворянской половине института преподавание почти всех предметов велось на иностранном языке, воспитанницы «разучивались русской грамоте», не получали «ясных, твердых, последовательных знаний». «На мещанской половине были воспитанницы, не умевшие подписать свое имя». Общий вывод комиссии был неутешительным: институтское обучение «вдыхает в воспитанниц от наук отвращение и вместо просвещения разума омрачает оный» [76, вып. 14, с. 132].

Комиссия Завадовского внесла существенные улучшения в учебную часть Смольного института: ввела преподавание всех предметов на русском языке, заменила неспособных учительниц приготовленными учителями, ввела по сути впервые четкий учебный план, выработала новое «Расположение учения», по которому учебные предметы распределялись соответственно возрастным группам, подготовила специально для Смольного «Наставление» учителям, основанное на дидактических принципах «Руководства учителям I и II класса народных училищ» – наглядность обучения, фронтальные беседы с классом и т.д. Все эти меры, одобренные Екатериной II, безусловно способствовали совершенствованию учебной части института.

*Что же касается общих целей воспитания и обучения, и, соответственно, средств их реализации, то комиссия Завадовского сделала существенный шаг назад по сравнению с той целью, которая имелась в виду при учреждении Смольного института. **Общечеловеческая цель образования**, по справедливому замечанию Е.И. Лихачевой, «была впервые сужена и специализирована... в чисто женскую». Задача воспитания девиц теперь «состояла наипаче в том, чтобы сделать их добрыми хозяйками, верными супругами и попечительными матерями». А для того надлежало «сочинить» различные наставления по поведению женщин в различных ипостасях семейной жизни с тем, чтобы они могли быть «опорой дома», «прелестью света и сокровищем для супруга» [94, кн. 1, с. 219, 276; выделено нами. – Авт.].*

***Названная цель определила характер женского образования более чем на полстолетия вперед.** Хотя, как с горькой иронией замечала Лихачева, «новая цель воспитания и образования... не только тогда, но и никогда и нигде не могла быть достигнута, ибо никакие книги, никакие методы преподавания не могут научить девушку быть впоследствии верной супругой и попечительной матерью». К тому же по отношению к женщине «каждый супруг по-своему понимает, что для него составляет сокровище...» [94, кн. 1, с. 238, 277].*

Вместе с тем *новая «чисто женская» «прикладная» цель женского образования являла собой составную часть общей новой «словно-прикладной» концепции школы, образования*, выдвинутой в ходе второй екатерининской учебной реформы (о принципах-тенденциях которой мы упоминали ранее). *Эта концепция также станет доминантой образовательной доктрины власти на ближайшие двести лет* (за исключением тех же редких периодов «оттепели»). В рассматриваемое время она наиболее четко формулировалась и всесторонне раскрывалась в известной, уже называвшейся ранее книге «О должностях человека и гражданина», которая стала на-

стойной во всех учебных заведениях поздней екатерининской поры, в том числе и в женских.

Высокое слово «гражданин», вынесенное в заглавие этой книги, фактически совсем в ней не употреблялось, так же как и слово «человек», которое встречается лишь в первой ее части, где идет речь о нравственных заповедях христианства. *Ключевое слово книги* – «*подданный*» (реже употребляется – «сын отечества»), и именно его обязанности детально здесь расписываются.

Центральная установка этого воспитательного руководства, представлявшего собой своеобразный венец охранительных откровений в истории российской официальной педагогики, состоит в следующем: «Истинный сын отечества должен быть привязан к государству, образу правления, к начальству и к законам. Любовь к отечеству состоит в том, чтобы покоряться законам, учреждениям и добрым нравам общества, в коем живем».

Поскольку правительство предстает в книге всевидящим, всезнающим, всеумудрым, заботящимся о всеобщем благополучии, то «все подданные обязаны правителей своих почитать, Богу о них молиться, законам и уставам их повиноваться, подати и службы, без которых правители держав общего благосостояния и безопасности сохранить не могут, должны подданные добродушно и усердно давать... Каждый подданный должен оказывать почтение, любовь, послушание и верность не только державствующему, но и определенным и установленным от него меньшим властям».

Этот настольный кодекс послушания, до уровня которого последующая официальная педагогика дотягивалась весьма редко, выделяет три главные задачи – «должности» подданных.

«*Первая должность сына отечества* есть не говорить и не делать ничего предосудительного в рассуждении правительства, и потому всякие возмутительные поступки, как-то: роптания, худые рассуждения, поносительные и дерзкие слова против государственного учреждения и правления, суть преступления против отечества и строгого наказания достойны...»

«Законы суть учреждения, коими определяется, что правительство почитает полезным для благосостояния государства, и так повиновение есть вторая *должность сына отечества...*»

«Начальники могут и должны все лучше и основательнее знать; почему упование на прозорливость и праводушие правителей есть третья *должность сына отечества...*»

Кодекс раба в век Просвещения – таковы парадоксы российского «просвещенного абсолютизма». Последствия этого внедренного в

плоть и сознание кодекса народ выдавливает из себя то «по капле», то реками крови вот уже третье столетие. *«Эта книга, – писал в начале XX века П.Ф. Каптерев, – есть самое характерное выражение государственной екатерининской педагогики, есть педагогически-этический апофеоз современной правительственной власти»* [78, с. 196; выделено нами. – Авт.].

Устав 1786 года, реализуя задачи создания «третьего чина граждан», открывал в России по австрийскому образцу малые и главные народные училища (но в отличие от Австрии только в городах, а не в сельской местности), в которые принимались как мальчики, так и девочки. Однако число учениц в этих училищах было крайне незначительным, поскольку, как отмечал Г.Р. Державин, «считалось за непристойное брать уроки девицам в публичной школе».

В 1796 году, в год смерти Екатерины II, из 1121 учениц этих училищ в Петербурге обучалось 759, в остальной России – 362 [51, с. 72]. Во всей Московской губернии в 1794 г. в народных училищах не было ни одной учащейся девочки, и даже в частных пансионах и школах из 3061 учащихся на всю губернию приходилось только 113 девочек. Всего же из 176730 человек, обучавшихся в народных училищах России в 1782–1800 гг., девочек было лишь 12595, т.е. немногим более 7% [94, кн. 1, с. 285; 41, с. 19]. Все эти цифры свидетельствуют о крайней неразвитости женского образования в России к концу XVIII века.

Эта неразвитость к концу «века Просвещения» имела *две основные причины*: весьма незначительная в то время его востребованность в русском обществе и постепенное угасание интереса власти к ею же инициированным малочисленным очагам этого образования. Ни в одном из известных проектов 1760–1770-х годов (план «детских воспитательных академий» или «государственных гимназий», план профессора Дильтея и др.) вопрос о женском образовании не ставился. Единственный раз этот вопрос возник в конце 1760-х годов в предложениях В.Т. Золотницкого, поданных в Уложенную комиссию, который полагал, что «наряду с мужскими необходимо устраивать и женские средние училища» [155, с. 302]. Во время работы Уложенной комиссии из 158 дворянских наказов лишь 35 так или иначе упоминали о школах, и только в одном наказе малороссийских дворян было высказано пожелание о создании училищ для благородных девиц. Как отмечала Лихачева, если в начале царствования Екатерины II «общество и литература высказывали мало интереса к образованию женщин», то к концу XVIII века даже этот малый интерес вовсе погас [94, кн. 1, с. 276; 41].

И вместе с тем как бы ни были малозначительны количественные итоги развития женской школы в XVIII веке, *главным в этом развитии – в исторической перспективе – являлось то, что сфера женского образования стала объектом государственной деятельности*. Более того, – самостоятельным и весьма специфическим объектом образовательной политики. Эта специфичность, о которой говорилось выше и которая проистекала из взглядов власти на особые цели, задачи и содержание женского образования, в значительной мере окрасит его последующее развитие, особенно в первой половине XIX столетия.

Новый век почти на полстолетия сохранит как единственный тип среднего женского учебного заведения закрытый женский институт, созданный И.И. Бецким и Екатериной II, который, по словам Н.М. Карамзина, «и целью, и средствами своими заслужил искреннюю похвалу, искреннее удивление в Европе». Но не только сохранит – распространит его по многим губерниям России, внося в него свои существенные изменения.

СРЕДНЕЕ ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Новые тенденции правительственной политики в области женского образования в первой четверти XIX века

Спустя шесть дней после смерти Екатерины – 12 марта 1796 года – Павел I издал повеление, в котором предписывал своей жене Марии Федоровне «начальствовать над Воспитательным обществом благородных девиц» [ПСЗ, т. XXIV, №17543]. Через год, 2 мая 1797 года именным указом Сенату он передал под управление императрицы и Воспитательные дома «со всеми принадлежащими к ним заведениями» (там же, № 17952).

Эти поручения императора не остались пустой формальностью и, в отличие от повелений его великого прадеда, вышли за пределы только намерений. Все последующие тридцать четыре года своей жизни императрица Мария Федоровна буквально посвятила женскому образованию, поставив его весьма основательно и открыв в нем многие новые страницы. По словам Е.И. Лихачевой, «установленным его кругом занятий и деятельности, отведенным для женского образования, приданным этому образованию характером, она надолго определила норму, за пределы которой никто и не мечтал перейти» [94, кн. 1, с. 247].

Деятельность императрицы Марии Федоровны на поприще женского образования представляет собой уникальный в отечественной и, пожалуй, в мировой истории пример, когда «первая леди» государства своей основной целью избрала заботу о женских учебно-воспитательных заведениях. В этой заботе было, правда, немало своеобразия. Императрица имела свою, четко очерченную образовательную линию, во многом противостоящую тому, что позже делал ее сын, Александр I в сфере реформирования российского образования. Но множественность ее трудов на избранном поприще несомненна.

Императрица фактически лично управляла вверенными ей многочисленными учебными и благотворительными заведениями. Она вникала во все подробности дела, не упуская ничего, что имело хоть малейшее отношение к этим заведениям, – начиная от целей воспитания и учебных программ до уборки снега, мусора, истребления тараканов, включая детальное изучение институтских меню, сравнение цен закупок продуктов с существующими на рынке и т.д. Мария Федоровна *ежедневно* приезжала в институты, внимательно просматривала

«личные дела» каждой воспитанницы, их тетради, сочинения, материалы, по которым преподавали учителя. Мимо нее не проходили назначения и увольнения не только начальниц, классных дам и учителей, но даже писарей, сторожей, прачек и трубочистов.

Эта всепроникающая, подчас умиляющая, подчас леденящая работа строго очерчивала рамки деятельности заведений, подведомственных императрице. Они во всем подчинялись ее воле, ее многочисленным указаниям, которые вкуче составили огромное документальное наследие – в основном административно-эпистолярное (переписка с начальницами заведений) и инструктивно-методическое (написанные или выправленные ею правила, инструкции, наставления и т.п.). Эти материалы, всесторонне раскрывающие весьма неординарные педагогические воззрения Марии Федоровны, никогда не публиковались, хотя они представляют немалый исторический интерес. Фрагменты из них печатались лишь в отдельных дореволюционных работах о женском образовании.

С самого начала своей деятельности на ниве женского образования Мария Федоровна приступила к его реорганизации. Это было *второе, после 1783 года, реформирование, а по сути контрреформирование женской школы, которое определялось тремя главными тенденциями*: 1) окончательным отказом от основных идей, положенных Екатериной II и И.И. Бецким в основание женского образования при его создании в России в 1760-х годах; 2) явным антиреформаторским настроем по отношению к александровским школьным реформам начала XIX столетия и кристаллизацией в сфере женского образования, с упреждением более чем на четверть века, ведущих задач николаевских контрреформ и основных устоев созданного им школьного режима, в частности – сословности образования и 3) выделением среднего женского образования в самостоятельную образовательную «отрасль», не связанную с общей системой российского образования.

Это последнее обстоятельство особенно примечательно в свете той позитивной тенденции школьного строительства, которая наметилась во второй половине XVIII века. При Екатерине II женское образование, во-первых, стало предметом интереса и заботы *государства* и, во-вторых, государство пыталось *включить* женское образование в общую создаваемую им школьную систему. (Хотя задача создания такой системы так и осталась нерешенной в XVIII веке и была как первоочередная передана в наследие XIX столетию.) На пороге же этого нового столетия женская школа была выведена из вновь созданной системы образования и управления образованием и стала предметом опеки не государства, а *ведомства*, возглавляемого импе-

ратрицей Марией Федоровной, которое позже, в 1854 году официально конституируется как Ведомство учреждений императрицы Марии (ВУИМ).

Это выделение женского образования из общей школьной системы произошло в два этапа. Де-факто – при Павле I, в тех его поручениях 1796 года, о которых говорилось выше. И де-юре – при Александре I, в «Уставе учебных заведений, подведомственных университетам» 1804 года. Этот Устав, знаменитый многими своими прогрессивными уложениями, в первую очередь – всесословностью школы и преемственностью всех ее ступеней, – создавал на месте прежних главных и малых народных училищ, в которых могли обучаться девочки, три новых типа учебных заведений – гимназии, уездные и приходские училища. Первые два типа школ предназначались *исключительно* для лиц мужского пола и только в приходские училища разрешалось принимать девочек.

Таким образом, вольно или невольно произошло «законодательное изгнание» женского пола из государственных повышенных и средних учебных заведений. Женское образование вновь сосредоточивалось только в отгороженных от общей школьной системы институтах благородных девиц, в частных женских пансионах и школах, а также в традиционных способах домашнего образования.

Эта отгороженность средней женской школы от общей системы образования во многом и определила ту специфическую линию ее развития, ее особое социально-педагогическое лицо, которые отличали женское образование от общего реформаторского курса в школьном деле начала XIX века. На фоне заявленного всесословного принципа школьного строительства откровенная и жесткая сословность женского образования, исповедуемая Марией Федоровной, была особенно разительна, хотя именно эта сословная установка матери-императрицы была несравнимо ближе существовавшему тогда стереотипам общественного сознания, нежели *опережающая образовательная всесословная политика* ее сына. И если эта политика Александра I была направлена на социальный вырост, на изменение стереотипов сословного сознания, то Мария Федоровна вела линию на упрочение этого сознания и укоренение сословных, равно как и многих других, предрассудков.

«Признаюсь, – откровенно заявляла мать-императрица, – что вижу большие неудобства в смешении благородных девиц с мещанскими, ибо несомненно, что обязанности и назначение последних во многих отношениях различается от обязанностей и назначения благородных девиц... Приобретение талантов и приятных для общества ис-

куств, которое существенно в воспитании благородной девицы, ставится не только вредным, но и пагубным для мещанки, ибо это ставит ее вне своего круга и заставляет искать опасного для ее добродетели общества... Стало быть непременно надо их (т.е. благородных и мещанок) разделить» [78, с. 143].

«Стремление сделать образование строго сословным, – писал П.Ф. Каптерев, – пригвоздить каждое сословие к определенной для него школе и ни в какие другие не пускать – было основным стремлением школьной николаевской политики» [78, с. 146]. Эту политику Мария Федоровна определила более чем на четверть века.

Проблема сословности, точнее – строго сословного отбора в разного рода женские учебные заведения и «несмещения сословий» в каждом из них была одной из центральных забот императрицы. Здесь она не только намного опередила своего сына – Николая I, но и сумела сделать значительно больше, чем он. Николаю предстояло «расчищать» созданные его старшим братом Александром I всесословные мужские гимназии. Тогда как мать-императрица попросту не допускала «неблагородных» в благородные учреждения и строжайше сортировала девочек, принимаемых в различные женские учебные заведения не только по сословиям, но и по чинам табели о рангах, по служебному положению и даже профессии их отцов. Так, на благородную половину Смольного института не приняли девочку, отец которой соответствовал всем «параметрам» высокого дворянского рода, но, увы, был «скульптор, следовательно художник», а потому считался «непроходным» [94, кн. 2, с. 54].

Последующая история российского образования (и женского, и мужского), кроме николаевской эпохи, не знала столь жестокой сословной селекции (исключая немногие привилегированные учебные заведения), как та, к которой прибегла Мария Федоровна. Для каждой социальной группы, для всякого звания, чина, положения, занимаемого родителями воспитанницы, она учреждала особые женские учебные заведения, которые подразделялись на мельчайшие категории, со своими специфическими целями, учебным курсом, внутренней организацией и т.д. (Эта сословная россыпь позже была упорядочена Николаем I в стройные сословные шеренги женских учебных заведений.)

Естественно, что при таком подходе мещанское отделение Смольного института постепенно превратилось в учебное заведение для дочерей низшего дворянства и чиновничества. И даже несмотря на то, что Павел I при первом докладе императрицы 11 января 1797 года не согласился на сокращение мещанских воспитанниц в Смольном институте и вдвое увеличил их число (со 100 до 200), выделив соответ-

ствующие для этого средства, императрица медленно, но неуклонно провела свою линию, оставив от мещанской половины Смольного лишь ее название.

То же произошло и в других открытых при Марии Федоровне институтах благородных девиц. В первой четверти XIX века было создано 10 таких учебных заведений. Пять из них находились в С.-Петербурге – Мариинский (1797) и Павловский (1798) институты, училище ордена св. Екатерины (1798), Елисаветинский (1808) и Патриотический (1813) институты. Три в Москве – училище ордена св. Екатерины (1802), Александровский (1804) и Елисаветинский (1825) институты. И два были открыты в провинции: в 1812 г. Харьковский институт (о специфике которого речь пойдет ниже) и в 1819 г. Полтавский институт.

Идеология новой реформы среднего женского образования отчетливо проявилась в первых же документах, регламентирующих деятельность средних женских учебных заведений, в разосланных в 1797 году инструкциях их начальницам и правилах приема в Общество благородных девиц. Эти документы, отчасти собственноручно написанные императрицей Марией Федоровной, отчасти тщательно выправленные ею, выявили характер ее воззрений на среднее женское образование и ***определили основные направления его развития на ближайшие полстолетия.***

Прежде всего изменению подвергся взгляд на само *назначение женского образования* и соответственно – на *его цели*. Две кардинальные государственно-педагогические идеи Екатерины II – Бецкого – «образование новой породы отцов и матерей» и смягчение путем воспитания нравов русского общества – были сданы в архив. На первое место вышли *две другие идеи – сословность и благотворительность*. «Екатерининские широкие воспитательные задачи гуманно-общественного характера, – отмечал П.Ф. Каптерев, – были заменены более узкими – подготовкой из воспитанниц "добрых супруг, хороших матерей и хороших хозяек"». «В качестве хозяйки, – писала Мария Федоровна, – женщина достойный и полезный член государства».

Таким образом, женское образование теперь становилось не столько общеобразовательным, сколько *«профессионально женским»*. Императрица Мария Федоровна, как и Екатерина II, подчиняла образование воспитанию. Но цели этого воспитания были принципиально иными. Как отмечал П.Ф. Каптерев, «мариинский институтский дух и екатерининский были совершенно различные духи: при императрице Марии Федоровне была открыта чисто женская профессия, она-то и была выдвинута на первый план в институтском курсе... *Институты*

сделались профессиональными женскими учебными заведениями, тогда как при Екатерине они преследовали общественные задачи и цели» [78, с. 142–143; выделено нами. – Авт.]

В зависимости от сословного контингента обучаемых эта новая цель женского образования варьировалась на разные лады. Главной задачей созданного императрицей на собственные средства «сиротского» училища, или Мариинского института, было: сделать из «бедных сирот» «честных и добродетельных супруг, хороших и понимающих экономок, заботливых нянь, гувернанток и в случае необходимости доверенных лиц, верных и ревностных». Целью девичьего училища военно-сиротского дома, где воспитывались и дворянские и недворянские дети, определялась подготовка «добрых супруг, добрых матерей, добрых наставниц или хороших хозяек и мастериц, искусных горничных или служанок» [94, кн. 2, с. 165, 167].

Поскольку цель создания «людей вообще просвещенных» и «производства новой породы отцов и матерей» сменилась задачей строго сословного воспроизводства с примесью забот о беднейшем дворянстве, *изменились во многом не только идеология, но и сама организация, весь строй внутренней институтской жизни*. В первую очередь императрица начала с изменения возраста приема в женские учебные заведения и срока пребывания в них.

В одном из первых своих посланий руководству Общества благородных девиц 4 января 1797 года императрица весьма убедительно аргументировала необходимость изменения возраста приема в институт. «Прежде всего, – писала она, – я предлагаю изменить приемный возраст детей... Мы принимаем их пяти лет; в этом нежном возрасте главным образом нужен физический уход, а в большом заведении нельзя доставить каждому ребенку такой уход, какой у него был в родительском доме, даже из самых бедных... Кроме того, не подлежит сомнению, что пятилетний ребенок не может извлечь никакой пользы от учения; опасно, скажу даже, жестоко требовать хоть какого-нибудь прилежания от этих малюток в столь нежном возрасте, когда их физический организм должен слагаться и когда, муча ребенка учением, нельзя достигнуть в месяц того, что с ним же, когда ему будет восемь лет, можно сделать в один день. Но еще более важная причина побуждает меня к переменам, – продолжала императрица, – вот она: принимая детей пяти лет и отдавая их от родителей, они не сохраняют никакого воспоминания о тех, кому обязаны жизнью. Уважение, дочерняя любовь – эти чувства им неизвестны... Поэтому возвращение в родительский дом, вместо того, чтобы быть желанным и счастливым, для такого ребенка страшно, ибо он не мог сохранить никакого вос-

поминания о счастье и наслаждении, даваемых родительскими ласками; если же, напротив, мы будем брать ребенка восьми или девяти лет, то воспоминания о родительском доме никогда уже не изгладятся из его памяти и он будет сердечно желать возвращения к родителям» [94, кн. 2, с. 7, 8].

Такой представляла парадоксальная педагогическая смесь из непреодолимых сословных предрассудков и своеобразного родительского гуманизма в официальных воззрениях на женское образование. (Впрочем, сей гуманизм позволял «сечение розгами в институтах» в отличие от установок И.И. Бецкого, который, как отмечалось выше, не допускал даже мысли о телесных наказаниях.) Эта смесь становится еще более противоречивой, а в какой-то мере даже устрашающей при введении нового настольного руководства для женских учебных заведений, которое уже в конце 1790-х годов заменило «Книгу о должностях человека и гражданина», – а именно переведенное с немецкого сочинение Кампе «Отеческие советы моей дочери» [12]. Эта новая настольная книга, *определявшая воспитательное кредо второй реформы женского образования в России*, производила удручающее впечатление и на многих современников и на дореволюционных исследователей женского образования не только своей напыщенностью, массой нелепостей, но и, говоря словами Е.И. Лихачевой, «просто безнравственностью» многих даваемых автором советов.

Между тем новое учебное руководство в определенной мере было логическим продолжением старого. Как уже отмечалось, «Книга о должностях человека и гражданина», при всем ее громком названии, по сути представляла своеобразный кодекс подданного. В ней лишь один раз упоминалось о женщине отдельно от мужчины – в главе «Супружеская жизнь» в следующих перефразирующих евангельский текст словах: «муж есть глава, жена же помощница мужу, она должна мужа почитать и бояться, быть ему подчиненной и в домоводстве помогать».

Именно этот тезис, его детальное и всестороннее развитие и составляет дух, существо, содержание «Отеческих советов» – *кодекса женщины-рабыни*, являвшего собой нечто вроде неодома, в соответствии с которым в течение *тридцати лет*, т.е. трех поколений, шло воспитание в средних женских учебных заведениях России. Справедливости ради надо сказать, что с 1813 по 1828 год вместо «Отеческих советов» Кампе использовалось «Нравочение для благородных воспитанниц Общества благородных девиц и института ордена св. Екатерины», составленное законоучителем Смольного и Екатерининского институтов Воскресенским. Но это «Нравочение» – по

сути сокращенный вариант книги Кампе, в полной мере сохранявший ее дух и букву.

Назначение женщин Кампе, в полном соответствии с воззрениями императрицы Марии Федоровны, видел в том, что они должны быть «супругами для счастья мужей, матерями для образования детей и мудрыми расположительницами домашнего хозяйства». Основное средство для достижения этого предназначения – полная погруженность женщины в домашние работы и заботы. «Для благополучия мужа» она должна сама вести все хозяйство, должна быть прежде всего «совершенная швея, ткачиха, чулочница и кухарка, должна разделить свое существование между детской, кухнею, погребом, амбаром, двором и садом; должна целый день летать с одного места на другое...» А затем, «если останется время», может развивать и другие свои способности, «какие нужны к собственному ее благополучию, к удовольствию просвещенного ее супруга, к благоразумному надзору над малолетними детьми...»

Главное орудие развития этих «других своих способностей» для женщины – «познание истин религии». Все остальное – от лукавого. Более того – вредно. Кампе предупреждает своих читательниц, чтобы они «не укрепляли свое воображение непристойными упражнениями в изящных искусствах». Ибо занятия этими искусствами только «ослабляют нервы, делают нас слишком чувствительными ко всему, что раздражает слух разногласием или мерзит глазам отвратительными красками и гнусными видами, а прочие чувства оскорбляют сильными и противными впечатлениями... А хорошая хозяйка, – упорно напоминает автор, – должна быть менее чувствительна к таковым неприятностям, ибо в домоводстве не избежишь их».

Еще с большей агрессией идеолог женского воспитания обрушивается на науки и всякую прочую ученость. Для женщин вообще, пишет он, а для супруги и хозяйки в особенности вовсе не нужны науки и разные «ученые сведения», «если она не хочет навлечь на себя справедливое нареkanie и презрение». «На что женщине обширные и глубокие сведения, если она не может употребить их на пользу ни в кухне, ни в кладовой, ни в кругу своих приятельниц и, наконец, ни в каком месте политического и ученого света». «Не было примера, – замечает Кампе, – чтобы ученость женщины... послужила ей на пользу. ...Мужу такой жены не нужно». Вряд ли найдется муж, который «настолько был бы помешан умом, что измерял бы достоинства супруги ученым масштабом по длине, ширине и толщине ее сведений в литературе».

Собственно и для мужчины, по мнению автора, ученость вредна, ибо «ученые слабы здоровьем». Для женщины же ученость «подлинная язва душевная». Кроме того, она – «препятствие щастливой жизни супружества и хорошего воспитания».

Предохраняя женщин от искусств, наук и прочих вредностей, Кампе пытался предупредить их и о других превратностях жизни. Как практический психолог он знакомит читательниц с «различными характерами людскими», а заодно и с некоторыми жизненными премудростями. Одна из главных – «быть недоверчивой ко всему», предполагать о всех малознакомых людях, что они «могут обмануть, провесты и привлечь в убыток».

Кампе учит, как различать «глупых от природы и глупых от обстоятельств», отдавая первым предпочтение и подчеркивая, что они «услужливы, не вредные твари... нужны в жизни» и «на их услужливость можно положиться». Развивая эту тему, автор советует оказывать всякому даже «несколько более чести, нежели сколько приличествует по его состоянию и заслугам, ибо каждый думает о себе и своих заслугах и состоянии выше, чем они действительно стоят». Более же всего почестей, говорит Кампе, следует «оказывать глупцам всякого состояния» и с особой осторожностью соблюдать при общении с ними «все церемонии и весь этикет...» [12, с. 7–21].

«И такая книга, – восклицает известный историк женского образования Е.И. Лихачева, – читалась в классах воспитанниц институтов!» Да, читалась. Потому, что была востребована. Потому, что отражала более чем широкие общественные умонастроения. Достаточно открыть весьма передовые для своего времени журналы «Патриот» (с педагогическим подзаголовком «Журнал воспитания»), издаваемый В.В. Измайловым, «Вестник Европы» М.Т. Каченовского и др., чтобы убедиться в этом.

«Вестник Европы» задается, например, глубокомысленными вопросами: «Упражнения в науках и словесности есть ли необходимая принадлежность женщин? Не охладит ли любовь к словесности в женщине любви супружеской? Захочет ли ученая женщина заниматься мелочами хозяйства? Имея мужа, не столь просвещенного, не нарушит ли иногда закон, предписывающий ей подчинение и покорность?» [Вестник Европы, 1811, сентябрь]. И как бы отвечая на эти вопросы, журнал «Патриот» заявлял, что наука, книги, учителя приносят женщине прямой вред, что они «помрачают еще на заре тот душевный цветок, который так радуется любимца молодой девушки – невинность чувств и мыслей», что муж «не любит находить в жене

соперника или профессора и что все ученые женщины были в любви несчастливы» [Патриот, 1804, т. 1, январь, февраль, март].

В соответствии с такими взглядами на задачи и характер образования женщин выстраивались в подведомственных императрице учебно-воспитательных заведениях учебные планы и сам учебный процесс. В учебном плане, собственноручно составленном Марией Федоровной в 1787 году, вскоре после вступления в управление этими заведениями, в отличие от программы преподавания, предложенной в 1783 г. Комиссией народных училищ, на первое место были поставлены иностранные языки и Закон Божий. На обучение языкам в младшем возрасте было отведено 18 из 30 недельных часов. На географию, историю, арифметику отводилось по одному уроку. Два часа посвящались танцам, десять – музыке и рукоделию. В среднем возрасте преподавались те же предметы, но число учебных часов увеличивалось до 34. В старшем возрасте дополнительно преподавались логика, геометрия, натуральная история и опытная физика.

В учебный план мещанской половины входили: Закон Божий, арифметика, «насколько это нужно в домашнем хозяйстве», русская история и рисование. На все это отводилось 24 часа в неделю, остальное время было отдано рукоделиям. Новый учебный план отменял преподававшиеся здесь при Екатерине иностранные языки, музыку и танцы. Однако вскоре эти предметы были вновь восстановлены.

О духе и направленности преподавания, в полной мере соответствующих принятой в то время идеологии женского образования, можно судить по многочисленным наставлениям как императрицы, так и начальниц заведений. При преподавании истории надлежало, например, учитывать что «чувствительной женщине мало дела до того, сколько человек погибло в том или ином сражении, но молодым девушкам в высшей степени полезно, и им следует знать то, что повлияло на домашнюю жизнь, и так преподаваемая история вполне будет отвечать цели их воспитания». При преподавании географии надлежало знакомить воспитанниц «с произведениями земли», торговлей, технологией и другими «полезными предметами». В обучении физике необходимо было ограничиваться «некоторыми свойствами тел и явлениями в природе, которые могут пригодиться молодым девушкам в обыденной жизни», например, такими «сведениями о дожде, снеге, граде и т.п.», которые «полезны девицам при воспитании будущих детей». Об арифметике же говорилось, что она «есть такая наука, которая женскому полу во всю жизнь при разных расчетах необходимо нужна».

Этот *утилитаризм* «профессионально женского» образования дополнялся второй, не менее характерной его чертой – *сентиментально-эстетствующей направленностью*. Что вполне соответствовало водворенному Карамзиным духу сентиментализма, с его стремлением к утончению вкусов и облагораживанию нравов. Эстетический элемент вообще был преобладающим в русском образовании в первой четверти XIX века. Но в отличие от мужского, в женском образовании он всецело доминировал над образованием умственным.

«Вестник Европы», издаваемый в этот период Н.М. Карамзиным, так обрисовал портрет идеальной женщины: «Такая женщина никого не ослепит с первого взгляда. Ум ее не столько блестящ, сколько тонок... Она знает всех лучших французских поэтов и почерпнула из разных сочинений нравоучительных и принадлежащих до воспитания все то, чем только может пользоваться в обществе приятная женщина, добрая жена и нежная мать... Она соединяет свою судьбу с другом не по выбору сердца своего, но покорствуясь обстоятельствам... Она совершенная последовательница *оптимизма*, какая бы ни случилась ей неприятность, задумается... и всегда скажет потом: "Может быть это к лучшему"» [Портрет замужней женщины // Вестник Европы, 1802, № 3].

Как и в мужском образовании первой четверти XIX века, но только в несравнимо большей степени, в женском преобладала внешняя, показная сторона учения: подготовка к театрализованным представлениям, выпускным экзаменам и т.д. На подготовку и проведение этих экзаменов уходило до пяти месяцев в году. В своих известных воспоминаниях академик А.В. Никитенко, работавший в то время сначала в Екатерининском училище, а позже в Смольном институте, писал, что в этих учебных заведениях «все делалось для парада и показа», что в учебном процессе преследовались в основном цели внешние [226, т. 1, с. 271].

Именно эти внешние цели, вкупе с боязнью учености и строгой сословностью женского образования, оградили его от веяний передовой западной педагогики, в частности от влияния идей и «методы» Песталоцци. Хотя переводы многих сочинений Песталоцци («Лингардт и Гертруда», «Как Гертруда учит своих детей», «Книга матерей» и др.) печатались в ряде тогдашних журналов. В частности И.И. Мартынов, лично известный императрице и пользовавшийся ее доверием, с большим сочувствием и достаточно обстоятельно излагал взгляды великого педагога в своем журнале «Северный вестник».

Тем не менее система Песталоцци обошла стороной подведомственные императрице женские учебно-воспитательные заведения – при

всем том, что обучение в них, по словам известного русского педагога и историка педагогики Л.Н. Модзалевского, также «было проникнуто воспитательной идеей, для которой метода служила только средством в применении к тому или иному учебному предмету». Обошла стороной потому, что все стремления Песталоцци были направлены на воспитание «внутреннего человека», тогда как рассматриваемые женские учебные заведения были озабочены больше внешней стороной этого воспитания.

Выше уже отмечалось, что императрица Мария Федоровна вела достаточно самостоятельную образовательную линию, во многом противоположную общей образовательной политике правительства. Это не мешало ей, однако, заимствовать у Министерства народного просвещения и у мужских учебных заведений некоторые политические, организационно-управленческие и методические новации. В период голицынского управления ведомством просвещения, с его религиозно-мистическим уклоном, императрица с готовностью позаимствовала этот уклон, который отвечал ее внутренним убеждениям. Напротив, когда известный комитет А.С. Шишкова по устройству учебной части в империи восстал в 1824 г. против засилия в учебных заведениях французского языка и потребовал, чтобы русский язык был поставлен как главный учебный предмет во всех школах России, Мария Федоровна пренебрегла этой «нелепостью». В своей учебной вотчине она оставила французский язык как основной предмет обучения. Более того, она настоятельно требовала преподавать многие предметы на французском языке, например, географию, историю, геометрию, физику. Главная цель при этом заключалась не в том, чтобы воспитанницы усвоили эти науки, а чтобы они усовершенствовались все в том же французском языке.

В воспоминаниях одной из институток приводится примечательный эпизод. Во время восстания 14 декабря 1825 г., когда в институте была слышна пальба из орудий, начальница обратилась к воспитанницам со следующими словами: «Это Господь Бог наказывает вас, девицы, за ваши грехи; самый главный и тяжкий грех ваш тот, что вы редко говорите по-французски и точно кухарки болтаете все по-русски». «В страшном перепуге, – пишет автор воспоминаний, – мы вполне осознали весь ужас нашего грехопадения и на коленях перед иконами с горькими слезами раскаяния тогда же поклялись начальнице вовсе не употреблять в разговорах русского языка. Наши заклания были как бы услышаны; пальба внезапно стихла. Мы все успокоились и долго после того в спальнях и залах Патриотического института не слышалось русского языка» [222, с. 78].

Впрочем, далеко не все институтские наставники так пренебрежительно относились к родному языку. Приглашенный в 1830 году для устройства учебной части в Полтавском институте известный писатель, профессор Харьковского университета П.П. Гулак-Артемовский резко выступил против небрежения русским языком. «Мера пользы, получаемой от изучения сих предметов (истории и географии) на французском языке, – писал он, – никогда не будет равняться мере вреда, даже нравственно понимаемого, от пренебрежения языка отечественного» [94, кн. 2, с. 220].

В первой четверти XIX века зародился ряд новых, важных тенденций в развитии среднего женского образования, которые полстолетия спустя станут преобладающими: увеличение числа и расширение географии женских учебных заведений, появление их в провинции, начало участия общественной инициативы в деле женского образования – опять же в провинции, в частности при создании Харьковского и Полтавского женских институтов; постепенное размывание сословности и закрытого характера этих институтов – обучение в них не только детей дворян, появление «приходящих» учениц и «полупансионерок», помимо тех, кто содержался на казенном или «своекоштном» пансионе. В этом отношении особенно показателен Харьковский институт благородных девиц, создание которого было *первой инициативой русского общества в деле женского образования*.

Харьковский институт благородных девиц, открытый на местные средства по инициативе известного украинского писателя и общественного деятеля Г.Ф. Квитко-Основьяненко, существенно отличался от подобных столичных учебных заведений. Его устав, составленный Харьковским обществом благотворения, отразил взгляды наиболее передовых и образованных людей того времени на воспитание и обучение женщин. Взгляды, которые получают развитие и широкое распространение в России в 60-х годах XIX века.

Первым значительным отличием Харьковского института явился сам способ его создания – по общественной инициативе и на общественные средства. *Вторым* не менее важным отличием был отход от жестко сословной линии в женском образовании: в институт допускались не только дочери дворян, но и купцов всех гильдий «и других званий, кроме крестьянского и мещанского происхождения». *Третьим* существенным отличием стало преодоление существовавшей уже полстолетия строго закрытой системы женского воспитания: в институте обучались не только пансионерки, но полупансионерки и даже приходящие. Это аргументировалось в уставе тем, чтобы «заведение сие сделать *более общественным* и облегчить способы к содержанию

института» [94, кн. 2, с. 83; выделено нами. – *Авт.*]. Как отмечалось в официальном историческом очерке учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии, «Устав Харьковского института... во многом согласованный с планом Бецкого», отличался и «широким филантропическим характером» [35, с. 36]. Действительно, устав института во многом текстуально воспроизводил устав И.И. Бецкого, в частности следовал его духу в своих целях, в укладе институтской жизни, в постановке обучения и воспитания. В институте, например, в отличие от столичных заведений, не допускались телесные наказания, обращалось особое внимание на гуманное отношение к воспитанницам, на нормальные взаимоотношения институтских служащих. Смотрительницам предписывалось не только не бранить служащих, но и не делать им выговора при детях, «чтобы не приучить их к грубому обращению с подчиненными» [94, кн. 2, с. 84].

Устав Харьковского института разделял взгляд Екатерины II, что образование в женских учебных заведениях должно «поселить любовь к учению» в воспитанницах. Вместе с тем устав добавлял, что оно должно привить «и понятия, что успехи в оном суть единственные способы к основанию и утверждению их благосостояния».

В этом плане показательна и та цель, то будущее предназначение воспитанниц института, к достижению которых было направлено институтское образование. Предвосхищая педагогическую направленность большинства женских гимназий 1860-х годов, эта цель в уставе Харьковского института формулировалась следующим образом: «дать образование и нужные *в обществе* познания, посредством коих, по выпуске из института, могли бы они (воспитанницы) определяться в дома помещиков *учительницами* к дочерям их и в случае необходимости собственными трудами доставлять себе пропитание» [94, кн. 2, с. 85]. Очевидно, что названная цель существенно отличалась от общей установки императрицы Марии Федоровны на приготовление в женских институтах «добрых супруг, хороших матерей и хороших хозяек».

Впрочем, и императрица была не чужда педагогических задач женских учебных заведений и в значительной мере способствовала их решению. Это породило еще одну важную тенденцию в жизни женской школы начала XIX столетия – ***возникновение и развитие женского педагогического образования***. В этот период оно зарождалось и развивалось в трех видах: 1) учреждение классов пепиньерок при институтах, где ученицы должны были обучаться в течение года, после чего они определялись в институтские классные дамы или поступали учительницами, гувернантками в частные дома; 2) создание специ-

альных классов наставниц при Воспитательных домах, где так же в течение года выпускницы этих домов проходили «энциклопедические уроки наук» и педагогическую практику, преподавая в младших классах или временно исполняя обязанности классных дам в различных институтах, и 3) приобретение определенных педагогических знаний и навыков в процессе непосредственного обучения в институте.

Наилучшую педагогическую подготовку – теоретическую и практическую – получали выпускницы классов наставниц в Воспитательных домах. Наставницы предназначались для педагогической деятельности исключительно на периферии, в губерниях. По справедливому замечанию Е.И. Лихачевой, *учреждением классов наставниц было положено «прочное основание педагогическому образованию женщин»*. «Эти наставницы, или, как их чаще называли "кандидатки", были... самыми образованными девушками во всей России; они распространяли среди молодого поколения, в течение почти полувека, полученное ими образование...» [94, кн. 2, с. 246].

Закономерным следствием возникновения и развития женского педагогического образования стало начало становления в России первой четверти XIX столетия *женского педагогического труда – нового феномена российской жизни*, который с 1860-х годов будет приобретать все более массовый и яркий характер.

Среднее женское образование в России первой четверти XIX века исчерпывалось только учебно-воспитательными заведениями, подведомственными императрице Марии Федоровне. Эти заведения охватывали около половины обучавшихся в то время девушек. Остальные учились в частных пансионах, подчиненных Министерству народного просвещения. Большинство этих пансионов находилось в столицах, и воспитывались здесь почти исключительно дворянские дети.

В губернских женских пансионах состав учащихся был демократичнее. В харьковское училище для девиц, организованное в 1820 году на общественные средства по инициативе местных учителей и чиновников, допускались дети духовных и купеческих сословий. Бедных предполагалось обучать даром, а с остальных взималась плата по 200 рублей в год. Учителя и учительницы здесь преподавали бесплатно. (В 1860-х гг. такой бескорыстный труд получит широчайшее распространение по всей России.) Женские пансионы и частные училища для приходящих, доступные для всех свободных сословий, были открыты в 1805 году в Могилеве, в 1811 году – в Одессе, в 1821 году – в Саратовской губернии и др. Более всего женских пансионов и частных училищ было в Дерпте, некоторые из них открывались на средства города.

Основная часть пансионов, и женских и мужских, в первой четверти XIX века, как и в XVIII столетии, содержалась иностранцами. В 1811 году, накануне Отечественной войны, «под влиянием возбуждения в обществе национального чувства» министр народного просвещения граф А.К. Разумовский поднял вопрос о вреде иностранных воспитателей и принял ограничительные меры по отношению к частным пансионатам. В особом докладе Александру I министр писал: «В отечестве нашем далеко простерло корни свои воспитание, иноземцами сообщаемое... Все почти пансионаты в империи содержатся иностранцами, которые весьма редко бывают с качествами, для звания сего потребными. Не зная нашего языка и гнушаясь им, не имея привязанности к стране, для них чуждой, они нашим россиянам внушают презрение к языку нашему и охлаждают сердца их ко всему домашнему, и в недрах России из россиян образуют иностранца» [154, с. 76–77].

А.К. Разумовский предлагал усилить надзор за содержателями пансионов, требовать от них и учителей знания русского языка и вести на нем преподавание всех предметов. 25 мая 1811 года император утвердил эти предложения министра, а еще полгода спустя, 19 января 1812 года – и предложения Разумовского о восстановлении Указа 1757 г. об экзаменах для приезжих иностранцев, которые намерены заниматься педагогической деятельностью.

Все эти меры в определенной степени упорядочили деятельность частных пансионов, но отнюдь не изменили состав их содержателей. Подавляющее большинство учредителей пансионов еще долго составляли иностранцы, поскольку этот род педагогического труда испытывал явный голод в отечественных кадрах.

Программы почти всех женских пансионов были более или менее одинаковы, особенно после мер, предпринятых в 1811 году. В пансионатах преподавались: Закон Божий (не во всех пансионатах), русский, французский и немецкий языки, арифметика, история, география, музыка, танцы, рукоделия, чистописание или рисование. В некоторых пансионатах, преимущественно столичных, к названным предметам прибавлялись: мифология, естественная история, эстетика, итальянский и английский языки, пение. Плата колебалась от 200 до 800 руб. в год для пансионеровок и от 60 до 80 руб. для приходящих.

В 1824 году в учебных заведениях, подведомственных Министерству народного просвещения, училось 5835 девочек. Из них в частных пансионатах – 3420, в уездных училищах – 338, в приходских училищах – 1482, остальные – в девичьих и городских училищах и училищах взаимного обучения. Больше число учениц женских пансионатов при-

ходило на Дерптский учебный округ – 1284 и на западные губернии – 511. Во всех остальных русских губерниях было всего 1390 девочек, учившихся в пансионах.

К 1828 году, к концу жизни императрицы Марии Федоровны, число учащихся во всех женских средних учебных заведениях России достигло 12 тыс. человек [94, кн. 2, с. 263, 265]. В сравнении с началом XIX в. это было серьезное продвижение вперед. По отношению же к общему числу женской части населения страны эта цифра была ничтожна – менее 5%.

В целом *в первой четверти XIX в. среднее женское образование оформилось в достаточно самостоятельную, развитую структуру, но обособленную от общей образовательной системы.* Эта обособленность со временем будет постепенно преодолеваться. Но и в начале XX столетия сохранится *сложившийся в рассматриваемый период дуализм женского образования* – разделение его на две ветви и соответственно особое, самостоятельное управление каждой из них: женские институты и другие учебно-воспитательные заведения, находившиеся в Ведомстве учреждений императрицы Марии Федоровны, и частные пансионы, общественные и городские женские училища, а позже – женские гимназии, подведомственные Министерству народного просвещения.

Женское образование в системе никалаевских школьных контрреформ

Восстание 14 декабря 1825 года круто изменило курс внутренней политики самодержавия, в том числе – и его образовательной политики. В манифесте 13 июля 1826 года, объявившем приговор декабристам, новый император Николай I возлагал на «ложное направление» просвещения прямую ответственность за «порчу нравов» и видел в изменении этого направления главное средство отрезвления общества «от дерзновенных мечтаний». «Не просвещению, но праздности ума, более вредной, нежели праздность телесных сил, – говорилось в манифесте, – недостатку твердых познаний должно приписать сие своевольство мыслей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а наконец – гибель. Тщетны будут все усилия, все пожертвования правительства, если домашнее воспитание не будет приготавливать нравы и содействовать его видам» [154, с. 178].

Однако не только и даже не столько домашнее воспитание (которым правительство займется чуть позже) обратило на себя в первую очередь внимание самодержавия. Это внимание сосредоточилось прежде всего на «общественном воспитании», на радикальном преобразовании существовавшей «учебной системы», исходя из новых принципов и образовательной и в целом внутренней политики. **«Так политическая сторона в вопросе народного просвещения опять выдвигалась на первый план, и учебная система должна была подчиниться прежде всего целям воспитания общества»**, – констатировал официальный историограф Министерства народного просвещения, видный русский историк образования С.В. Рождественский [154, с. 178; выделено нами. – Авт.].

Как это неоднократно происходило и позже (что в конечном итоге стало своеобразной политической традицией в России), вопросы переустройства системы образования в этот переломный период стали первоочередными в ряду проблем российской жизни, которые, с точки зрения правительства, должны были подвергнуться коренному пересмотру. Первый из «особых комитетов», деятельность которых составляла типичную черту николаевской правительственной системы, был создан рескриптом 14 мая 1826 года именно для реорганизации «учебной части» в империи.

Данный рескрипт на имя министра народного просвещения А.С. Шишкова начинался следующими словами Николая I, определявшими одну из основных задач и создаваемого Комитета устройства учебных заведений, и подготавливаемой им школьной реформы: «Обозревая с особенным вниманием устройство учебных заведений, в коих российское юношество образуется на службу государству, Я с сожалением вижу, что не существует в них должного необходимого *однообразия*, на коем должно быть основано как воспитание, так и учение». Комитету вменялось в обязанность «сличить все уставы учебных заведений империи, начиная с приходских училищ до университетов», а также их учебные курсы, учебные книги и руководства, *«уравнять совершенно по всем местам империи все уставы оных заведений»*, *«определить подробно на будущее время все курсы учений, означив и сочинения, по коим оные должны впредь быть преподаваемы»*; поручить профессорам и академикам восполнить пробелы в учебной литературе, *«дабы уже за совершением сего воспретить всякие произвольные преподавания учений по произвольным книгам и тетрадям»* [154, с. 179; выделено нами. – Авт.].

Итак, **введение единообразия** в систему образования и в образовательный процесс, их **унификация** было одной из главных целей новой

школьной реформы. Двумя другими главными ее целями являлись – **ужесточение правительственного контроля над школой**, образованием и жесткое **проведение сословного принципа** в школьном деле, «чтобы каждый разряд училищ давал законченное образование для того класса лиц, для которого он предназначен».

Эти цели были четко обозначены в речи А.С. Шишкова 2 июня 1826 года при открытии заседаний Комитета устройства учебных заведений. Основными причинами «упадка» учебных заведений министр признал неудовлетворительность их уставов, в которых упущена *«основная цель народного просвещения – образование, приспособленное к потребностям разных состояний»*, и «недостаток общего и частного надзора за учебными заведениями». Подчеркивая необходимость «единства учебной системы», министр решительно выступил против частных пансионов и признал вредным домашнее воспитание.

Николай I был недоволен медлительностью работы Комитета устройства учебных заведений, равно как и нетвердостью его позиций в проведении ключевой идеи реформы – сословности образования. 3 сентября 1827 года на одном из журналов заседаний комитета император написал: «Я требую непременно, чтобы дело шло поспешнее». А за месяц до этого, 19 августа в рескрипте на имя министра А.С. Шишкова Николай I однозначно высказался и по сословному вопросу. Он потребовал, «чтобы повсюду предметы учения и самые способы преподавания были по возможности соображаемы с будущим вероятным предназначением обучающихся, чтобы каждый, вместе с здоровыми, для всех общими понятиями о вере, законах и нравственности, приобретал познания, наиболее для него нужные, могущие служить к улучшению его участи и не быв ниже своего состояния, также не стремился через меру возвыситься над тем, в коем, по обыкновенному течению дел, ему суждено оставаться» [154, с. 179–198].

Это требование было четко проведено в новом Уставе учебных заведений, подведомственных университетам, утвержденном 8 декабря 1828 года. Сохраняя существовавшие три разряда учебных заведений – гимназии, уездные и приходские училища, Устав, во-первых, разрывал преемственность между ними и в каждом предусматривал законченный круг образования, а во-вторых, «приурочивал этот круг к потребностям определенного класса населения». Приходские училища предназначались для людей «самых нижних состояний»; уездные училища, «открытые для людей всех состояний, в особенности предназначены для того, чтобы детям купцов, ремесленников и других городских обывателей, вместе с средствами лучшего нравственного образования, доставить те сведения, кои по образу жизни их, нуждам

и упражнениям, могут быть им наиболее полезны»; «главнейшая цель учреждения гимназий есть доставление приличного воспитания детям дворян и чиновников» [154, с. 197].

Все эти ведущие идеи новой николаевской школьной реформы – *сословность образования, разрыв преемственности его различных ступеней, его унификация, ужесточение правительственного надзора за школой* и всеми видами обучения и воспитания очевидно делали ее **контрреформой** по отношению к реформаторским акциям начала XIX века. Если тогда выстраивалась всесословная преемственная система образования, в рамках которой существовали относительная свобода и самостоятельность учебных заведений, то теперь эта система преобразовывалась в жестко сословные образовательные «соты», не связанные между собой, внутри которых должны были воцариться строгое единообразие и неподвижный «порядок». Скованная ими образовательная жизнь замирала на ближайшее тридцатилетие. ***Охранительные цели и направления образовательной политики становились господствующими, определяя соответствующий, охранительный характер самого образования.***

В новейшей отечественной литературе по истории российского образования уже не раз отмечался опережающий характер как школьных реформ, так и контрреформ. В данном случае нас интересует последнее. Феномен опережающего зарождения и проведения образовательных контрреформ объяснялся своеобразной политико-образовательной концепцией самодержавия, – так называемой ***доктриной «охранительного просвещения»*** или ***«просветительного охранения»***. Основную идею, суть этой доктрины во второй половине XIX века отчетливо выразил один из руководящих ее служителей, директор Департамента народного просвещения Н.М. Аничков, назвав просвещение «внутренней охраной царства» [63, с. 58].

Эта доктрина ведет свое летоисчисление от упомянутого ранее николаевского манифеста 13 июля 1826 года, в котором объявлялся приговор декабристам. Но окончательное свое оформление в стройную охранительную идеологию она обрела только под пером графа С.С. Уварова, занявшего в 1833 году пост министра народного просвещения. Цель ее теперь формулировалась следующим образом: «Завладевши умами юношества, привести оное почти нечувствительно к той точке, где слиться должны, к разрешению одной из труднейших задач времени, образование правильное, основательное, необходимое в каждом веке, с глубоким убеждением и теплой верой в ***истинно русские охранительные начала Православия, Самодержжа-***

вия и Народности, составляющие последний якорь нашего спасения и важнейший залог силы и величия нашего Отечества» [63, с. 58–59].

Этот взгляд на охранительную роль образования останется преобладающим в образовательной и в целом во внутренней политике самодержавия вплоть до его падения. Исключение составит лишь период оттепели – время «великих реформ», когда доминирующим будет взгляд на развивающие, созидательные функции образования. Но и тогда охранительная образовательная доктрина будет заметно сохранять свою силу. В самый разгар «великих реформ», в 1862 году один из наиболее крупных и влиятельных деятелей эпохи, министр внутренних дел П.А. Валуев писал: «Современная молодежь может считаться временно потерянной... Исправить школы – только цель. Речь идет о том, чтобы их преобразовать с основания и снова начать создавать новое поколение» [63, с. 64].

«Просветительная» доктрина самодержавия была апогеем и ярчайшим выражением его реакционной утопии управления историей. Ядром этой утопии, первейшей ее целью являлось стремление остановить развитие освободительного процесса в России. А поскольку охранительная концепция этого процесса полностью исключала социально-экономические, политические и другие глубинные противоречия как его основу, поскольку таковой признавались, говоря словами Николая I или С.С. Уварова, «дерзновенные мечтания» или, как писал преемник Уварова на стезе созидания идеологии самодержавия М.Н. Катков, «умственное расстройство» общества, постольку главным средством пресечения данного процесса выступало отрезвление общества от «мечтаний» и его излечение от «расстройства». Таким средством и представлялось самодержавию на протяжении почти всего XIX столетия «охранительное просвещение» – оздоровление общества путем «здоровой» школы, путем целенаправленно-охранительного идеологического его воспитания.

Это было своеобразное «просветительство наоборот», утопическая вера во всемогущество полицейски направленного просвещения, образования и воспитания. Соответственно государственная политика в этой области, преследующая цель не столько управления школой, сколько управления обществом посредством школы, занимала важное место в общей системе внутренней политики самодержавия [63, с. 57–67].

Возвращаясь к Уварову, отметим, что сформированная им доктрина «охранительного просвещения» предусматривала конкретную программу действий: централизацию управления школьным делом; еще более жесткое сословное разграничение различных видов образова-

ния и типов школ; ограничение университетской автономии и академической свободы; утверждение классицизма как основного направления мужского среднего образования (при частичном развитии профессиональных школ); подчинение частных учебных заведений строгому правительственному надзору и прямое вмешательство государства в домашнее образование; преобразование «учебного дела» на окраинах, в национальных районах в общегосударственном, русофильском духе и т.д.

Многие позиции этой программы получили широкую реализацию и в сфере среднего женского образования. Однако коренное отличие этой сферы от мужской школы тогда состояло в том, что здесь Николаю I не пришлось ничего сколь-нибудь радикально и даже существенно менять. В деле женского образования ему предстояло укрепить, развить и усовершенствовать то, что было уже сделано его матерью – императрицей Марией Федоровной. Поэтому все действия николаевского правительства здесь шли в русле и в развитие той контрреформы женского образования, которую проводила Мария Федоровна на пороге XIX столетия в противовес реформаторским действиям в образовании своего старшего сына – Александра I.

В деятельности правительства в области женского образования в николаевскую эпоху отчетливо выделяются *три периода*, в каждом из которых преобладали свои задачи, тенденции и проблемы.

Первый период – конец 1820-х годов – вхождение нового императора в дело женского образования, формирование им своего видения женских учебных заведений, определение их цели, системы управления ими и т.д.

Второй период – 1830-е годы. В этот период происходит оформление и развитие двух параллельных процессов. С одной стороны, *расширение сети казенных женских учебных заведений* – институтов благородных девиц, которые постепенно стали открываться в губерниях, и создание женских «образцовых пансионов» при финансовой поддержке и под контролем правительства. С другой стороны, – *ужесточение контроля над частным образованием*, его преследование и фактически прекращение его развития.

В рамках первого процесса возникает *новый, национальный аспект* правительственной политики в области женского образования. В рамках второго – осуществляется прямое *вмешательство государства в домашнее образование*, по сути – попытка его полного огосударствления.

Третий период – 1840-е – первая половина 1850-х годов. К этому времени уже была создана достаточно разветвленная сеть закрытых

женских учебных заведений будущего Ведомства учреждений императрицы Марии (учреждено в 1854 году), и задача состояла теперь в том, чтобы ее упорядочить, превратить в стройную систему. Данный период – время перманентного третьего реформирования женских учебных заведений, которое, по существу, завершало и закрепляло то, что было сделано императрицей Марией Федоровной в ходе второй реформы (контрреформы) женского образования в конце XVIII – начале XIX века.

В ходе этой третьей реформы (или второй волны контрреформы) женских учебных заведений: еще более *укрепляются сословные принципы* государственной политики в области женского образования; исходя из этих принципов, проводится *резкое размежевание* различных видов или «разрядов» женских учебных заведений; при этом их жизнедеятельность предельно *унифицируется* и, наконец, происходит жесткая *централизация* управления ими, с пресечением их прежней самостоятельности, деятельности на основании различных уставов и положений, с созданием центральных органов управления женской школой, входящей в Ведомство учреждений императрицы Марии (ВУИМ). В итоге, Устав женских учебных заведений ВУИМ 1855 года завершает процесс их длительного реформирования.

Этот первый законодательный акт в области женского образования (как, впрочем, и образования в целом), подписанный новым императором Александром II 30 августа 1855 года, *всецело* принадлежал старой эпохе, более того – венчал ее. Сознание императора еще не соприкоснулось с пробуждающимся общественным сознанием, с началом общественного подъема, первые волны которого дадут о себе знать менее чем через полгода.

В 1840 – начале 1850-х годов сословная система женского образования дополняется еще одной специфически сословной структурой – учебными заведениями, предназначенными особо для дочерей духовенства. С начала 1840-х годов появляются *первые женские духовные училища*, создаваемые под покровительством императорской фамилии, а вскоре – и женские училища в различных епархиях (будущие епархиальные училища), возникающие на местные средства.

В результате во второй четверти XIX века складываются *три основных канала так называемого организованного женского образования* (не считая образования домашнего): закрытые женские учебные заведения Ведомства императрицы Марии, женские духовные и епархиальные училища, частные женские пансионы и школы.

Вместе с тем в этот же период появляются и первые попытки «проклюнуть», пробить скорлупу закрытого женского образования,

которые постоянно пресекаются правительством и лично Николаем I. Попытки создать новый тип средней женской школы – *открытой и всесловной*, тип, который станет преобладающим уже в 60-е годы XIX века, а позднее – господствующим в российской системе среднего женского образования.

Сделав эти необходимые предварительные замечания, рассмотрим теперь подробнее, как развивались во второй четверти XIX века и к чему привели означенные события, явления и тенденции.

Основные направления развития женского образования во второй четверти XIX века

Уже в первые месяцы своего царствования Николай I начал досконально изучать состояние среднего женского образования, направления и характер деятельности институтов благородных девиц. В ходе пересмотра Положений о Патриотическом и Полтавском институтах император собственноручно внес в них свои поправки и замечания, имея в виду, что эти Положения станут образцом для остальных институтов, которые постепенно будут перестраиваться в намеченном им направлении.

Цель женских институтов оставалась по сути той же, которую ставила перед ними императрица Мария Федоровна. В редакции Николая I, зафиксированной в пятом параграфе Положения о Патриотическом институте от 7 апреля 1827 года, она давалась в следующей формулировке: образовывать из воспитанниц институтов «добрых жен, попечительных матерей, примерных наставниц для детей, хозяек, способных трудами своими и приобретенными искусствами доставлять самим себе и их семействам средства к существованию» [207, с. 14]. Та же цель указывалась и в Положении о Полтавском институте, утвержденном 17 сентября того же года.

Данная цель в уставах различных институтов позднее варьировалась на разные лады. На проекте Устава Новочеркасского института Николай I в 1850 году собственноручно написал следующее: «Главная цель для заведения на Дону – образовать для края как бы рассадник благоразумно просвещенных жен, хозяек и в особенности матерей, которые, будучи первыми наставницами детей, поселили бы в их юных сердцах чувство христианского смирения и благоговения к воле Господней, искреннюю приверженность к православной церкви и неограниченную преданность к Престолу, приучали бы девиц к хозяйству, рукоделию и порядку согласно с бытом и обычаями казаков»

[94, кн. 3, с. 30]. Это была, пожалуй, наиболее полная и развернутая формулировка целей женских институтов, с акцентированием в ней «искренней приверженности к православной церкви и неограниченной преданности к Престолу».

Соответственно названной цели выстраивался и учебный курс женских институтов, который в Положении о Патриотическом институте разделялся на четыре основных части: «а) нравственность, основанная на Законе Божием; б) необходимые науки; в) полезные рукоделия; г) понятия о домашнем хозяйстве и порядке». В круг «необходимых наук» входили: грамматическое познание языков русского, французского и немецкого, чистописание, словесность, география, история всеобщая, древняя и новая, арифметика.

Этот учебный курс был значительно ниже ранее существовавшего в институтах благородных девиц, но именно он постепенно становился образцом для всех женских институтов. При этом круг наук имел и далее явную тенденцию к сужению. Напротив, объем «полезных рукоделий» и «понятий о домашнем хозяйстве» постоянно расширялся. И это расширение всячески стимулировалось лично Николаем I. На отчете об осмотре в 1844 году Харьковского института благородных девиц против слов отчета о том, что объем преподавания в институте весьма пространен и что «лучше было бы более употреблять времени на приучение девиц практическому занятию хозяйством и шитьем», император написал: «Весьма справедливо».

Положениями о Патриотическом и Полтавском институтах 1827 года вводился шестилетний срок обучения. Возраст приема в институты, в развитие подходов императрицы Марии Федоровны, о которых речь шла ранее, еще более повышался и устанавливался – в 10–12 лет. Это делалось с целью, чтобы воспитанницы «по выпуске на возрасте от 16 до 18 лет могли уже быть полезными семействам, в кои обращаются, или занимать должности в частных домах и других заведениях».

Оба названные Положения 1827 года были идентичны в своих основных частях. Но уже здесь наметилось то *различие столичных и губернских женских институтов*, которое позже станет определяющим. В С.-Петербургский Патриотический институт принимались только дочери дворян (в первую очередь, в силу специфики института, «заслуженных военных чинов»). В Полтавский институт допускались в незначительном количестве (в соотношении 1 к 6), кроме дворянских дочерей, и дочери «христианского купечества 1 и 2-й гильдий» на том основании, что капиталы института «составились и при пособии от городов».

Таким образом, губернские женские институты, в отличие от столичных, *во-первых*, содержались за счет частичного привлечения местных средств, а отсюда, *во-вторых*, они были более демократичны по своему социальному составу. (В первое в Сибири женское учебное заведение – Иркутский институт – уже в 1840-х годах допускались не только дети дворян и чиновников, но и купцов 1 и 2-й гильдии, мало того – мещан и цеховых и даже дочери инородцев. В 1855 году туда было разрешено принимать дочерей лиц всех свободных состояний.)

Намечалась, но так и не была реализована и *третья особенность* губернских женских институтов – попытки допустить в них «вольноприходящих», т.е. сделать институты частично открытыми или полузакрытыми учебными заведениями. Но эти попытки решительно пресекались властью и лично Николаем I.

При посещении Керченского института в 1837 году император написал на докладной записке градоначальника: «Институт я видел, хорошенькое заведение, но смесь вольноприходящих с пансионерками не безвредна для нравственности, а лучше было бы сделать для того два разряда заведения». Соответственно при учреждении в том же году Астраханского женского института в его Положении четко указывалось, что приходящие воспитанницы в институт не допускаются. Свою точку зрения на этот счет император подчеркнул и в замечаниях на проект устава Донского института благородных девиц в 1850 году. Он считал ненужным и «решительно вредным» допущение в институт полупансионеров, которые, «не находясь постоянно под наблюдением наставниц, не могут получить основательного образования, в особенности в нравственном отношении» [94, кн. 3, с. 14, 15, 30].

Впрочем, и вторая из указанных выше особенностей губернских женских институтов – допуск в них дочерей купечества – в николаевскую эпоху не была устойчивой. Так в ходе десятилетних, продолжавшихся с 1836 по 1845 год неудачных попыток открыть институт благородных девиц во Владимире местная власть выразила намерение, чтобы купечество было привлечено «к участию в приличном воспитании детей женского пола». На что государь в 1845 году отозвался следующей резолюцией: «Мешать купеческих дочерей с дворянскими не нахожу удобным; поэтому и предлагать купечеству участвовать в сем деле не должно». Эта резолюция поставила крест на так и не созданном Владимирском институте [199].

И даже тогда, когда купечество допускалось к участию в создании институтов, местные их начальницы резко возражали против обучения в них дочерей купцов. Так было, например, в том же Астраханском институте благородных девиц, в пользу которого астраханский

купец Колпаков завещал 90 тыс. рублей. В 1845 году начальница этого института жаловалась «наверх», что ее мнения об образовании и улучшении института «никак не могут гармонировать с понятиями купцов». Начальница требовала, чтобы на средства Колпакова принимались дети из дворянских, а не купеческих семей. Последние, по ее словам, «получая несообразное с званием образование и возвратясь в дома, не приносят пользы ни себе, ни обществу, ни чести и институту» [94, кн. 3, с. 16–17]. Это требование было настолько абсурдным, что не получило поддержки Главного Совета женских учебных заведений. Но оно нагляднейше свидетельствовало, что не только у верховной власти, но и у ее низовых служителей на поприще женского образования сословные инстинкты рождались на клеточном уровне, существовали глубоко в крови.

О динамике учреждения институтов благородных девиц можно судить по следующей составленной нами таблице.

Таблица 1

Открытие институтов благородных девиц в XVIII – середине XIX в.

Период	С.-Петербург	Москва	Губернские институты
XVIII в.	1. Воспитательное общество благородных девиц (1764) 2. Александровский институт (1765) 3. Мариинский институт (1797) 4. Училище Ордена св. Екатерины (1798) 5. Павловский институт (1798)	–	–
I четверть XIX в.	6. Елизаветинский институт (1808) 7. Патриотический институт (1813) 8. Училище св. Елены (1820)	9. Училище Ордена св. Екатерины (1802) 10. Александровский институт (1804) 11. Елизаветинский институт (1825)	12. Харьковский (1812) 13. Полтавский (1819)
1820–1830-е гг.			14. Одесский (1829) 15. Оренбургский (1832) 16. Киевский (1834) 17. Тамбовский (1834) 18. Керченский (1835) 19. Астраханский (1837) 20. Белостокский (1837) 21. Казанский (1837)
1840-е гг.			22. Саратовский (1840) 23. Закавказский (1840) 24. Варшавский (1840) 25. Иркутский (1841)
1850–1860-е гг.			26. Донской (1852) 27. Нижегородский (1852) 28. Кубанский (1859) 29. Орловский (1864)

Как видим, в первой трети XIX века женские институты открывались главным образом в С.-Петербурге и в Москве. Позднее институты создавались только в губернских городах. 1830-е годы были временем наиболее интенсивного учреждения женских институтов в губерниях. До этого из 14 существовавших институтов 11 находились в столицах (8 – в Санкт-Петербурге и 3 в Москве) и три в провинции – Харьковский (учрежден в 1812 г.), Полтавский (1819) и Одесский (1829). В 1830-х годах было создано 7 губернских женских институтов: Оренбургский (1832), Киевский (1834), Тамбовский (1834), Керченский (1835) и в 1837 г. – Астраханский, Белостокский и Казанский. В 1840-х годах в губерниях было открыто еще 4 института: в 1840 г. – Варшавский, Закавказский, Саратовский и в 1841 г. – Иркутский. В первой половине 1850 г. – 2 губернских института: Донской и Нижегородский – оба в 1852 г.

Открытие женских институтов в губерниях в 1830-х гг. сопровождалось, как уже было отмечено, появлением *нового, национального аспекта государственной политики в области женского образования*. Что отражало процесс общего усиления национального компонента в образовательной политике, особенно в Западном крае – в связи с польским восстанием 1830 года. «На поприще вековой борьбы с духом Польши, – писал по этому поводу С.С. Уваров в 1838 году, – правительство дает ныне генеральное сражение». И полем этого сражения, в соответствии с духом доктрины «охранительного просвещения», о которой речь шла ранее, была избрана образовательная нива.

Основной целью и образовательной и внутренней политики в целом в Западном крае Уваров, в соответствии с личными указаниями Николая I, ставил «умственное слияние врожденных начал с надлежащим перевесом русского», исходя из того, что «слияние политическое не может иметь другого начала, кроме слияния морального и умственного». Таким образом, отмечал Уваров, «первою обязанностью» Министерства народного просвещения «явилось полное и коренное преобразование всего существующего в том крае по учебной части: необходимость коснуться в одно время всех степеней народного воспитания проистекала из самого положения вещей» [201].

Еще при преобразовании Полтавского женского института в 1827 году Николай I как важнейшую задачу этого преобразования поставил *обрусение* губернии, «чтобы она не отставала в образовании от прочих областей». После польского восстания 1830 года правительство обратило особое внимание на воспитание женщин в западных губерниях и учредило здесь ряд женских учебных заведений с целью «рас-

пространить просвещение и русское образование на дворян этих губерний». До этого времени здесь существовало только одно женское учебное заведение, в котором преподавание велось на русском языке, – частный женский пансион в Могилеве, открытый в 1825 году выпускницей Смольного института Савич.

В 1833 году киевский генерал-губернатор Левашев запросил у императора разрешение на незамедлительное открытие в Киеве девичьего института для трех губерний Юго-Западного края – Киевской, Волынской и Подольской. «Ни в училищах этого края, ни в семействах, – писал генерал-губернатор, – никто не стремится к приобретению полезных для общества знаний, никто не заботится о нравственном себя усовершенствовании; одно только упражнение ума приятными искусствами составляет цель образования; от сего гражданские добродетели и государственные обязанности остаются в небрежении или затмеваются превратными понятиями». Все это, по мнению графа Левашева, вызывало острую нужду всячески подвигать и поощрять жителей края к воспитанию детей в общественных заведениях и «примерному в них образованию».

Еще более необходимым, чем воспитание юношей, генерал-губернатор считал «нравственно и сообразно пользе общественной умственное образование будущих матерей семейств», мотивируя это тем, что «владычество их над сердцами и умами мужей и детей своих все производит».

Аналогичное мнение о необходимости сосредоточить в руках правительства женское образование в юго-западных губерниях решительно высказал и попечитель Киевского учебного округа фон Бракке. Докладывая о проведенной им ревизии учебных заведений этих губерний, он подчеркивал свое убеждение в том, что женщины в западном крае питают фанатизм молодежи и имеют над нею большую власть.

По настоянию генерал-губернатора и при поддержке попечителя округа 14 ноября 1833 года состоялось высочайшее повеление изыскать способы устройства и средства содержания института в Киеве. В 1834 году был утвержден его устав, и в 1838 году состоялось открытие Киевского женского института, первой начальницей которого стала племянница Г.Р. Державина П.М. Нилова [94, 2, с. 10–12].

В 1834 году Николай I поручил министру народного просвещения графу С.С. Уварову разработать меры к утверждению воспитания женщин в западных губерниях соответственно видам и задачам правительства. Вскоре Уваров представил проект центрального женского института в Вильне, предназначенного для губерний Северо-

Западного края, входящих в белорусский учебный округ. Этот институт планировалось создать на тех же основаниях, что и институт в Киеве, который предназначался для губерний Юго-Западного края.

Уваровский проект устава Виленского института предусматривал, чтобы его начальница была русская, а помощница начальницы и одна из классных дам – уроженки западных губерний, римско-католического исповедания, «дабы и в религиозном отношении отклонить всякий повод к недоверчивости» институту. Николай I посмотрел на это жестче. Его резолюция на проекте устава гласила: «Нахожу удобнее поместить заведение сие в Белостоке, где дворец на сие могу отдать. Как начальница, так и всем классным дамам быть непременно русскими, иначе цель не достигается». В 1837 г. Белостокский институт был открыт с целью «распространить вообще между дворянством западных губерний начала русской образованности» [94, кн. 3, с. 23].

Одновременно с Белостокским планировались к открытию, но так и не были созданы такие же институты в Вильно и Ковно. Не состоялось и открытие института в Могилеве на базе упоминавшегося ранее частного женского пансиона. Казна скупилась на ассигнование крупных средств, местное же дворянство неохотно шло на сбор этих средств, предназначенных для правительственных женских учебных заведений с их явно русофильским уклоном.

Вместе с тем правительство не оставляло своих забот об организации женского образования в Западном крае в нужном для него духе. Поскольку, как писал С.С. Уваров в записке 1835 года о частных женских пансионах этого края, «последние события в губерниях, от Польши возвращенных, показали не один пример неприязненных против России порывов и между женским полом». Уваров предлагал принять следующие меры: распространить на западные губернии правительственный надзор за частным и домашним образованием, введенный в России в 1833–1835 годах (о чем речь пойдет чуть позже); подвергнуть такому же надзору «в границах благовидного наблюдения» и воспитание девиц в женских монастырях Западного края; приступить к созданию в этом крае «образцовых пансионеров» на базе частных женских пансионеров и школ с выделением им пособия от казны. На этой записке Николай I написал: «Исполнить немедленно» [94, кн. 3, с. 212–213].

В 1837 году по повелению императора началось создание «образцовых пансионеров» в Вильно, Витебске, Минске, Гродно, Белостоке, Киеве, Виннице, Житомире, Ровно и Каменец-Подольске с целью «восполнить недостаток учебных заведений для образования девиц в

Западном крае». Каждому из них назначалось пособие от казны в 1,5 тыс. рублей в год. Содержательницами пансионов назначались русские, преимущественно бывшие воспитанницы институтов благородных девиц.

Три года спустя правительство приняло решение закрыть все монастырские училища в Западном крае и затрачиваемые на них средства обратить на устройство светских женских учебных заведений, подобных «образцовым пансионам». При этом подчеркивалось, что такие пансионы необходимо создавать не только и даже не столько для детей оппозиционно настроенных дворян, сколько «преимущественно для среднего и низшего класса общества». Под размещение этих пансионов разрешалось использовать здания закрываемых римско-католических монастырей.

Однако же все эти меры правительства по насаждению «русского» женского образования в Западном крае не дали ожидаемых результатов, что вынужден был признать С.С. Уваров под конец своего пребывания на министерском посту. То же признавали и попечители учебных округов, которые отмечали, что содержательницы пансионов смотрели на них как на частную собственность, а это весьма затрудняло проведение линии, необходимой правительству.

Однако не столько это обстоятельство было главной помехой в осуществлении в Западном крае правительственных намерений в деле женского образования, сколько ничтожно малое число самих женских учебных заведений, подконтрольных правительству. По сведениям попечителя Виленского учебного округа, в 1847 году из 49 женских учебных заведений округа было лишь 5 «образцовых пансионов». Иными словами, 4/5 населения, в том числе и все высшее дворянство, «остается при домашнем воспитании», «где, – как писал попечитель, – нет ничего русского ни по языку, ни по понятиям и чувствам» [94, кн. 3, с. 213].

Причины столь слабого распространения женских «образцовых пансионов», насаждаемых правительством в Западном крае, заключались не только в аллергии местного дворянства к охранительным и обрусительным целям этих пансионов. Они коренились и в самом способе насаждения данных учебных заведений. Хотя в западных губерниях создание частных пансионов и школ вроде бы поощрялось властью (в отличие от остальной территории империи, где оно всячески пресекалось), само это «поощрение» было весьма специфическим. Оно обставлялось целым рядом таких условий, что «поощрение» оброчивалось ограничением.

Так, лица, желающие открыть пансион, должны были дать подписку о том, что они будут использовать при обучении лишь дозволенные начальством учебные книги, что будут образовывать воспитанниц «с водворением в сердца их правил веры, преданности к престолу, любви к России; будут охранять их невинность как нравственную, так и физическую, и со всею прозорливостью наблюдать за преподаванием учителей». При этом непременно требовалось, чтобы учителя допускались к преподаванию только после специального испытания в гродненской мужской гимназии, даже если учитель имеет свидетельство на право преподавания от какой-либо другой гимназии. Это последнее обстоятельство существенно ужесточало и без того жесткий порядок отбора учителей, введенный составленными по инициативе С.С. Уварова Правилами для испытания учителей 1836 года.

Как было отмечено выше, *в 1830-х годах правительство предприняло* по всей стране, за исключением Западного края, *целый ряд карательных мер против частных учебных заведений и домашнего воспитания*, которые вылились в широкомасштабные действия по огосударствлению образования. Спешить с этими мерами, говоря словами графа Уварова, оно считало нужным «как по ходу политических происшествий, так и по направлению общественного мнения в большей части иностранных государств». Это иносказание расшифровывалось достаточно просто. Попытка огосударствления образования была реакцией на декабризм и питавшие его западные свободолюбивые идеи, а также на события, связанные с польским восстанием 1830 года.

По мнению С.С. Уварова, система государственных школ составляла «главное орудие просвещения и нравственной жизни народа». Она должна была подавить или поглотить и частные учебные заведения, и домашнее образование [154, с. 288–290]. Министерство народного просвещения, писал Уваров в записке императору, подытоживая в 1843 году его десятилетнюю деятельность на посту министра, «не могло упустить из виду великость вреда, который может производить учение, предоставленное произволу людей, которые или не обладают необходимыми познаниями и нравственными свойствами для дела столь великой важности, или не умеют и не хотят действовать в духе правительства и для целей им указываемых». Посему надлежало, подчеркивал министр, «включить и эту ветвь народного образования в общую систему, распространить и на нее усугубленный надзор свой, привести ее в соответствие и связь с воспитанием общественным, доставив перевес отечественному образованию перед иноземным. Бесперывное умножение частных заведений и прибывающих

из чужих краев учителей и воспитателей сделали необходимым принять, наконец, особые меры осторожности».

Исходя из этих соображений, Уваров уже вскоре после своего вступления в управление министерством представил Николаю I доклад, в котором предлагал четыре основных направления ужесточения политики по отношению к *частным школам*: 1) «впредь до усмотрения особой надобности» остановить открытие частных пансионов в столицах; 2) в других городах разрешать их открытие лишь в том случае, если «не представляется другой возможности к образованию юношества в казенных учебных заведениях»; 3) разрешать устройство частных пансионов и школ лишь русским подданным; 4) установить за этими школами и пансионами особый строгий надзор. На этом докладе император начертал: «Совершенно согласен, и давно о сем помышлял» [19, с. 7]. Запрет на открытие частных учебных заведений просуществовал почти четверть века и был отменен Александром II только 17 января 1857 года, когда было «разрешено свободное открытие частных пансионов и школ без ограничения их числа» [РГИА. Ф. 1149. Оп. 6. Д. 40в. Л. 4].

В том же 1833 году Министерство народного просвещения поспешило учредить специальные должности инспекторов для надзора за частными учебными заведениями в столицах. Годом позже были запрещены пансионы для совместного обучения детей обоого пола. В 1835 году было издано Положение о частных учебных заведениях. В рескрипте от 9 мая 1837 года император обратил внимание министерства на объем преподавания в частных школах и предписал, «чтобы все частные пансионы, относительно круга их наук, разделены были на степени, сообразно общему училищ устройству, и чтобы в те из них, коих круг учения соответствует гимназиям, ни под каким видом не были допускаемы лица крепостного состояния».

По Положению о частных учебных заведениях 1835 года все они по курсу обучения были приближены к соответственным им казенным училищам. Мужские частные пансионы и школы подразделялись на три разряда, которые соответствовали гимназиям, уездным и приходским училищам. С женскими частными учебными заведениями дело оказалось сложнее, их трудно было в то время «подвести» под какой-либо разряд. Как отмечалось в отчете Министерства народного просвещения за 1834 год, женские частные пансионы, «которые по числу предметов и объему учения не представляют ощутительного различия и следовательно не могут подходить под упомянутое разделение, должны были обозначаться по их внутренним достоинствам, основательности учения, попечения о нравственности и физическом

воспитании, разрядами: отличных, хороших и посредственных». Подобное «качественное» разделение частных женских учебных заведений выглядело весьма абстрактным и искусственным.

Меры, принятые правительством по отношению к частным учебным заведениям с тем, чтобы воспитание в них «утверждено было на основных началах русской жизни: Православия, Самодержавия и Народности» [51, с. 241] и вместе с тем, чтобы оно было «слито воедино... с воспитанием в правительственных заведениях», по мнению Министерства народного просвещения, принесли свои результаты. Десять лет спустя после начала этих мер, в 1843 году Уваров считал, что главная цель достигнута, поскольку, по его словам, «ныне частные училища и пансионы составляют *малейшую частицу* в средствах народного образования». В отчете за 1844 год министр с гордостью заявлял: «Под живительным влиянием сокровенной силы учебные заведения Министерства, *поглотив невозвратно почти все воспитание частное*, привлекают все более ищущих образования; во все слои общества проникает эта потребность» [ЖМНП, 1845, № 46, с. 27; выделено нами. – *Авт.*].

Надо сказать, что Уваров в процитированном отчете явно преувеличивал свои достижения, выдавая желаемое за действительное. Уже через несколько месяцев после его отставки новый министр народного просвещения князь П.А. Ширинский-Шихматов в отчете за 1849 год указывал, что из общего числа учебных заведений – 2142 частные школы и пансионы составляли 559, т.е. *почти четверть* [155, с. 294].

Вместе с тем нельзя не отметить, что указанные правительственные меры привели к тому, что в России второй четверти XIX века значительно замедлился рост частных учебных заведений, в том числе и женских. В 1853 году, по данным видного деятеля российского образования А.С. Воронова, впоследствии автора одного из наиболее прогрессивных проектов развития женских учебных заведений, число женских частных пансионов первых двух разрядов едва доходило до ста по всей империи. Основная же часть женских пансионов ограничивалась элементарным курсом обучения, «так как средства для высшего женского образования» были «недостаточны и в столицах» [51, с. 286].

Сложнее, чем с частным образованием, обстояло дело с вмешательством николаевского правительства в *домашнее образование*. К сожалению, такое крупное явление образовательной жизни дореволюционной России, как домашнее обучение и воспитание, до настоящего времени еще не стало предметом самостоятельного исследования. Не преследуя цели восполнить этот пробел, остановимся лишь на

тех мерах, которые предпринимало правительство в данном направлении во второй четверти XIX столетия. Меры эти представляют собой поистине уникальное явление в истории образования. По существу они были *едва ли не самой радикальной попыткой абсолютистского режима «взломать» внутренний мир семейного воспитания, подчинить его государственному влиянию*. Попытку, вызванную стремлением очистить это воспитание от всего, что могло бы рождать самые зерна декабризма или любого другого проявления вольнолюбия и свободомыслия.

В сравнении с частным образованием, писал С.С. Уваров, «еще неуловимее, еще недоступнее было для Министерства воспитание, совершаемое в домах и укрывающееся от непосредственного влияния правительства за святыню семейного крова и родительской власти. Министерству оставались тут средства косвенные». Такими средствами Уваров считал: привлечение к делу домашнего образования преимущественно людей русских; введение специальных испытаний для лиц, желающих заниматься обучением и воспитанием на дому; предоставление домашним наставникам и учителям прав и преимуществ государственной службы; точное и строгое определение их обязанностей и ответственности.

Первым шагом в направлении подчинения домашнего образования надзору правительства стал Высочайший указ Сенату 25 марта 1834 года, в котором Николай I провозглашал: «При умножении всех средств, для публичного воспитания необходимых, считаем за благо обратить внимание и на домашнее воспитание. Во всей империи строго воспрещается принимать в дома дворян, чиновников и купцов иностранцев обоего пола, не получивших аттестатов от русских университетов, учителями, наставниками или гувернерского звания, не имеющих свидетельства о нравственности и поведении... Если это будет нарушено, то ответственность будет падать даже на лицо родителя, принявшего в свой дом иностранца без аттестата».

Спустя три месяца, 1 июля 1834 года было утверждено разработанное Уваровым, под непосредственным руководством Николая I, Положение о домашних наставниках и учителях. В нем впервые в истории отечественного просвещения указывалось, что воспитание, «где бы оно совершаемо ни было, в общественном ли заведении или под родительским кровом, если только, следуя данному направлению, стремится к единому началу, равно составляет неразрывное целое, одно великое Государственное дело, близкое к сердцу всех, важное в глазах правительства».

Положением учреждались звания домашних наставников и учителей с целью, во-первых, «обеспечения родителей в избрании благонадежных их детям руководителей и для содействия видам правительства» [27, т. 2, ч. 1, с. 784–785] и, во-вторых, чтобы *«навсегда утвердить связь домашнего воспитания с публичным»*. «Таким образом, – писал Уваров в своем отчете за 1834 год, – в недра наших семейств призываются благонадежные, *уполномоченные от правительства* образователи с значительными преимуществами (*считаются на государственной службе*) и с соразмерною ответственностью».

Новое Положение министр расценивал как органический для условий российской жизни закон, «приспособленный к вере, нравам и обычаям нашим... учреждение, не заимствованное из чуждых нам законодательств, но созданное, так сказать, в духе России по размеру настоящих требований, по уважению имеющихся способов... Смею думать, – замечал Уваров, – что изданием Положения разрешена, по крайней мере, задача, не перестававшая со времени императрицы Елизаветы Петровны озабочивать попечительную предусмотрительность русских государей».

Здесь Уваров оставался верен себе. Вводимое Положение о домашних наставниках и учителях решало поставленные перед ним охранительные задачи не столько «в духе России», сколько в духе закладываемых традиций российского самодержавного государства. Впрочем, для официальной охранительной идеологии слова (понятия) «Россия» и «самодержавие» всегда выступали в роли синонимов.

В соответствии с Положением о домашних наставниках и учителях 1834 года все поступающие в частные дома «для нравственного воспитания детей» обязывались приобрести звание домашнего наставника или домашнего учителя. На эти звания могли претендовать только «лица свободного состояния», христианского исповедания, русские подданные, «известные со стороны нравственных качеств». Иностранцы допускались к педагогической деятельности по представлению свидетельств от русских миссий за границей, но не пользовались правами и преимуществами, которые предоставлялись званиями домашних наставников и учителей. В марте 1848 года в связи с революционными событиями в Европе С.С. Уваров предложил вовсе прекратить приезд в Россию иностранцев с целью обучения детей, имея в виду «настоящие смутные происшествия за границей и вредное направление умов». На что и последовало вскоре высочайшее повеление [155, с. 294].

Домашние наставники и учителя числились на действительной государственной службе, получали классные чины, начиная с 14 класса,

награды, медали и ордена и пользовались правом на пенсию. Домашние наставницы или учительницы имели право только на пенсию. Все они обязаны были ежегодно представлять директору училищ губернии отчет о своих занятиях и свидетельства о поведении от уездных предводителей дворянства и лиц, в доме которых они обучали детей.

Звание домашнего наставника присваивалось только лицам, закончившим высшие учебные заведения. Звание домашнего учителя или учительницы приобреталось после особого испытания в университете, лицее или гимназии. Испытуемые должны были доказать, «что они имеют не только общие, необходимые для начального обучения, но также и подробные и основательные сведения в тех предметах, которые они преподавать намерены» [27, т. 2, ч. 1, с. 785–790].

Выпускницам женских учебных заведений, состоящих под покровительством императрицы, звание домашних учительниц предоставлялось без особого испытания, а только на основании свидетельств, выданных заведениями, где они получили образование. «Все же прочие лица должны подвергаться особому испытанию для получения звания домашней учительницы» [РГИА. Ф. 1149. Оп. 6. Д. 40в. Л. 4].

Позднее по Уставу женских учебных заведений Ведомства императрицы Марии 1855 года «воспитанницы, кончившие полный курс учения в заведениях I разряда», получали, «не подвергаясь особому испытанию, свидетельство на звание домашних наставниц, а в заведениях II разряда – на звание домашних учительниц тех предметов, в коих оказали хорошие успехи» [32, § 134, с. 41].

Положение о домашних наставниках и учителях 1834 года имело как позитивный, так и негативный характер. С одной стороны, оно, если говорить современным языком, стабилизировало социальное положение учителей, занимающихся домашним образованием, делало это положение в меру обеспеченным, устойчивым. С другой стороны, оно давало в руки власти мощные политические и образовательные средства вмешательства в семейное воспитание и домашнее образование, в значительной мере огосударствляя последнее, осуществляя над ним жесткий правительственный надзор.

Для рассматриваемой нами темы данное Положение представляет интерес и с другой точки зрения. По существу, *это был первый в России законодательный акт, конституцировавший, легализовавший женский педагогический труд*, способствовавший его дальнейшему развитию и распространению.

Со времени издания этого Положения впервые стали собирать сведения о числе домашних наставников, учителей и учительниц. Как свидетельствуют отчеты, публиковавшиеся в «Журнале Министерств-

ва народного просвещения», уже в первые годы после издания Положения число домашних учительниц постоянно превышало количество домашних наставников и учителей. В 1838 г. первых было 110, последних – 108; в 1839 г. – 136 и 119; в 1840 г. – 149 и 118; в 1841 г. – 156 и 124; в 1842 г. – 198 и 162 соответственно. В 1846 г. их число почти сравнялось: 257 учительниц и 266 наставников и учителей. Но среди общего числа лиц, занимавшихся начальным обучением грамоте и арифметике, количество женщин и в 1846 г. сохраняло перевес – 635 против 485 [ЖМНП, 1847, № 6]. Так постепенно разрастался и набирал силу женский труд на поприще образования.

Реформирование женских институтов в 1840-х годах

В 1840 – начале 1850-х годов правительство предприняло новое реформирование женских учебных заведений, которое, по духу и букве, фактически явилось завершением реформы этих заведений, проведенной императрицей Марией Федоровной на пороге XIX столетия. Это реформирование условно можно разделить *на два этапа*, рубежом между которыми стали 1848–1849 годы – время европейских революций. *Первый этап – 1840-е годы* – был вялотекущим, организационно-подготовительным, с акцентом на мерах управленческого характера, на изучении положения дел в женском образовании и на начале пересмотра учебных программ женских школ. *На втором этапе – первая половина 1850-х годов* – были разработаны и приняты основополагающие документы по женским учебным заведениям Ведомства императрицы Марии, многие из которых (в частности Устав этих заведений 1855 года) сохраняют свою силу вплоть до падения самодержавия.

Уже сразу после смерти своей матери императрицы Марии Федоровны Николай I указом от 26 октября 1828 г. принял состоявшие в ее ведении женские учебные заведения под свое «непосредственное и особое покровительство», а вскоре для управления ими создал особую канцелярию, которую наименовал «IV отделением Нашей Собственной Канцелярии». Позднее, в 1854 году, с включением в состав этого отделения «благотворительных и учебных заведений, состоящих под непосредственным государыни императрицы покровительством», на его базе будет создано особое ведомство, которое получит наименование Ведомства учреждений императрицы Марии и просуществоует до 1917 года [24, с. 197–204].

Постепенное разрастание женских учебных заведений, а также необходимость реализации излюбленной идеи Николая I о введении единообразия, унификации в школьном деле – в данном случае в уставах, укладе и программах женских институтов потребовали не просто канцелярского, но организационного и содержательного управления ими. Иными словами, в начале 1840-х годов явно назревала реформа управления женскими учебными заведениями, которая неизбежно влекла за собой и их содержательную реформу. Уже в 1844 году были созданы Комитет по пересмотру уставов женских учебных заведений, Главный совет женских учебных заведений, Учебный комитет при IV отделении Собственной Его Императорского Величества (СЕИВ) канцелярии и составлено «под личными указаниями его императорского величества Положение об управлении женскими учебными заведениями». Образцом для всех этих правительственных акций стали соответствующие структуры и Положения, существовавшие в ведомстве военных учебных заведений. В итоге все названные мероприятия, по словам официальной историографии, «образовали собою *своего рода министерство просвещения для женского пола*» [24, с. 65, 98; выделено нами. – Авт.].

До середины 1860-х годов это «женское» министерство просвещения было главенствующим в женском образовании и практически полностью определяло правительственную политику в данной сфере. С началом же создания и развития женских гимназий вне Ведомства учреждений императрицы Марии оно явно сдает свои командные позиции и отходит на второй план, уступая место Министерству народного просвещения. Тогда же, в 1860-х годах, с развитием епархиальных училищ, дуальное управление женским образованием в России превращается в тройственное – к двум названным ведомствам, занимавшимся женским образованием, присоединяется Святейший Синод и местные органы епархиального управления. Это тройственное управление – противоборство в женском образовании сохранится до 1917 года.

Комитет по пересмотру уставов женских учебных заведений, созданный под председательством принца П.Г. Ольденбургского, получил довольно жесткие и однозначные указания Николая I. 10 мая 1844 года комитету было поручено изыскать способы, чтобы учебная часть женских институтов была «точно соображена» с *главной целью женского воспитания* – «образованием добрых жен и полезных матерей семейств», «дабы с образованием, в надлежащей мере, ума и сердца, воспитанницы могли приготовляться к будущему важному их назначению». При этом император подчеркивал, что «*образование*

сие, свыше состояния учащихся, не всегда для них полезно, а иногда обращается им во вред). «В сих видах» комитету поручалось предусмотреть при пересмотре уставов женских учебных заведений, чтобы «программы преподаваемых в них предметов и учебная в них часть, особенно в институтах губернских, была более соразмеряема с состоянием учащихся, а сии последние более приготавливались к будущему их назначению» [24, с. 65–66; выделено нами. – Авт.].

С приходом принца П.Г. Ольденбургского к руководству Комитетом по пересмотру уставов женских учебных заведений началась его длительная 37-летняя, обширная и многотрудная деятельность на поприще женского образования в России. Эта деятельность до настоящего времени остается фактически неизвестной (равно как и многие другие его просветительские начинания, например, создание им на свои средства лучшего отечественного высшего юридического учебного заведения – Училища правоведения в С.-Петербурге). Между тем с его именем теснейше связаны все изменения в жизни женских учебных заведений Ведомства императрицы Марии, которыми он руководил до своей смерти в 1881 году, в том числе и реформы этих заведений, предпринятые в конце 1850 – начале 1860-х годов К.Д. Ушинским и Н.А. Вышнеградским [68].

Комитет по пересмотру уставов женских учебных заведений смотрел на цели и задачи этих заведений более широко и гибко, чем их державный попечитель. Указанную императором и процитированную выше их главную цель Комитет считал безусловно «общею для всякого воспитания девиц – и домашнего, и общественного», но пути, ведущие к этой цели, по его мнению, «должны быть различны, смотря по месту, которое девица готовится занять в обществе». Причем это «место» Комитет не связывал однозначно с изначальным социальным положением воспитанницы, поскольку считал, что «нет возможности положить такие границы, которые позволяли бы соразмерять образование каждой воспитанницы с будущим ее назначением, тем более, что оно не может быть твердо и положительно определено, завися преимущественно от замужества и положения мужа».

По мнению Комитета, которое также расходилось с высочайшими установками, «образование свыше состояния» отнюдь не всегда вредно. Оно бывает и полезно, ибо служит источником благосостояния воспитанниц, «доставляя им во всех переменах судьбы верный способ к существованию или обращая на них, как на благовоспитанных девиц, внимание умеющих ценить сии достоинства мужей». Как видим, Комитет в своих рассуждениях выходил за общепринятые сословные ограничители образования и рассматривал его, говоря современным

языком, как одно из средств социальной мобильности. Правда, основной «пружиной» этой мобильности признавался не самостоятельный женский труд, а все то же «удачное» замужество.

Еще одной отличительной чертой взглядов Комитета было то, что он высоко оценивал семейное воспитание, особенно для женщин. Признавая, что «в России общественное воспитание необходимо», Комитет тем не менее отмечал: для женского пола, «назначенного самой природою для семейной жизни... семейное воспитание есть лучшее приготовление» [94, кн. 4, с. 41–42]. Спустя полтора десятилетия именно эта точка зрения получит преобладающее влияние в деле развития женского образования в России, в том числе и в самом Ведомстве учреждений императрицы Марии. Усилиями Н.А. Вышнеградского здесь будет создан *новый тип открытого среднего женского учебного заведения* и появится первое в России такое заведение.

По-новому Комитет посмотрел и на значение развития женского образования для самой семьи. Трансформируя взгляды И.И. Бецкого о влиянии правильно направленного воспитания на смягчение нравов общества, Комитет вновь восстанавливал перед женским образованием эту цель, но локализовывал ее семейными рамками. То есть ставил задачу путем распространения женского образования смягчать и облагораживать нравы, устои семьи и одновременно оказывать ей помощь в воспитании детей.

Все эти либеральные веяния во взглядах Комитета, получившие позже, с конца 1850-х годов принципиально новое звучание и широчайшее распространение в России, тогда – в середине 1840-х годов – оставались лишь в плоскости теоретических рассуждений. На практике же Комитет по пересмотру уставов женских заведений не вышел или не смог выйти за рамки узко сословной политики в сфере женского образования (как и образования в целом) и закрытого, оторванного от семьи характера женских учебных заведений Мариинского ведомства.

Спустя шесть месяцев после начала работы, 20 января 1845 года Комитет представил на высочайшее утверждение проект разделения женских учебных заведений Мариинского ведомства на четыре разряда, «сообразно с званием и происхождением воспитанниц». Для каждого разряда была составлена «особая программа учебного курса соответственно особому назначению воспитывающихся в нем девиц» [24, с. 66].

В первый разряд входили наиболее элитные женские учебные заведения. Причем по степени «элитности» он делился на два отделения. В первое отделение первого разряда женских учебных заведений

Комитет выделил Воспитательное общество благородных девиц (Смольный институт) «как высшее в своем роде заведение», предназначенное для дочерей высшего дворянства. Учебная программа этого заведения была наиболее обширной, однако и она не выходила, как отмечал Комитет, «за пределы познаний женского пола».

Во второе отделение женских учебных заведений первого разряда, с несколько сокращенной учебной программой, но «приноровленной к тому, чтобы воспитанницы получали приличное дворянству образование», входили: С.-Петербургское и Московское училища ордена Св. Екатерины, Патриотический, Харьковский, Одесский, Полтавский, Казанский, Киевский, Белостокский, Закавказский, Александрийский в Тамбове и Александрийский в Новой Александрии институты.

Ко второму разряду женских учебных заведений, программа которого была значительно сокращена в сравнении с первым разрядом, «в том предположении, что из заведений сего разряда дети возвращаются в семейства с ограниченными средствами к существованию, а потому для них оставлено более времени на изучение искусств и рукоделий», были отнесены: Павловский институт, С.-Петербургское и Московское Александровские училища, Петербургский, Московский и Симбирский дома трудолюбия (позже переименованные в Елисаветинские училища), Астраханский, Керченский институты и Девичий институт Восточной Сибири в Иркутске.

В женских учебных заведениях третьего разряда преподавались лишь предметы, «необходимые для бедных детей»; занятия сосредоточивались главным образом на «рукоделиях» как основном «средстве будущего назначения воспитанниц». В данный разряд входили: Александрийский сиротский дом, солдатское отделение Павловского института, два училища солдатских дочерей полков лейб-гвардии, Одесское городское училище, Киевское училище для бедных девиц графини Левашевой, Николаевское и Севастопольское училища для дочерей нижних чинов черноморского флота, Оренбургское девичье училище, Иркутский сиротский дом, женские школы Патриотического и Человеколюбивого обществ в С.-Петербурге и Москве, Кронштадтский сиротский дом и отделение для воспитания бедных девиц при Демидовском доме призрения трудящихся.

Четвертый разряд составляли специальные женские учебные заведения: сиротские институты Воспитательного дома в С.-Петербурге и Москве, Александрийский сиротский институт, Петербургское и Московское повивальные училища и др. [24, с. 66–69].

Как видим, абстрактная «качественная» типология женских учебных заведений, которую предложил министр народного просвещения

С.С. Уваров в 1834 году применительно к частным женским пансионам и школам – «отличные, хорошие и посредственные», спустя десять лет в Мариинском ведомстве была заменена конкретной и жесткой классификацией этих заведений по сословному принципу и материальному положению воспитанниц. Этим было доведено до строгого логического конца дело сословного различия женских школ, начатое еще императрицей Марией Федоровной. Импульсивно создаваемая ею своеобразная сословная россыпь женских учебных заведений теперь четко выстраивалась в сословные шеренги и колонны – разряды, на основании которых каждый сверчок должен был определять свой шесток.

При этом на каждом «шестке» – в каждом разряде устанавливались, как уже отмечалось, свой учебный курс, свои программы, своя таблица учебных часов. Последняя выглядела следующим образом.

Таблица 2

**Таблица учебных часов
в женских учебных заведениях Мариинского ведомства
(недельная нагрузка)**

Учебные предметы	I разряд		II разряд	III разряд
	I отделение	II отделение		
1. Закон Божий	3	3	3	3
2. Российская словесность	3	3	3	4,5
3. Французская словесность	4,5	4,5	4,5	–
4. Немецкая словесность	4,5	4,5	4,5	–
5. Арифметика	1,5	1,5	1,5	1,5
6. О произведениях природы	1,5	1,5	1,5	–
7. О явлениях природы	1,5	1,5	–	–
8. География русская и всеобщая	3	3	3	1,5
9. История русская и всеобщая	3	3	3	1,5
10. Рисование и чистописание	3	3	3	4,5
Итого:	28,5	28,5	25,5	16,5

Как видим, для занятий «науками и языками» было отведено в женских учебных заведениях I разряда – 28,5 часов в неделю, II разряда – 25,5 и III – 16,5 часов; для занятий искусствами, рукоделием и хозяйством – соответственно 7,5, 10,5 и 19,5 часов в неделю [24, примеч. 2].

Одновременно был продолжен курс и на унификацию женских учебных заведений, намеченный Николаем I еще в 1827 году, в ходе пересмотра положений о Патриотическом и Полтавском женских институтах. В заведениях первого и второго разрядов устанавливался тот же возраст приема, как и в названных институтах, – 10–12 лет и – шестигодичный срок обучения. (Исключение составляли Воспита-

тельное общество благородных девиц – срок обучения 9 лет и Павловский институт – 7 лет.)

При поступлении в учебные заведения первого разряда требовалось знание важнейших молитв и заповедей, умение читать и писать по-русски, знакомство с «нумерацией или счислением». То есть знание полного курса начального обучения, который «проходил» преимущественно на дому. В подтверждение этого необходимо было представить свидетельства, подписанные священниками, директорами гимназий или уездными учителями.

Кроме рассмотренного разделения женских школ на разряды и, соответственно, определения учебного курса в каждом из них, Комитет по пересмотру уставов женских учебных заведений озаботился и постановкой в них нравственного и физического воспитания. Убедившись, что оно в достаточной мере «единообразно» и что практически во всех уставах начальствующим лицам предписывалось «насаждать в юных сердцах вверенных попечению их воспитанниц христианское благочестие, кротость, повиновение, любовь к учению, трудам и порядку», Комитет признал необходимым усилить в некоторых из заведений занятия домашним хозяйством и установить за правило – «удалять всякий ложный блеск, который может дать воспитанницам неправильные понятия об их будущем назначении» [24, с. 75]. Таким образом, и в плане нравственного воспитания доминантой у руководителей женского образования выступали те же сословно-прикладные соображения.

Вторым существенным шагом по реорганизации управления женским образованием в Мариинском ведомстве было создание в том же 1844 году *Главного совета женских учебных заведений* «на тех же основаниях, на каких за год перед тем был утвержден Совет о военно-учебных заведениях» [217].

Мы уже обращали внимание на военно-наступательную (или военно-оборонительную, военно-охранную) лексику многих верховных образователей: «просвещение – охрана царства» (Н.М. Аничков), «поприще генерального сражения» (С.С. Уваров) и др. Не менее показательны также и многообразные параллели, сходства в николаевскую эпоху женских и военно-учебных заведений, а подчас и прямые заимствования первых у вторых, что особо поощрялось самодержцем. Помимо рассматриваемого Главного совета женских учебных заведений, который создавался, как указывал Николай I, в точности по образу и подобию аналогичной управленческой структуры в военном ведомстве, «бригадный император» (как его называл А.И. Герцен) считал «очень полезным», чтобы эти заведения заимствовали у военных так-

же учебные программы и учебные руководства «применительно к характеру учреждений императрицы Марии» [24, с. 176].

Внутреннее сходство и даже родство закрытых женских и военно-учебных заведений сказывалось и на самом духе женских институтов, который напоминал дух казармы. Во многих воспоминаниях их воспитанниц отмечалось: с первых же дней поступления в институт начиналась «нравственная и умственная муштровка личности»; начальницы и воспитанницы находились всегда в состоянии «как бы вооруженного мира»; «поцеловать классную даму было таким же нарушением дисциплины, как солдату потрепать по плечу офицера» [218]; в институтах господствовали «вечный страх», «автоматическая выправка, мертвящая, форменная обстановка», «чинность, безгласие, наружная добропорядочность и повиновение во что бы то ни стало»; главным было стремление «скорее стереть» индивидуальность «и привести все в одну общую форму». «Все это, при полном разобщении воспитанниц с внешним миром, создавало им такую обстановку, при которой их личность мало-помалу стиралась».

Естественно, что такая система институтского воспитания, по словам известной писательницы Н.С. Кохановской, «отрешенная от всякой жизненности» [221], вызывала уже в конце 1840 – начале 1850-х годов серьезное общественное недовольство. Но возвратимся, однако, к Главному совету женских учебных заведений, организация которого по военному образцу, по замыслу Николая I, вела к упразднению местных советов при институтах и вводила в управление ими чисто армейскую централизацию и единоначалие.

Этот момент в истории организации управления женскими учебными заведениями России – *ключевой*. Он представлял собой попытку сломать сложившуюся специфическую систему управления женской школой, которая в корне отличалась от характера управления школой мужской, тем более военно-учебными заведениями. Поэтому на нем следует остановиться особо.

Традиция создания советов женских учебных заведений была заложена Екатериной II при учреждении Воспитательного общества благородных девиц (Смольного института). В соответствии с Уставом этого общества, утвержденным императрицей 5 мая 1764 года, управление его делами возлагалось на особый совет попечителей, назначаемых самой Екатериной II из «четырех знатных особ, господ сенаторов или других именитых чинов». Первыми членами этого совета были И.И. Бецкой, сенатор граф П.И. Панин, сенатор князь П.Н. Трубецкой и секретарь императрицы С.М. Козьмин. Начальницей Воспитательного общества благородных девиц, которая по Уставу являлась

главным полномочным лицом по управлению, надзору и по всем распоряжениям относительно воспитания, обучения и хозяйства, была назначена княжна А.С. Долгорукова.

Созданные по образцу Воспитательного общества благородных девиц при императрице Марии Федоровне другие женские институты управлялись также местными советами, которые представляли императрице доклады и донесения о всех нуждах и потребностях вверенных им заведений. Члены этих советов также утверждались императрицей, но из лиц существенно ниже рангом, чем члены совета Смольного института.

Особую роль местные советы приобретали при создании женских институтов в губерниях. Это обуславливалось главным образом двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что губернские институты, в отличие от столичных, открывались и содержались в значительной мере на местные средства. И, во-вторых, необходимостью привлечения к ним внимания и заинтересованности местного дворянства и общества в целях развития «публичного» женского воспитания и, опять же, для обеспечения финансово-материальной базы деятельности институтов. Характерно, что в этих советах первенствующую роль играли представители местной власти, а уже не начальница института, которая назначалась по выбору членов совета.

Модель создания и деятельность такого местного совета губернского института была впервые отработана при учреждении в 1812 году харьковским Обществом благотворения женского института, организация которого, как уже подчеркивалось, была первой в России общественной инициативой в деле женского образования. Соответственно наиболее демократическим был здесь и местный совет института. Все его члены избирались Обществом благотворения, равно как и попечитель и главная начальница института. Первому вверялась часть учебная и хозяйственная, второй – «внутренние расположения».

По такому же образцу, но уже с господствующим преобладанием административного элемента создавались позднее местные советы и в других губернских женских институтах. Наличие и характер общественного элемента в этих советах обуславливались тем, откуда поступали средства на содержание институтов – от дворянства, от городов или от купечества.

При создании первого при Николае Павловиче губернского института в Одессе в 1829 году главное начальство над институтом вверялось новороссийскому генерал-губернатору князю М.С. Воронцову (который и составил проект устава этого института). Непосредственное же руководство заведением было возложено на совет под предсе-

дательством одесского градоначальника. В совет входили: херсонский предводитель дворянства, одесский городской голова, три члена по избранию генерал-губернатора и инспектор института.

В губернских женских институтах, расположенных в местностях со значительным влиянием купечества, например, в Керчи или Астрахани, в составе советов был представлен и купеческий элемент. Так, созданный в 1835 году Керченский институт состоял под началом новороссийского генерал-губернатора. В состав его совета входили: Керчь-Еникапольский градоначальник – председатель, директриса института, определяемая генерал-губернатором, штатный смотритель керченского уездного училища, городской голова, члены совета от дворянства и от купечества. Последние два члена совета избирались из своей среды на три года и должны были исполнять обязанности казначея и эконома.

Показательна трансформация состава совета Астраханского института, основанного в 1837 году на средства астраханского купца Колпакова. В первое время ближайшее начальство над институтом вверялось директору астраханской гимназии, под председательством которого должен был состоять совет из купцов. Однако после неоднократных жалоб начальницы института, что ее педагогические воззрения «никак не могут гармонировать с понятиями купцов», Устав института и состав его совета были изменены. По новому Уставу 1848 года председательство в совете возлагалось на астраханского военного губернатора; «непосредственно после него» шла начальница института; заведывание учебной частью поручалось прежнему председателю совета – директору астраханской гимназии, а хозяйственной – члену от дворянства; от купечества должен был присутствовать городской голова.

Таким образом, при всем разнообразии составов местных советов женских институтов, при всем различии вариантов сочетания в них административного и общественного элементов, они по своему существу изначально представляли собой *государственно-общественные органы* управления женскими учебными заведениями, наделенные к тому же довольно широкими полномочиями не только в административно-хозяйственном, но и в учебно-воспитательном отношении. Органы, которые не имели аналога в мужских, а тем более, повторим, в военно-учебных заведениях. И именно эти органы управления Николай I захотел не только огосударствить, но попросту упразднить, централизовав все рычаги управления женскими институтами в руках создаваемого им Главного совета по образцу такого же Совета военно-учебных заведений.

Дважды в 1844 году статс-секретарь IV отделения СЕИВ канцелярии А.Л. Гофман подавал императору проекты создания Главного совета женских учебных заведений, в которых предлагал сохранить и их местные советы. И дважды Николай I отклонял эти проекты с резолюцией: «приступить к начертанию проекта Положения о Совете женских учебных заведений на тех же основаниях, на каких Положение о Совете военно-учебных заведений» [24, с. 79, 88]. Он требовал, чтобы все женские учебные заведения были *непосредственно* подчинены Главному совету и чтобы с его учреждением все местные советы как при столичных, так и при губернских институтах были упразднены. Однако в конечном итоге императора удалось-таки убедить сохранить местные советы женских институтов, хотя и в существенно урезанном виде.

В соответствии с Положением об управлении женскими учебными заведениями, утвержденным 1 января 1845 года «в виде опыта на два года» (окончательно оно было утверждено в 1846 г.), создавался Главный совет женских учебных заведений, находящихся под покровительством императорской фамилии. Все дела по этим заведениям должны были через IV отделение СЕИВ канцелярии вноситься в Главный совет, которому присваивалась «власть совещательная, наблюдательная и распорядительная». Совет представлял доклады императору и императрице «по всем частям воспитания и хозяйства, где замечено будет отступление от установленного по заведениям порядка и от существующих законоположений». Кроме того, ему вменялось в обязанность «пещись об устранении в преподавании наук таких предметов, которые не сообразны будущим назначениям воспитанниц и служат более к удовлетворению одного тщеславия». Это последнее указание было повторено и в инструкции об общих обязанностях институтского управления, изданной в 1846 году [11].

Таким образом, основные задачи Главного совета женских учебных заведений состояли, *во-первых*, во введении единообразия в деятельность этих заведений и в пресечении всяческих отступлений от этого единообразия «по всем частям воспитания и хозяйства» и, *во-вторых*, в обеспечении всеми мерами строгой сословности в женском образовании, в том числе и мерами охранительно-педагогическими.

Состав Главного совета утверждался императрицей. В него, помимо других высоких сановных особ, непременно входили по должности министр народного просвещения С.С. Уваров и начальник Главного штаба военно-учебных заведений Я.И. Ростовцев. Руководство советом и ближайший надзор за женскими учебными заведениями

император возложил на принца П.Г. Ольденбургского, заметив при этом, что принц в этом деле «заменяет его самого» [68, с. 92].

Положение об управлении женскими учебными заведениями сохраняло местные советы женских институтов, члены которых также утверждались императрицей. В губернских институтах советы должны были состоять под председательством генерал-губернатора, «дабы заведение всегда пользовалось покровительством главного местного начальника». Членами совета по учебной части назначались попечители учебных округов или директора училищ Министерства народного просвещения. Кроме того, император разрешил оставить членами советов губернских предводителей дворянства «как бы посредниками между институтом и дворянством, от которого заведения большей частью получают пособия» (ранее в совете некоторых институтов участвовали от дворянства два члена и два кандидата в члены совета). Эти правила не были распространены на два института в национальных районах – Закавказский и Александрийский в Пулавах и на два института в местностях с преобладанием купечества – астраханский и Восточной Сибири [24, с. 80–88].

В итоге, местные советы женских институтов удалось сохранить, но волей императора они *были превращены из органов государственно-общественных в чисто государственные*. Это огосударствление советов женских учебных заведений просуществовало до конца 1850-х годов. С началом создания открытых всеобщих женских гимназий учреждаемые при них попечительские советы вновь обрели *государственно-общественный характер* и стали серьезной движущей силой развития женского образования.

Попечительские советы создаваемых с 1860-х годов женских гимназий были наделены широкими полномочиями как по хозяйственной, так и по учебно-воспитательной части, чего не имели аналогичные советы мужских учебных заведений. Не случайно во множестве земских ходатайств второй половины XIX века ставился вопрос о предоставлении попечительским советам мужских гимназий и реальных училищ таких же прав, как и в женских учебных заведениях.

Мы столь подробно остановились на истоках создания местных советов женских учебных заведений *по двум причинам*. Во-первых, потому, что они сыграли принципиальную роль в истории русского женского образования и стали существенным фактором его развития. И, во-вторых, потому, что эти советы явились *первыми в России государственно-общественными органами управления образованием*. Собственно, и сами женские учебные заведения XIX столетия, начиная с губернских институтов 1830–1840-х годов, которые содер-

жались преимущественно на местные и общественные средства, были в числе первых ласточек формирования *государственно-общественного характера российского образования*. Во второй половине XIX века такой же характер, помимо женской школы, обретут в России начальное народное, профессиональное, внешкольное и дошкольное образование.

Третьим шагом реформирования управления женскими институтами стало учреждение 30 декабря 1844 года центрального органа заведывания их учебной частью – *Учебного комитета* при IV отделении СЕИВ канцелярии – также по образцу незадолго перед тем созданного аналогичного комитета при военно-учебных заведениях.

На учебный комитет, в который по должности входили министр народного просвещения С.С. Уваров и глава военно-учебных заведений Я.И. Ростовцев, были возложены задачи общего наблюдения за ходом обучения в женских учебных заведениях Мариинского ведомства, детальной разработки их учебного плана и программ по всем учебным предметам, определения «объема и методы» преподавания, отбора необходимых учебников и учебных руководств. При разработке программ комитет, по предложению Я.И. Ростовцева, ориентировался на программы военно-учебных заведений, полагая, что «они могут служить пособием к составлению подробных учебных планов наук и языков в женских учебных заведениях» [24, с. 73].

Работа данного комитета разворачивалась крайне медленно и складывалась весьма неудачно. Разработка программ и их рассмотрение в комитете растянулись почти на пять лет. Первый их вариант был предложен членами Главного совета женских учебных заведений в 1848 году, а окончательный – только в 1851 году. Но между этими двумя датами лежал рубикон как в образовательной, так и во внутренней политике правительства в целом. Этот рубикон был прочерчен революционными событиями в Европе 1848–1849 годов, которые вызвали резкое ужесточение курса самодержавия во всех сферах российской жизни. В отечественной истории начался один из наиболее реакционных периодов, названный известным историком русского освободительного движения М.К. Лемке *«мрачным семилетием»*.

Как отмечал официальный историограф Министерства народного просвещения С.В. Рождественский, в этот период «мысль, что свободное развитие научного образования и литературы опасно в политическом отношении, снова... должна была стать руководящим мотивом политики министерства». Граф Уваров был отправлен в отставку. «Удрученный европейскими событиями, с 1848 г. направившимися к разрушению того политического порядка, на страже которого стояла

Россия, император Николай Павлович, назначая в 1850 г. нового министра, напутствовал его словами: "Закон Божий есть единственно твердое основание всякому полезному учению"» [154, с. 226].

В том же году был образован особый Комитет для пересмотра постановлений и учреждений по части Министерства народного просвещения. Как отмечал академик А.В. Никитенко в своем известном дневнике, «под министерство подкапывались со всех сторон». Оно «сделалось какою-то сомнительною отраслью государственного управления, а представитель его, министр, скорее ответное лицо перед допросами, чем государственный чиновник» [226].

Так обернулась против С.С. Уварова сформированная им же доктрина «охранительного просвещения», в соответствии с которой, как уже отмечалось, просвещение, образование выступали в глазах самодержавного правительства ведущей силой общественных преобразований и пересоздания самого общества. Обратной стороной этой доктрины, которая и ударила по Уварову (как в 1866 году ударила и по реформатору образования министру А.В. Головнину), была та ответственность за «ложное направление умов», за «общественное расстройство», которую самодержавие, начиная с Николая I, возлагало опять же на образование.

В 1849–1852 годах была предпринята новая контрреформа мужской средней школы. Двумя основными ее направлениями стали: борьба против классического образования как основы содержания образования в мужской средней школе и еще большее ужесточение сословного курса в образовательной политике.

По словам С.В. Рождественского, «классическому образованию стали приписывать способность создавать "обманы воображения", отрезвить от которых могло только реальное образование» [154, с. 276]. На классицизм возлагалась ответственность за распространение идеалов античности. Задача охранения в мужской средней школе была возложена на изучение лояльных российских законов и, как тогда казалось, лояльных естественнонаучных знаний [130, с. 106–109]. Что же касается ужесточения сословного курса в образовании, то новая реформа, как писал С.В. Рождественский, должна была «содействовать стремлению правительства остановить прилив в гимназии и университеты людей низших классов» [154, с. 277].

Труды Учебного комитета при IV отделении СЕИВ канцелярии по разработке учебных программ для женских институтов Мариинского ведомства попали в те же политические жернова. В 1851 году Главный совет женских учебных заведений признал их неудовлетворительными и решил заново начать «составление программ», предпо-

слав им предварительно «начертание» общих начал воспитания и обучения в женских учебных заведениях.

В том же году были утверждены *новые правила приема в женские институты*, резко ужесточившие сословные и имущественные ограничения доступа в женские учебные заведения. При подготовке этих правил Николай I дал строгое указание, чтобы воспитание и обучение в этих заведениях было «сколь можно приноровлено» к будущему назначению воспитанниц, «согласно с званием, состоянием и образованием родителей» [24, с. 144]. Император считал неудобным и ненужным принимать в институты дочерей таких родителей, которые «не имеют способов устроить их сообразно с полученным ими воспитанием, от чего девицы сии не только лишаются возможности пользоваться приличным содержанием, но по несоответственности семейного и общественного положения их со степенью предоставленного им образования, впоследствии почти всегда теряют плоды последнего, при недостатке средств к сохранению и дальнейшему развитию своих познаний» [94, кн. 4, с. 49–50].

Образцом для «начертания» общих начал воспитания и обучения в женских институтах, по сложившейся традиции, были взяты аналогичные документы военного ведомства, а именно составленное Я.И. Ростовцевым «Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений», которое было одобрено Николаем I в 1848 году.

Как отмечал в своих воспоминаниях А.Д. Галахов, в этом наставлении «заметно отразилось влияние внешних политических событий на понятия и взгляды правительственных лиц, особенно тех, которые заведывали образованием юношества. Эти понятия, будучи перенесены в область педагогики, не имевшей с ними ничего общего, могли потребовать такого изложения науки, которое очутилось бы в явном противоречии с действительными ее фактами, с истинною ее сущностью». Грановский, по словам Галахова, открыто говорил об инструкции по преподаванию истории, составленной на основе «Наставления» Ростовцева, что по этой инструкции нет возможности ни проходить историю, ни писать для нее руководства. «Учение отрицало бы современное значение и достоинство исторического знания» [222, с. 136].

Такой же заложницей политики во многом стала педагогика и в «*Наставлении для образования воспитанниц женских учебных заведений*», составленном принцем П.Г. Ольденбургским в параллель «Наставлению» Ростовцева, которое было утверждено императрицей 27 февраля 1852 года. В нем, как и в «Наставлении» Ростовцева, от-

четливо видны следы своего времени, причудливое переплетение махрово-реакционных политических взглядов, соответствующих им постулатов официальной педагогики и некоторых весьма передовых, перспективных педагогических и дидактических идей, которые получают широкое развитие в последующее десятилетие.

В основу определения цели женского образования в «Наставлении» были положены слова, сказанные императором при создании в 1844 году Комитета по пересмотру уставов женских учебных заведений: «образование добрых жен и полезных матерей семейств есть главная цель сих заведений». Однако при расшифровке этого общего тезиса «*Наставление*» существенно расширяло цели женского образования в двух направлениях. *Во-первых*, отмечалось, что «воспитанница учится сама для себя как будущий член общества». И, *во-вторых*, что «она учится для того, чтобы впоследствии могла стать наставницею детей своих или тех, которых она призвана будет обучать».

В этих словах *примечательны не только педагогическая ориентация женского образования*, позднее получившая широкое развитие, но, что еще важнее, *попытка взглянуть на женщину вне рамок семейного круга, как на будущего члена общества*.

И как бы убоившись этой попытки, «Наставление» уже через несколько строк подчеркивает, что главное назначение женщины – семья, что «женщина как создание нежное, назначенное природою быть в зависимости от других, должна знать, что ей суждено не повелевать, а покоряться мужу, и что строгим лишь исполнением обязанностей семейных она упрочит свое счастье и приобретет любовь и уважение как в кругу семейном, так и вне оного» [24, примеч. 6, с. 16].

Особый интерес в «Наставлении» представляют **общепедагогические и дидактические правила** организации учебно-воспитательного процесса в женской школе. Здесь педагогика, находясь, по сути, в своей собственной среде, почти выходит из поля тяготения политики. Здесь слышны лишь некоторые отголоски регламентационной официальной педагогики. Но в целом преобладают новые, передовые педагогические веяния, получившие широкое развитие в 1860-х годах и во многом сохраняющие современное звучание.

Вот эти правила.

«1. Избегать всего, что могло бы оскорблять скромность пола и возраста и что было бы противно понятию о нравственности.

2. Не увлекаться умозрительными теориями, а применяться к возрасту и понятиям девиц, излагая все преподаваемое кратко, ясно и занимательно.

3. Развивать у воспитанниц более силы нравственные и умственные, чем обременять одну память излишними подробностями.

4. Стараться возбуждать в воспитанницах любовь к наукам, так, чтобы они, по выходе из заведений, могли усовершенствовать себя далее и без посторонней помощи.

5. Строго держаться данных наставлений и программ, соразмеряя распределение курса с числом уроков.

6. Не заниматься одними лишь воспитанницами даровитыми, пренебрегая не имеющими способностей, но стараться подвигать всех, по возможности, ровно.

7. Никогда не требовать более, чем девицы, по силам, возрасту и назначенному для занятий времени, восполнить могут.

8. При должной твердости соблюдать всегда вежливость; не наскучать воспитанницам педантизмом и суровостью, ибо личное расположение учащихся к преподавателю имеет влияние на успех предмета» [24, примеч. 6, с. 16–17].

Столь же перспективной была в «Наставлении» ориентация на углубленное изучение *русского языка*, которая спустя несколько лет станет одним из главных направлений преобразований в институтском курсе, в частности тех, которые были проведены К.Д. Ушинским. «Отечественный язык, – подчеркивалось в "Наставлении", – должен быть известен каждому русскому во всей полноте. Но как, к сожалению, правильное изучение оногo, в особенности у лиц женского пола высшего круга общества, доселе еще недостаточно развито, то надобно стараться, чтобы будущее поколение исправило сей важный недостаток и стыдилось бы не знать своего языка родного, тогда как малейшая ошибка на языке французском почитается знаком необразованности» [24, с. 17].

Напротив, в тех учебных предметах, в которых традиционно преобладала политическая доминанта, «Наставление» являлось чистейшим сколком официального направления охранительной мысли. Особенно показательна и, как всегда, несчастна в этом отношении была *история*.

Предваряя соображения по поводу преподавания истории, «Наставление» высказывает свою точку зрения на «политическое» назначение женщины. По его мнению, таковое назначение женщины состоит не в службе «государственной или общественной», а в распространении «области добра» в качестве супруги и матери. «Вот политическое ее назначение, – восклицает "Наставление", – исполнение сих священных обязанностей и лучше и выше всяких познаний исторических и географических!» (Географические познания здесь упомя-

нуты не случайно, ибо на уроках географии, при описании каждой страны, как отмечалось в «Наставлении», следовало говорить о жителях, произведениях почвы, промышленности, климате и «как можно короче» – об образе правления.)

Преподавание истории, с точки зрения «Наставления», должно иметь в виду не изложение науки, а достижение тех целей, которые всегда, и в особенности в то время, ставились перед образованием в правительственных учебных заведениях, в том числе и женских. Раскрывая в этом плане главную цель женского воспитания – «образование добрых жен и полезных матерей семейств», «Наставление» подчеркивало, что «что *хорошие жены и добрые матери семейств суть твердые опоры престола и благоденствия государства*».

При изучении истории учителям предписывалось указывать воспитанницам на все высокое и прекрасное, «на ту неопровержимую истину, что безнравственность ведет к разрушению, что Провидение наказывает преступления как индивидуальные, так и целых народов, если не в настоящем, то в будущем поколении».

«Ложный блеск, в котором представлялись древние республики – римская и греческие, – говорилось в "Наставлении" с явным намеком на негативный смысл классического образования, – должен замениться точным объяснением положения сих государств со всеми их неустойчивостями и несовершенствами и пояснениями того, что *История именно служит доказательством необходимости монархического правления*, к которому, после продолжительных смут и беспорядков, всегда возвращались народы».

Не забывало «Наставление» и задачу исторического обоснования сословной политики самодержавного правительства, едва ли не нагляднее всего проявлявшуюся в сфере образования. Оно предписывало при преподавании истории указывать «на важность значения дворянства в России, назначенного для службы государю и *исключительно имеющего права владеть крестьянами*, коих участь ему вверена и для которых помещик должен быть отцом, а помещица матерью». При этом надлежало «вообще объяснять, что *уравнение всех сословий и состояний есть химера несбыточная* – попытка разных времен и народов, имевшая всегда одни и те же плачевные результаты и что проповедники мнимой свободы, под личиною благодетелей народа, делались всегда то притеснителями его, то жертвами своих лжеучений» [24, с. 18–19; выделено нами. – Авт.].

Применительно к «Наставлению» вскоре были составлены подробные программы по каждому учебному предмету и в 1853 г. одобрены Главным советом женских учебных заведений в виде опыта на

три года. За этот период инспекторы классов женских институтов должны были апробировать программы и представить «подробное заключение как об изложенной в каждой программе общей методе преподавания, так, и в особенности, о тех переменах, какие бы оказались нужным произвести». Каждая отдельная программа сопровождалась объяснительной запиской и указанием на учебные руководства, которые надлежало использовать [22].

Так постепенно женские институты Мариинского ведомства были приведены к тому единообразию, которого требовал от них Николай I при создании в 1844 году Главного совета женских учебных заведений. Заключительным аккордом в установлении этого единообразия станет устав этих заведений 1855 года, но о нем речь пойдет несколько позднее.

В 1840-х годах были предприняты некоторые шаги к усовершенствованию и расширению педагогической подготовки воспитанниц женских институтов Мариинского ведомства. Существовавшие при институтах с начала XIX века так называемые классы пепиньерок и классы наставниц при Воспитательных домах были дополнены учреждением специальных педагогических классов при московском (1847) и петербургском (1848) Александровских училищах. Как отмечалось в официальном историческом очерке мариинских учебных заведений, эти классы «имели целью способнейшим воспитанницам из окончивших общий курс учения в училищах, преимущественно же сиротам, предоставить возможность в течение двух лет на казенный счет приступить к педагогической деятельности» [35, с. 57–58].

Педагогическая подготовка во вновь учрежденных специальных классах была значительно более основательной, чем в существовавших ранее. Особое внимание в их учебном курсе обращалось на педагогику, дидактику и на практическую подготовку к педагогической деятельности. Из 36 учебных часов в неделю 18 было отведено на практические занятия воспитанниц специальных классов с ученицами младших классов. На выпускных экзаменах педагогика также была в центре внимания. Выпускницы специальных классов получали диплом на право «заниматься обучением детей как в казенных заведениях, так и в частных домах, без особого на то свидетельства от Министерства народного просвещения» [35, с. 58]. Впоследствии подобным же образом будут устроены педагогические курсы при женских гимназиях Мариинского ведомства.

Аналогичная педагогическая подготовка проводилась и в Павловском женском институте, где в 1850-х годах инспектором классов был известный русский педагог Н.А. Вышнеградский, позднее создатель

нового типа женского учебного заведения в России – открытой женской гимназии. В отличие от других институтов здесь был не 6-летний, а 7-летний срок обучения. И седьмой класс имел специальное педагогическое назначение. Точно так же и в 1860-х годах будут выстраиваться педагогические классы при женских гимназиях. Таким образом, многие организационно-педагогические начинания 1840–1850-х годов являлись моделью, прототипом для женских учебных заведений, получивших позднее широкое развитие в России [95].

Создание женских духовных училищ

Таким же прототипом будущих епархиальных училищ стали открываемые с начала 1840-х годов *женские духовные училища*. Замысел создания этих училищ шел в общем официальном русле выстраивания сословной системы женского образования, поскольку первоначально они предназначались исключительно для дочерей духовенства. Позднее это сословное назначение училищ будет размыто, и они станут общедоступными, существенно расширив тем самым общее поле женского образования.

Как отмечал известный русский педагог Д.Д. Семенов в своем историческом очерке епархиальных женских училищ, до создания этих училищ «дело воспитания женщины духовного звания» находилось у нас в «безотрадном и жалком положении». Если городское духовенство, в особенности столичное, как более обеспеченное, еще могло обучать своих дочерей в светских учебных заведениях, то бедное сельское духовенство было лишено этой возможности. «Дочерям духовенства, – писал Семенов, – приходилось довольствоваться домашним воспитанием, которое редко вдавалось в книжную мудрость, а ограничивалось необходимым в быту сельского духовенства приучением к рукоделиям и кухонному искусству» [159, с. 27].

В 1830-х годах в некоторых епархиях стали возникать при монастырях приюты для дочерей духовенства. Но они предназначались преимущественно для сирот и имели в основном благотворительную цель. «В них главным образом было обращено внимание на выучку разного рода рукоделиям, на более или менее бойкое чтение книг церковнославянской печати и на сообщение самых элементарных познаний по Закону Божию» [159, с. 27].

«Первый и решительный почин в устройении школ для девиц духовного звания», по словам Д.Д. Семенова, принадлежал великой княжне Ольге Николаевне, которая переслала обер-прокурору Синода

графу Н.А. Протасову поданную ей записку об учреждении в Царском селе учебного заведения для дочерей священников С.-Петербургской епархии. Это учебное заведение должно было существенно отличаться от женских институтов Мариинского ведомства. Как писал анонимный автор записки, «дочерям священников не следует давать того воспитания, которое доставляется в институтах, учрежденных для девиц дворянского сословия: жены священников должны посвящать себя своей семье и весьма редко покидать дом свой. Цель их воспитания должна заключаться в том, чтобы приготовить из них истинных христианок и таких жен, которые были бы способны доставить приятное общество своим мужьям, помогать им в содержании церковного здания в приличном порядке, готовить лекарства для больных, заниматься воспитанием своих детей и содержать в лучшем виде свое домашнее хозяйство» [159, с. 28, 29]. Как видим, цель женских духовных училищ изначально закладывалась как сословно-утилитарная.

Вскоре обер-прокурор Синода в ответ на процитированную записку представил императору проект устава женского духовного училища и сопровождающий его доклад. В докладе подчеркивалась важность создания подобных учебных заведений, поскольку «образование женского пола в общественных заведениях, распространенное на многие сословия, не коснулось лишь одного духовного сословия, имеющего в том преимущественную перед прочими нужду». Вместе с тем граф Н.А. Протасов указывал, что «ни одно из существующих женских учебных заведений не может служить образцом для воспитания девиц духовного звания» и что в неверном устройстве этого воспитания содержится немалая опасность. «Общая система воспитания дочерей сельских священников, – писал он, – будет иметь влияние на первое домашнее образование всего духовного сословия, а потому она требует в своем начертании всевозможной осторожности, ибо *всякое ложное или ошибочное направление в этом деле будет вреднее, чем самый нынешний недостаток образования*».

Известно, что образование в глазах охранительной официальной педагогики всегда было орудием обоюдоострым, которое для предосторожности надлежало затупить с одного, вредного для власти конца. В данном случае для обеспечения такой предосторожности обер-прокурор Синода предлагал «не отделять от епархиального надзора воспитание священнических дочерей». «Выше изложенные соображения, – писал он, – приводят к заключению, что устройство воспитания девиц духовного звания, согласно с истинными потребностями его, тогда только может быть вполне достигнуто, когда оно, пользуясь

высочайшим покровительством ее императорского величества, будет совершаться под непосредственным ведением духовного управления и епархиальных начальств».

Николай I согласился с таким заключением и 18 августа 1843 года подписал указ об открытии в Царском селе первого в России училища для девиц духовного звания. Устав и учебные программы этого училища должны были служить образцом и для других подобных женских учебных заведений, «имеющих впредь учредиться, дабы все духовное женское образование совершалось *нераздельно в едином духе*, согласно с уставами православной церкви и с настоящими потребностями духовного звания» [159, с. 29–30; выделено нами. – Авт.].

Таким образом, в этой вновь создаваемой ветви женского образования все изначально должно было устраиваться «в едином духе», чтобы избежать последующего «расчесывания на один пробор», что не без труда удалось сделать правительству в женских институтах Мариинского ведомства, затратив на данное занятие почти два десятилетия.

Цель нового училища для девиц духовного звания, обозначенная в Уставе, была лишь одной из модификаций общей цели, установленной в тот период перед женским образованием, применительно к словесному положению его воспитанниц, – дать такое образование и воспитание дочерям духовенства, чтобы они могли быть «достойными супругами служителей алтаря Господня и попечительными матерями, которые возвращали бы детей в правила благочестия и добронравия» [89, с. 221]. «Главнейшая же задача училищного начальства, – говорилось в уставе, – должна состоять в том, чтобы укоренять в учащихся чистое православное учение и христианское благонравие, дух кротости, подчиненности, благотворительности, любовь к порядку, готовить их к будущему их состоянию преимущественно в простом сельском быту» [94, кн. 3, с. 152].

Учебный курс женских духовных училищ имел весьма элементарный характер, хотя и не лишенный некоторого своеобразия. В течение 6-летнего обучения в училище преподавались: Закон Божий (в состав которого входили краткий катехизис, священная история и церковное пение); чтение на старославянском и русском языке; письмо на русском языке и краткая грамматика; арифметика – «до тройного правила»; краткая русская история и география; «опытное» обучение рукоделию и домашнему хозяйству. Как пособие к изучению хозяйства рекомендовалось заведение при училище сада с огородом, скотом и птичьим двором. Кроме того, оканчивающим курс рекомендовалось «сообщать понятия о хождении за детьми и о физическом их воспита-

нии, о хождении за больными, об употреблении и свойствах лекарственных растений».

Как отмечал один из историков епархиальных училищ М. Краснов, даже при таком «крайне элементарном курсе преподавание учебных предметов в большинстве случаев не могло вестись правильно и систематично», поскольку, при недостатке средств подобных училищ, учителя из священников и духовных семинарий преподавали преимущественно без всякого вознаграждения за свой труд и «не имели особенных побуждений старательно заниматься делом, не соединенным для них с прямым интересом». Потому многие уроки отменялись, пропускались, заменялись чем придется.

Что же касается «опытного обучения рукоделию и домашнему хозяйству», то, по словам М. Краснова, оно «обыкновенно ограничивалось тем, что воспитанницы принимали непосредственное участие в работах по дому: мыли полы, стирали белье, подметали комнаты, готовили для себя кушанья и шили белье». Никакого систематического обучения рукоделию и домашнему хозяйству, в сущности, не было, так как отсутствие средств не позволяло «заводить при училище сад с огородом, скотным и птичьим двором». Тем более не было в училищах никакого ознакомления с уходом за детьми и основами медицины [89, с. 221–222].

Создание новой ветви женского образования – училищ для девиц духовного звания – в 1840–1850-х годах шло медленно и трудно. До конца николаевского царствования было открыто всего лишь четыре таких училища – в Царском Селе (1843), в Ярославле (1846), в Казани (1853) и в Иркутске (1854). Все они находились под покровительством императрицы.

Другой, еще более элементарный тип женских школ для дочерей духовенства – *епархиальные училища* – также развивался крайне медленно. Такие училища преобразовывались в основном из существовавших ранее при монастырях приютов, в которых содержались не только дети духовенства. Соответственно и в новых епархиальных училищах оказывались дети не только духовного звания. Эти училища содержались на местные средства; одного общего устава у них не было; каждое жило по своему собственному закону – по уставам или положениям, созданным в той или иной епархии.

Основными препятствиями для развития училищ обоих типов были недостаток средств, нежелание монастырей открывать у себя училища и – главное – предубеждение против них духовенства. Как отмечал М. Краснов, среди духовенства «сказывалось весьма мало сочувствия к образованию своих дочерей. Имевшие средства и возмож-

ность помещать дочерей своих в училища за плату считали вообще женское образование непонятной роскошью и предпочитали откладывать эти средства на приданое при выходе девиц в замужество. Постепенно сложился даже такой взгляд, что эти училища исключительно существуют для бесприютных сирот». И само название «приют» стало как бы синонимом женского духовного училища [89, с. 222].

К 1855 году было открыто только четыре губернских епархиальных училища, не считая приютов при монастырях, – полоцкое (1844), симбирское (1847), смоленское (1848) и харьковское (1853). Из них особенно выделялось смоленское училище, устав которого был признан Синодом образцом для других. Духовные женские училища в виде приютов также медленно распространялись по губерниям, но в них не только обучение, – само содержание детей было весьма плачевно. По донесениям епархиального начальства, в некоторых приютах «воспитанницы спали иногда до 15 человек в одной келье на полу, терпели лишения в пище и одежде, а иногда не получали и никакого образования» [94, кн. 3, с. 172].

Устав женских учебных заведений 1855 года

Завершающим звеном реформирования женских учебных заведений Ведомства императрицы Марии стало создание для них в 1855 году *единого* Устава взамен существовавших отдельных уставов и положений для каждого института. Этот Устав почти полностью воспроизводил и отчасти развивал мысли Комитета по пересмотру уставов женских учебных заведений 1844 года «об устройстве в институтах по всем частям *одного общего порядка на однообразных началах*» и вносил в них некоторые коррективы, продиктованные временем.

Устав 1855 года был разработан в соответствии с прямым указанием Николая I и, по словам официального историографа Ведомства учреждений императрицы Марии, прежде всего имел «в виду привести в одну систему все коренные правила институтского устройства» и четко закрепить «установленную между институтами постепенность, основанную на *согласовании воспитания с состоянием учащихся, в чем именно и заключается принятое в последнее время главнейшее правило в женском воспитании*» [24, с. 210–212; выделено нами. – Авт.]. Иными словами, основная идея и цель Устава 1855 года заключалась в том, чтобы законодательно закрепить более чем полувековую практику реализации сословных принципов в женском образовании. Закрепить буквально на излете сословной николаевской эпо-

хи в образовании, на пороге новой эпохи образовательных реформ, **центральной идеей которых была «всесословная школа».**

Общая цель воспитания в женских учебных заведениях, по Уставу, оставалась прежней – приготовление воспитанниц «к добросовестному и строгому исполнению предстоящих им обязанностей, дабы они, со временем, могли быть добрыми женами и полезными матерями семейств» [32, параграф 3].

Все женские учебные заведения Мариинского ведомства теперь делились на три, а не на четыре, как ранее, разряда. Специальные заведения в Уставе не выделяли в особый, четвертый разряд, а просто поименовывались в примечании к параграфу 5. Смысл деления на разряды оставался прежним – «для применения воспитания девиц к состоянию их семейств и потребностям разных сословий» (параграф 3).

В соответствии с этим сословным принципом учебные заведения «назначались преимущественно: I разряда – для дочерей дворян потомственных и лиц, приобретших военные и гражданские чины не ниже штаб-офицерского, II разряда – для дочерей личных дворян, военных и гражданских обер-офицеров, почетных граждан и купцов, а III разряда – для девиц прочих свободных состояний» (параграф 6). Тем же сословным задачам должны были отвечать и условия быта воспитанниц в различных учебных заведениях. Как отмечалось в Уставе, «содержание девиц в заведениях всех разрядов должно быть сообразно... с состоянием воспитывающихся, чтобы оно отнюдь не развивало в воспитанницах таких потребностей, удовлетворение которых превышает средства их семейств и сословий» (параграф 83).

К первому, «высшему» разряду причислялись 4 столичных и 13 губернских институтов, причем Воспитательное общество благородных девиц было, как и прежде, выделено в первое отделение первого разряда (параграф 7). Ко второму, «среднему» разряду относилось 14 губернских женских учебных заведений (в сравнении с 1844 г. в этот разряд из «низшего» были подняты Оренбургское училище и Киевское училище графини Левашевой). Третий, «низший» разряд составляли 7 женских учебных заведений, с учебным курсом, близким скорее к приходским, нежели уездным училищам (параграф 5).

Таким образом, *к средним женским учебным заведениям относились только институты и училища первых двух разрядов.* На 1855 год в Мариинском ведомстве таковых было 31. Почти все они были закрытыми заведениями. (Открытых было только 2 – пансион при Гатчинском Николаевском сиротском институте и Тобольская мариинская школа.) Воспитанницы за все время обучения не покидали учеб-

ные заведения. Но свидания их с родителями стали чаще, чем раньше; посещение детей родителями допускалось теперь один-два раза в неделю (параграфы 8, 120, 121).

Система управления учебными заведениями в Мариинском ведомстве оставалась такой же, как она сложилась в середине 1840-х годов. «Главное управление» ими было «вверено Главному совету», «непосредственное же управление каждым заведением возложено на советы местные» (параграф 12). В круг обязанностей местных советов входило: «попечение об установлении и постоянном сохранении в заведениях надлежащего по всем частям порядка и благоустройства»; «заведование денежными суммами и всем имуществом заведений»; «распоряжение» их доходами и расходами; решение вопросов «о приеме и увольнении воспитанниц», об «избрании, определении и увольнении должностных лиц», наблюдение за деятельностью последних.

Члены местного совета по учебной и по хозяйственной части ведали соответственно «умственным образованием» и «хозяйственным управлением». Нравственное и физическое воспитание девиц вверялось начальнице заведения. И начальница и члены местных советов, должности которых считались почетными и которые, говоря современным языком, работали на общественных началах, назначались императрицей (параграфы 12, 19, 28, 29, 181).

Срок обучения в большей части женских учебных заведений Мариинского ведомства оставался шестилетним. Возраст приема был еще несколько увеличен – с 10,5 до 12,5 лет. Все девицы, поступающие в заведения двух первых разрядов, должны были «уметь читать и писать на русском и одном из иностранных языков», о чем необходимо было предъявить соответствующие свидетельства (параграфы 49, 56, 65). Иными словами, начальное, «приготовительное» образование по-прежнему приобреталось в домашних условиях.

Устав выделял *три вида образования (воспитания)* в женских учебных заведениях – *физическое воспитание, нравственное воспитание и умственное образование.*

Цель *физического воспитания* заключалась «в стройном развитии и укреплении сил телесных воспитанниц и предохранении их от болезней» (параграф 97).

«*Нравственное воспитание*, – говорилось в Уставе, – должно основано быть на религии. Утверждая в сердцах девиц веру в Бога, упование на Его промысел, покорность святой Его воле и христианскую любовь к ближнему, им должно в то же время внушать непоколебимую преданность престолу, благоговейнейшую признательность к

августейшим их покровителям и пламенную любовь к отечеству, и всеми мерами поддерживать в сердцах их привязанность и повинование к родителям и воспитателям».

Не менее важной считалась и другая цель нравственного воспитания, следующим образом сформулированная в уставе: «Удаляя от девиц всякий ложный блеск, могущий дать им неправильное понятие о будущем их назначении, воспитание сие, кроме общих нравственных целей, следует направлять к утверждению и укреплению в воспитанницах любви к порядку и труду, соответственно назначению их в семействе и обществе» (параграф 101, 102). В последующих статьях Устава раскрывался и характер этого труда в зависимости от сословной принадлежности воспитанниц.

Умственное образование, или, как говорилось в Уставе, «образования ума и вкуса девиц» осуществлялось «преподаванием им наук, языков и искусств, равно обучением их рукоделиям». При этом соотношение всех названных компонентов в содержании образования также строго подчинялось сословным задачам учебных заведений различных разрядов. С этой целью «в отношении числа и объема учебных предметов для заведений каждого разряда, сообразно с будущим назначением воспитанниц и другими местными условиями» впервые были составлены *единые* для всех учебных заведений соответствующего разряда «особые расписания преподаваемых наук, языков и искусств», а также *единая* «таблица учебных часов», которые публиковались в приложениях к Уставу.

Устав подчеркивал, что преподавание учебных предметов должно производиться в строгом соответствии с утвержденными наставлениями, программами и учебными руководствами. В отношении «искусств» – рисования, пения, музыки Устав отмечал, что на них «особенное внимание должно быть обращено» в заведениях «двух первых разрядов». Что же касается «рукоделий изящных и еще более хозяйственных», то они в этих заведениях составляют «необходимое дополнение учебного курса, но для обучения оным назначается свободное от занятий науками и искусствами время». Напротив, в заведениях третьего разряда рукоделия «должны составлять главный предмет обучения воспитанниц, которых в особенности следует приучать ко всем хозяйственным и домашним работам, равно, по возможности, к некоторым ремесленным занятиям; самое преподавание наук в сих заведениях должно преимущественно служить к объяснению воспитанницам предметов, относящихся к их быту и промыслам» (параграфы 105–110).

В соответствии с этими установками были составлены указанные «расписания предметов учения» и «таблица учебных часов» в женских учебных заведениях [32, Приложение к с. 106].

Таблица 3

**Таблица учебных часов в женских учебных заведениях
Мариинского ведомства**

	I разряд						II разряд	III разряд
	1 отделение		2 отделение					
	Младший и средний классы	Старший класс	Младший класс 3 года	Старший класс 3 года	Младший класс 2 года и средний класс 4 года	Средний класс 1 год и старший класс 2 года		
Закон Божий	3	3	3	3	3	3	3	3
Русский язык	3	3	3	3	3	3	3	4,5
Французский язык	4,5	4,5	4,5	4,5	4,5	4,5	4,5	–
Немецкий язык	4,5	4,5	4,5	4,5	4,5	4,5	4,5	–
Арифметика	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5
Курс о явлениях природы	–	1,5	–	1,5	–	1,5	–	–
Курс о произведениях природы	–	1,5	–	1,5	–	1,5	–	–
География	3	3	3	3	3	3	3	1,5
История	3	3	3	3	3	3	3	
Рисование	3	1,5	3	1,5	3	1,5	1,5	3
Чистописание	3	1,5	3	1,5	3	1,5	1,5	1,5

Примечание 1. Рукоделиям девицы обучаются в часы, свободные от преподавания, из числа назначенных на уроки по общему распределению дня; а для занятия музыкой назначаются, по мере надобности, часы из учебного и рекреационного времени.

Примечание 2. На гимнастические упражнения, в случае необходимости, отделяется один час от послеобеденной рекреации.

Как видно из приведенной таблицы, курс обучения в женских учебных заведениях Мариинского ведомства по существу оставался таким же, каким он был определен в 1844 году. От разряда к разряду он существенно снижался. Общее число недельных часов на «науки и языки» составляло в институтах I разряда – 28,5, II разряда – 25,5 и III разряда – 15 часов, т.е. на полтора часа меньше, чем было установлено для заведений III разряда Комитетом по пересмотру уставов женских учебных заведений десятью годами ранее (в 1844 г. на геогра-

фию и историю здесь отводилось по полтора часа в неделю, теперь – полтора часа на оба предмета вместе). Это еще более подчеркивало окончательно сформировавшийся официальный взгляд на утилитарно-прикладной характер элементарного образования для «низших сословий».

Ведущими предметами учебного курса в женских институтах были языки – 42% учебного времени. При этом на русский язык и словесность отводилось в три раза меньше времени, чем на иностранные. На изучение арифметики, также как и естественных наук, было отпущено в два раза меньше времени, чем на каждый из остальных предметов, включая Закон Божий. Последний в женских средних учебных заведениях, в отличие от мужских, занимал равное место со всеми основными учебными предметами: 3 часа в неделю или 10,5% учебного времени в учебных заведениях I разряда, 11,8% – в заведениях II разряда и 20% – в заведениях III разряда. Здесь по числу учебных часов только рисование равнялось с Законом Божьим, а русский язык превосходил его в полтора раза. Напротив, на каждый из остальных учебных предметов отводилось в полтора раза меньше времени, чем на Закон Божий.

Характеристика учебного плана женских институтов Мариинского ведомства была бы неполной без сравнения с учебным планом мужской школы того же периода. Такое сравнение ранее не проводилось в литературе. Сопоставим один из основных типов мужских гимназий по учебному плану 1852 года с наиболее распространенными и наиболее полными по учебному курсу женскими институтами второго отделения I разряда.

Таблица 4

Таблица учебных часов в мужских гимназиях и женских институтах

Учебные предметы	Мужские гимназии 1852 г.		Женские институты второго отделения I разряда	
	в часах	в %	в часах	в %
Закон Божий	12	7,1	18	10,5
Русский язык	24	14,3	18	10,5
Математика	24	14,3	9	5,3
Естественные науки	17	10,1	9	5,3
История	13	7,7	18	10,5
География	11	6,5	18	10,5
Французский язык	21	12,5	27	15,8
Немецкий язык	20	12,0	27	15,8
Латинский язык	16	9,5	–	–

Чистописание и рисование	10	6,0	27	15,8
Итого:	168	100	171	100

Как показывает сравнительная таблица, в женских институтах Закон Божий занимал в полтора раза больше места в учебном плане, чем в мужских гимназиях. Новые языки – в 1,3 раза, чистописание и рисование – в 2,7 раза. Больше времени отводилось также на изучение истории и географии, но сама программа, объем этого изучения были существенно слабее, чем в мужских гимназиях. И много слабее было преподавание математики и естественных наук, на которые и в учебном плане женских институтов отводилось соответственно в 3 и в 2 раза меньше времени. Но что особенно показательно, это традиционное для женских учебных заведений того времени недостаточное внимание к русскому языку и словесности, на которые отводилось в полтора раза меньше учебного времени, чем в мужских гимназиях. Хотя, как говорилось ранее, в «Наставлении для образования воспитанниц женских учебных заведений» принца П.Г. Ольденбургского отмечалась необходимость более широкого и углубленного изучения русского языка.

В целом учебный курс женской средней школы был значительно более облегченным, более поверхностным, чем в мужской школе. Это являлось прямым следствием официальных взглядов на «специфику» и «особый характер» женского образования, проистекающих как якобы из самих особенностей «женской природы», так и из убеждения в ненужности и недоступности для женщин полноценного научного образования. Все это приводило к тому, что образование в институтах, по словам одной из их выпускниц А. Бельской, имело характер «орнаментальный». Воспитанницы выходили оттуда «с мыслью, что знание вещь почтенная, самих же знаний институт не давал» [217, с. 140–144].

Конечно, так было далеко не везде и не всегда. Тем более что во многих женских институтах нередко преподавали многие выдающиеся личности, известные ученые и педагоги, такие, например, как Н.В. Гоголь, А.Д. Галахов, Н.И. Костомаров, А.В. Никитенко, М.М. Стасюлевич, В.Я. Шульгин, Ф.Ф. Петрушевский, В.Ф. Одоевский, П.Г. Редкин и другие. Но общий дух учения в институтах, его характер и направление вызвали серьезную критику передовой общественности и глубокую неудовлетворенность многих лучших преподавателей и выпускниц институтов.

По словам А.В. Никитенко, образование в институтах было вполне предоставлено случаю, все делалось «для парада и показа» [226, с.

125]. Вся жизнь институток, по воспоминаниям одной из них, «сводилась на заучивание уроков» [220, с. 87]. Это заучивание подчас не только теряло смысл, но приобретало абсурдные формы, как например, в Петербургском Екатерининском училище, где до 1845 года алгебра преподавалась на немецком языке, потому что учитель не знал другого [233]. Во многих институтах на иностранных языках, еще не освоенных воспитанницами, преподавались физика, всеобщая география и история и т.д. «Понятно, – отмечала Е.И. Лихачева, – что воспитанницы заучивали эти уроки наизусть, слово в слово, по запискам учителя или по книге, а суть предмета от них ускользала, и такое заучивание не могло иметь влияния на их развитие» [94, кн. 3, с. 125, 126].

Следствием всего этого, как отмечала одна из воспитанниц, было то, что многие институтки охладевали к учению, поскольку не видели «применения науки к жизни», не видели «никакой другой цели учения, кроме сдачи экзаменов, никакой пользы, кроме хороших отметок». «Живя взаперти», институтка не знала и не понимала «ни цели, ни пользы, ни следствий образования, что можно видеть только на практике, в жизни и чего никак не внушить простыми словами». «На ученье, с мыслью о котором у институтки соединена мысль о 7–8-летнем затворничестве, она смотрела как на что-то, против ее воли навязанное ей извне, как на какое-то испытание, которое она должна выполнить...» Были, конечно, редкие исключения из этого правила, но в целом «научные занятия институток можно охарактеризовать выражением: "ученье для ученья"» [220, с. 138–140].

Некоторые отзывы выпускниц институтов о характере получаемого в них образования были много резче. Так, в романе «Двойная жизнь», изданном в 1848 году, Павлова писала: «вместо духа» институткам давали «букву, вместо живого чувства – мертвое правило, вместо святой истины – нелепый обман». Вкупе с гнетущим казарменным духом, господствовавшим в закрытых женских учебных заведениях, институтское образование создавало такую атмосферу, которая «замораживала детскую горячую кровь» и в которой воспитанницы «тупели до идиотства» [226а, с. 78].

Устав женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии 1855 года не исправлял и не мог исправить ни духа, ни характера, ни направленности институтского воспитания и обучения, сложившихся ко второй половине XIX века. Несмотря на то, что Устав был первым законодательным актом в области женского образования (как, впрочем, и образования в целом), подписанным новым императором Александром II 30 августа 1855 года, он *всецело при-*

надлежал старой николаевской эпохе, более того – венчал ее. Сознание молодого императора еще не соприкоснулось с пробуждающимся общественным сознанием, с началом общественного подъема, волны которого дадут о себе знать менее чем через полгода.

Устав не только фиксировал, но и кристаллизовал все *основные установки правительственной политики* уходящей эпохи в сфере женского образования. Двумя ведущими из них, насквозь пронизывавшими Устав, составлявшими его стержень, были *жесткая и даже жестокая сословность в женском образовании и его верноподданнический характер*. А это – как всегда в образовании – было палкой о двух концах. По словам известного общественного деятеля А. Амфиатрова, институтское воспитание поставляло не только «фанатичек самодержавия», но и «рекрутов отчаяния в будущую армию женской эмансипации» [41, с. 120–122].

Вместе с тем Устав свидетельствовал и о том, что при всем старании николаевского правительства соблюсти строжайшую сословность в женском образовании, время пробило в сословной образовательной политике значительные бреши. Из 30 женских учебных заведений I и II разрядов в 11 (как отмечалось в приложении к параграфу 82 Устава) были допущены, хотя и своекоштными пансионерками, дочери купцов первой и второй гильдии. А это уже означало существенный отход от постоянно и строго требуемой Николаем I «сословной чистоты» мариинских женских учебных заведений.

Завершение первого жизненного цикла развития женского образования

Устав 1855 года опускал занавес на сцене предшествующей исторической жизни российского женского образования. Заканчивались начальные два акта первого жизненного цикла его развития. Наступал новый этап, знаменующий его новый жизненный цикл, ростки которого начали пробиваться на свет уже в 1840–1850-х годах, с началом широкого обсуждения «женского вопроса».

Возникновение в России «женского вопроса» может быть отнесено еще к 1830-м годам, когда в прессе и литературе появились первые рассуждения о положении женщины в семье и обществе, об условиях ее жизни, ее равноправии с мужчиной и т.д. В сороковых годах этот вопрос, в первую очередь благодаря усилиям В.Г. Белинского, выдвинулся в русской литературе на одно из первых мест. В 1841 году, говоря о сочинениях Зинаиды Р-вой (псевдоним писательницы Ган) Бе-

линский писал: «Женщина... создана действовать в тех же самых сферах и на тех же самых поприщах, где действует мужчина... А между тем общественный порядок обрек женщину на исключительное служение любви и преградил ей пути во все другие сферы человеческого существования... Удивительно ли, что вся сила духовной природы женщины выражается в любви, когда у женщины не отнято только одно право любить, а все другие человеческие права решительно отняты?.. Действительно, какую ее создало воспитание и разные общественные отношения, она – низшее в сравнении с ним (мужчиною) существо, хотя в возможности, какую создала ее природа, она столько же не ниже его, сколько и не выше... Получая воспитание хуже, чем жалкое и ничтожное, хуже, чем превратное и неестественное, скованная по рукам и ногам железным деспотизмом варварских обычаев и приличий... считая за стыд и за грех предаться вполне какому-нибудь нравственному интересу, например, искусству, науке, – они, эти бедные женщины, все запрещенные им Кораном общественного мнения блага жизни хотят, во что бы то ни стало, найти в одной любви» [165, с. 176–178].

Мы столь обширно процитировали слова В.Г. Белинского потому, что в них *впервые* в русской публицистике резко поставлен вопрос о равноправии женщин с мужчинами и *впервые* вскрыты те причины унижительного, неравноправного положения женщины, вокруг которых будут не умолкать споры в течение двух последующих десятилетий, – «общественный порядок», «общественные отношения», «варварские обычаи», извращенное «общественное мнение», «жалкое и ничтожное», «превратное и неестественное» воспитание и образование женщины. По существу, вокруг этих проблем, с акцентом на той или другой из них, будет идти все обсуждение «женского вопроса» в России в период общественного подъема второй половины 50 – начала 60-х годов XIX столетия. Но и в 1840-х годах современники В.Г. Белинского вторили приведенным его мыслям, расширяя и развивая их.

Год спустя после публикации процитированной статьи В.Г. Белинского журнал «Отечественные записки» резко отвергал традиционные в то время ретроградные суждения о том, что «низшая степень развития женщин» обусловлена их природой, и видел причины их унижительного положения в «полуварварском устройстве общества» и в том «сахарном, аркадском воспитании, которое им дается».

Даже в эпоху «мрачного семилетия» «женский вопрос», выступления в защиту равноправия женщин не сходили со страниц передовых русских журналов. И постоянной темой этих выступлений были про-

блемы женского образования, критика его второсортности, закрытой системы институтского воспитания.

Наиболее полно и емко, с позиций, близких передовой общественности последующего десятилетия, эти проблемы были рассмотрены в статье Д. Мацкевича «Заметки о женщинах», опубликованной в некресовском «Современнике» в 1850 году и позднее в 1853 году изданной в Киеве отдельной брошюрой. Рассматривая вопросы женского образования в широком теоретическом и социальном контексте женского равноправия, Мацкевич подчеркивал, что в интересах общества и молодого поколения необходимо давать женщинам широкое, полноценное образование. «Науки, – писал он, – должны преподаваться женщинам так, как они преподаются мужчинам». Чем более ум женщины просвещены, тем более она сохраняет превосходство и достоинства своей природы, «а в области человеческих знаний нет ни одной науки, в которой не нуждался бы ум женщины» [102, с. 17].

Н.Г. Чернышевский в «Современнике» в 1854 году высоко оценил работу Д. Мацкевича и высказал по ее поводу, как отмечала Е.И. Лихачева, «такие взгляды, которые в настоящее время приняты всеми образованными людьми» [94, кн. 3, с. 231]. Эти взгляды были близки тому, что еще в 1841 году говорил В.Г. Белинский. Как и его великий предшественник, Н.Г. Чернышевский видел корни неравенства женщин в «условиях их семейной и гражданской жизни» и в том отрицательном влиянии, которое оказывало на них существовавшее в то время женское воспитание и образование (Современник, 1854, № 9, с. 30–32).

Таким образом, и само развитие женского образования в России в том русле, какое избрало для него самодержавное правительство, и осознание передовой русской общественностью узости и даже тупиковости этого русла свидетельствовали на пороге второй половины XIX столетия об исчерпанности избранного пути, о завершении данного жизненного цикла женской школы, о необходимости искать для нее новые дороги, направления, средства и способы развития. И такие дороги и способы нащупывались уже в середине 1840-х годов.

Одним из наиболее ярких примеров этого был представленный в 1846 году министру народного просвещения С.С. Уварову попечителем С.-Петербургского учебного округа М.Н. Мусиным-Пушкиным проект «высшего» училища для девиц в Петербурге, подготовленный «по советам и указаниям» «людей опытных и сведущих в деле воспитания, давно занимающихся или надзором или обучением в воспитательных и учебных заведениях для девиц». (Это все, что мы пока знаем об авторах данного проекта.)

Хотя *проект создания высшего училища для девиц 1846 года* следовал и, вероятно, не мог не следовать (поскольку он шел официальным путем) много раз упомянутой выше официальной цели женского образования – подготовке «добрых жен и полезных матерей семейств», – его отличали от существовавших женских учебных заведений, по крайней мере, *две принципиальнейшие особенности, делавшие проект прорывом принципиально нового шага, нового направления в развитии женского образования.*

Первая из этих особенностей состояла в том, что новое женское учебное заведение было *открытым*, предназначенным «исключительно для учениц приходящих», поскольку, по убеждению авторов проекта, «воспитание вне круга своих семейств не может и не должно иметь общего приложения, но необходимость и польза его измеряется частными потребностями». Это был *принципиально новый взгляд на характер и пути развития женского образования*, который с 60-х годов XIX века станет господствующим в России.

Вторая особенность проекта заключалась в *ориентации* создаваемого женского учебного заведения *на удовлетворение потребностей средних классов населения.* «В городе столь многолюдном, как Петербург, – писал М.Н. Мусин-Пушкин, препровождая проект в министерство, – нет ни одного заведения, где бы дочери и небогатых дворян и чиновников могли получать образование, соответственное состоянию их родителей и за умеренную плату». «Без сомнения, – отмечал попечитель, – одного училища мало, но скоро такие училища, без всякого пособия от правительства, явятся в разных частях Петербурга, а потом и губернских городах».

Прогноз М.Н. Мусина-Пушкина оказался верным. Такие училища вскоре, с конца 1850-х годов, стали появляться и в столице и в губернских городах. И, что самое показательное, «без всякого пособия от правительства». Но тогда, в 1846 году именно такое пособие, испрашиваемое попечителем С.-Петербургского учебного округа, явилось главным камнем, о который разбился проект.

Казна не дала согласия на выдачу 2370 рублей, недостающих для создания нового, открытого женского учебного заведения. Хотя при этом и Министерство народного просвещения и Главный совет женских учебных заведений Ведомства императрицы Марии принципиально одобрили проект и поддержали его. Более того, Главный совет усмотрел и подчеркнул даже *стратегическое значение* создания подобных учебных заведений для развития женского образования. С их открытием, отмечал совет, *«устроятся все пути женского общественного воспитания*, из коих каждый имеет свое особое назначение,

судя по нуждам и обстоятельствам семейств» [94, кн. 3, с. 180–183; выделено нами. – *Авт.*].

Это и произошло в 1860-х годах, когда все пути женского общественного воспитания «устроились». Но **предложенный проектом 1846 года путь стал магистральным** в развитии сформировавшейся в эпоху «великих реформ» системы среднего женского образования. «Таким образом, – отмечала Е.И. Лихачева, – ровно за десять лет до учреждения женских гимназий мысль о них возникла в среде педагогов, может быть тех же самых, которым, десять лет спустя, при изменившихся условиях русской жизни, удалось осуществить ее».

Так, «если не на деле, то в сознании лучшей части русского общества дело женского образования, начиная с сороковых годов, сильно продвинулось вперед». «Движение идей, путем естественного их развития, привело к сознанию необходимости изменить положение женщин в обществе, улучшить их образование и воспитание». Это движение не было остановлено и в «мрачное семилетие». Оно, по словам Лихачевой, не заглохло «в предшествовавшую крымской войне эпоху застоя» [94, кн. 3, с. 181, 283, 266–267; выделено нами. – *Авт.*].

Сказанное еще раз на частном примере убедительно подтверждает то, что отмечалось во введении к настоящей работе: как бы это парадоксально ни звучало, любой застой – не более чем интеллектуальная и духовная подготовка перестройки. И может быть, о чем свидетельствует и исторический и современный опыт, перестройки прежде всего именно в сфере образования.

Развитие женского образования в России во второй четверти XIX века проходило весьма медленно.

За первые двенадцать лет существования училищ для девиц духовного звания – 1843–1855 гг. – было открыто всего 8 более или менее правильно организованных таких училищ. Это было медленное, но все же начало создания будущих епархиальных женских училищ, которые с конца 1860-х годов получают довольно широкое распространение.

Медленным было и создание женских учебных заведений Мариинского ведомства. Из «Обозрения» учреждений этого ведомства, составленного к 25-летию принятия их под свое покровительство императрицей Александрой Федоровной, женой Николая I, видно, что в 1828–1853 годах число женских институтов выросло с 14 до 31. Из них были открыты: в С.-Петербурге – 2, в Москве – 1 и в губерниях – 14. Всего же в ведении Главного совета находилось 46 женских учебных и воспитательных заведений. В том числе: 39 закрытых и 7 от-

крытых; заведений I разряда – 14, II разряда – 11, III разряда – 13, специальных – 8.

Из 6860 учащихся всех этих заведений 6298 (91,8%) воспитывались в заведениях закрытых. Половина общего числа воспитанниц находилось на казенном содержании – 3626, остальные были пансионерками – 3234, т.е. обучались за счет местных или частных средств. Более двух третей всех учащихся – 4755 воспитывались в столичных заведениях. В заведениях I разряда обучалось 2511 учащихся, II разряда – 1376, III разряда – 1279, в специальных – 1694 учащихся.

Дореформенная образовательная статистика, находившаяся в крайне жалком состоянии, не дает возможности восстановить сколько-нибудь полную, а тем более систематическую картину положения и развития женского образования в России. Существуют только два источника, по которым можно отчасти восстановить эту картину лишь в самых общих чертах, без деления на типы и виды учебных заведений – на 1834 и 1856 годы. Это «Таблицы учебных заведений всех ведомств Российской империи с показанием числа учащихся к числу жителей», изданные в 1838 г., и «Статистические таблицы Российской империи за 1856 год», выпущенные в свет в 1858 году.

Если «Статистические таблицы» за 1856 год были началом относительно систематического издания подобного рода материалов (которые с годами обретали все большую внятность и четкость), то выпуск «Таблиц» 1834 года был единственным в своем роде и случайным. Повод их появления на свет весьма характерен. В своем первом всеподданнейшем отчете за 1834 год министр народного просвещения С.С. Уваров, назначенный в 1833 году, замечал, что «иностранцы заключают о числе учащихся в России единственно по отчетам министра народного просвещения и таким образом в *Revue Germanique* за 1834 год, при сравнительном обозрении всемирного просвещения, сделан ложный вывод, будто на 700 человек жителей имеется один учащийся». Оскорбленный за Россию, Уваров испросил высочайшее повеление о доставлении ему из всех ведомств сведений об имеющихся у них учебных заведениях и числе учащихся в них. Так и появились в печати названные «Таблицы» 1834 года.

Как указано в этих таблицах, во всех учебных заведениях империи, включая Царство Польское и Финляндию, было 245351 учащихся, из них мужчин – 214387, женщин – 30694 (или 12%) [259]. По учебным заведениям различных ведомств учащиеся женщины распределялись следующим образом: Министерство народного просвещения – 8544; Мариинское ведомство – 4864; частные школы и пансионы – 6890, Человеколюбивое общество – 204; школы императорского двора –

126; Военное министерство – 107 и т.д. В 13 губерниях России не было вообще ни общественных, ни частных женских учебных заведений. В 15 губерниях были лишь институты Мариинского ведомства и частные пансионы.

Таблицы 1856 года не раскрывают ведомственной принадлежности учебных заведений и учащихся в них и так же, как таблицы 1834 года, не дают представления о видах образования и типах школ. Они указывают лишь общее число училищ в империи и количество учащихся в них – 482802 человека, из них учащиеся женского пола составили – 51632 или 10,7% [255].

Таким образом, единственный, к сожалению, вывод, который можно сделать из этих данных, это тот, что за 22 года (с 1834 по 1856 год) абсолютное число учащихся женского пола выросло на 21 тыс. человек (т.е. увеличивалось почти на тысячу ежегодно), относительное же их число сократилось на 1,8%. Это свидетельствовало, что в указанный период мужская школа росла быстрее женской. Во второй половине XIX века положение станет обратным. Рост женской школы будет существенно опережать рост школы мужской.

Подведем итог сказанного в данной главе, выделив основные вехи и тенденции развития женского образования в рассматриваемый период.

Первая половина XIX века была ознаменована проведением **двух реформ женского образования**, которые, по существу, представляли собой две волны контрреформ по отношению к екатерининским преобразованиям женской школы. Первая волна была проведена императрицей Марией Федоровной на пороге XIX столетия. Вторая – составляла органическую часть николаевских школьных контрреформ второй четверти XIX века.

Основное содержание реформ женского образования конца XVIII – начала XIX века сводилось к **трем главным позициям**:

1) **отказ от широких гуманистически-просветительских общеобразовательных идей**, положенных Екатериной II и И.И. Бецким в основание женской школы, и сведение ее назначения к решению утилитарно-прикладных задач, что делало женское образование не столько общеобразовательным, сколько «профессионально женским»;

2) **проведение строго сословной линии в женском образовании** вопреки прямо противоположному курсу александровских образовательных реформ, нацеленных на создание всесословной школы;

3) выделение значительной части женского **образования в самостоятельную образовательную «отрасль»** в рамках будущего Ма-

риинского ведомства, не связанную с общей системой российского образования, и, как следствие, начало дуализма в самом женском образовании: разделение его на две самостоятельные ветви с двумя самостоятельными системами управления – женские учебные заведения и частные женские пансионы Мариинского ведомства и частные школы и пансионы, подведомственные Министерству народного просвещения.

Вторая волна контрреформ женского образования разворачивалась неспешно, поскольку в женской школе, в отличие от мужской, николаевскому правительству нечего было особенно менять, а надлежало только углубить и развить сделанное императрицей Марией Федоровной на предшествующем этапе. Временной эпицентр этой контрреформы пришелся на середину 1840 – начало 1850-х годов. **Тремя ее основными задачами были:** 1) **укрепление сословного курса** в женских учебных заведениях; 2) **их унификация**, введение единообразия в организацию уклада школьной жизни и учебно-воспитательного процесса; 3) **централизация управления** женскими учебными заведениями, состоящими в Мариинском ведомстве.

В рамках названных задач было проведено жесткое разделение учебных заведений этого ведомства по сословному принципу на различные разряды; в каждом из них унифицирован учебный курс; введены новые строго сословные правила приема в женские школы; созданы центральные органы управления ими – Главный совет женских учебных заведений и Учебный комитет, разрабатывающий единый учебный план и единые программы по каждому учебному предмету. Создание этих органов сопровождалось попыткой упразднить традиционно существовавшие при женских учебных заведениях Мариинского ведомства местные советы, которые имели характер *государственно-общественных органов* управления образованием. Итогом этой попытки было сохранение местных советов в урезанном виде и придание им строго *государственного характера*.

Завершением николаевской контрреформы женской школы стал единый Устав женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии 1855 года, закреплявший основные задачи и принципы правительственной политики в области женского образования. Эта политика, в отличие от политики в сфере мужского образования (которая дважды – в 1828 и в 1848 годах – подверглась решительному пересмотру), сохраняла на протяжении всей первой половины XIX века четкую преемственность и строгое единство.

В рассматриваемый период происходит медленное увеличение числа женских учебных заведений Мариинского ведомства и посте-

пенное их открытие не только в столицах, но и в губернских городах. С конца 1820-х годов открывались только губернские женские институты. Отличия этих институтов от столичных состояли в том, что они в значительной мере содержались на местные средства и во многом потому были демократичнее по своему социальному составу. В некоторых из этих институтов предпринимались попытки допустить и «вольноприходящих», т.е. сделать институты частично открытыми, но такие попытки решительно пресекались властью и лично Николаем I.

Столь же медленно возникает и делает первые шаги на базе институтов Мариинского ведомства *женское педагогическое образование*, что стимулирует постепенное становление в России *женского педагогического труда*. Положение о домашних наставниках и учителях 1834 года впервые законодательно институцирует этот труд, устанавливая звания домашних наставниц и домашних учительниц, и тем самым способствует его дальнейшему развитию.

Помимо мариинских учебных заведений, в данный период в рамках Министерства просвещения окончательно складывается *второй параллельный канал, вторая ветвь женского образования – частные женские пансионы и школы*. В отличие от закрытых мариинских институтов многие из них представляли собой открытые учебные заведения, доступ в которые обуславливался более не сословной принадлежностью, а наличием средств для оплаты обучения. С начала 1830-х годов николаевское правительство резко вмешивается в дела частного образования, усиливает контроль над ним и, мало того, стремится подавить его. Это приводит к остановке и замораживанию развития частного женского образования в России на ближайшее двадцатилетие.

Одновременно правительство ужесточает надзор и над другим традиционным, «неорганизованным» каналом женского образования – домашним обучением и воспитанием. Оно делает домашних наставников и учителей государственными служащими, «уполномоченными от правительства», что в значительной мере ведет к *огосударствлению домашнего образования*.

В 1840-х годах возникает *третий организованный канал женского образования – первые женские духовные училища*. Их создание, с одной стороны, идет в русле выстраивания общей сословной системы женского образования, поскольку первоначально они предназначались только для дочерей духовенства. С другой стороны, эти училища, позднее постепенно становясь общедоступными, в перспективе расширяли возможности женского образования, способствовали

его развитию и распространению, что подтвердили последующие десятилетия.

В первой половине XIX века *зарождаются еще два новых явления* в исторической жизни женского образования. *Первое – женская школа, как и мужская, впервые становится и объектом и субъектом национальной политики*, орудием обрусения тогда еще только западного края Российской империи. В этой роли выступают и некоторые женские институты Мариинского ведомства и насаждаемые в крае Министерством народного просвещения так называемые частные образцовые пансионы, которые открывались при существенной поддержке казны.

Второе явление – возникновение пока еще чрезвычайно редких, но все же *проблесков общественного участия в деле женского образования*, которое позднее станет одной из важнейших и эффективнейших сфер приложения общественных сил. Наиболее значимыми из этих проблесков были: общественные усилия по созданию и развитию Харьковского женского института; постепенное формирование, по примеру харьковского, местных советов как государственно-общественных органов управления женскими учебными заведениями; подготовленный передовыми педагогами в 1846 году проект создания открытой всесословной женской школы, который в то время не получил осуществления, но тем не менее обозначил магистральное русло развития женского образования в последующие десятилетия.

Общей, доминирующей тенденцией развития женского образования было то, что, оставаясь в строгих рамках сословности, оно росло в первой половине XIX века *более количественно, нежели качественно*. Женское образование, в сравнении с мужским, было явно второсортным, поверхностным, «орнаментальным». С конца 1840-х годов это вызывало серьезное неудовлетворение передовых общественных кругов, подвергших резкой критике самый смысл, характер и направленность женского образования. Рассматривая проблемы женского образования в общих рамках впервые поднятого в то время «женского вопроса», передовая русская общественность видела пути решения этих проблем прежде всего в обеспечении равноправия женщин и мужчин, в том числе и в сфере образования.

Первая половина XIX века подвела черту под первым жизненным циклом российского женского образования, начавшим свой отсчет с 60-х годов XVIII столетия. Ведущим фактором развития женского образования в ходе этого цикла была правительственная воля, правительственная политика, хотя ее направленность в XVIII и в XIX веке существенно отличалась. В целом российский абсолютизм, как позд-

нее и тоталитаризм, хорошо понимал значимость образования. Более того, в соответствии либо с просветительскими иллюзиями, как это было в XVIII – начале XIX века («просвещенный абсолютизм»), либо с «просветительством наоборот» – доктриной «охранительного просвещения», возобладавшей в николаевскую эпоху, самодержавие явно переоценивало роль образования как одного из основных средств общественных преобразований, пересоздания общества и даже «управления историей».

Общественная же потребность в женском образовании в период его первого жизненного цикла только созревала, а потому и молчал, как непрорвавшийся вулкан, общественный фактор, который станет ведущим с началом второго жизненного цикла развития женского образования в России в 1850–1860 годах. Но уже в недрах николаевского застоя шла интенсивная интеллектуальная и духовная подготовка будущих «великих реформ», и в их числе – кардинальной реформы женского образования. Реформы, сформировавшей в России целостную, стройную систему женского образования, открывшей для нее новые возможности динамичного и количественного и – главное – качественного роста, включившей новый мощный, общественный фактор ее развития.

СРЕДНЕЕ ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ «ВЕЛИКИХ РЕФОРМ»

Опережающая реформа женского образования и создание нового типа средней женской школы

Первый реальный шаг к серьезному реформированию женского образования был предпринят весной 1856 года. Тогда 5 марта этого года министр народного просвещения А.С. Норов подал Александру II всеподданнейший доклад, в котором писал: «В системе народного образования по сие время преимущественное внимание правительства обращено было на образование мужского пола. Институты для девиц, обязанные существованием своим попечением особ августейшего дома, предназначены для ограниченного числа дочерей дворян и чиновников; лица же среднего состояния, особенно в губернских и уездных городах, лишены возможности дать дочерям своим необходимое образование, соответствующее даже скромному их быту. Между тем, от этого зависит как развитие в массах народных истинных понятий об обязанностях каждого, так и всевозможные улучшения семейных нравов и вообще всей гражданственности, на которые женщина имеет столь могущественное влияние. Поэтому, – подчеркивал Норов, – учреждение открытых школ для девиц в губернских и уездных городах и даже больших селениях было бы величайшим благодеянием для отечества и, так сказать, довершило бы великую и стройную систему народного образования, обнимая собою всеобщие и специальные нужды всех состояний и обоих полов».

По этому докладу тогда же, 5 марта 1856 года, последовало высочайшее повеление: «Приступить к соображениям об устройстве на первый раз в губернских городах женских школ, приближенных по курсу к гимназиям, по мере способов, которые к тому могут представиться» [27, т. 3, с. 75–78].

Приведенные документы имеют основополагающее значение для анализа правительственной политики в ходе второго жизненного цикла развития женского образования в России как в плане общей оценки роли средней женской школы, так и в отношении определения дальнейших путей ее развития.

Вопрос о создании женской школы ставился здесь достаточно комплексно: не только с точки зрения организационно-педагогической, как восполнение вакуума, недостающего звена в российской образовательной системе, но, прежде всего, с точки зрения

политической и социальной. Отсюда упоминания о роли женщины в улучшении «всей гражданственности» и о важности женских школ для «среднего состояния» в деле «развития в массах народных истинных понятий об обязанностях каждого».

С точки зрения социально-педагогической создаваемая женская школа, в отличие от женских институтов, задумывалась как новое, **открытое** образовательное учреждение, предназначенное для всех сословий, то есть как **всесословная школа**. При этом в своем учебном курсе она ориентировалась не на женские институты, а на мужские *гимназии*, что также рождало совершенно **новый тип средней женской школы**, позволяющий преодолеть второсортность женского образования и сближающий это образование с мужским.

Наконец, с точки зрения социально-экономической новая женская школа по сути полностью передавалась, говоря современным языком, в руки «образовательного рынка», общественного образовательного спроса. Правительство на этом этапе не брало на себя никаких обязательств перед этой школой, предоставляя ей развиваться самой, как отмечалось в императорском повелении, «по мере способов, которые к тому могут представиться».

И тем не менее, при всей его очевидной двусмысленности и непоследовательности, этот шаг к реформированию женского образования в перспективном плане имел долгосрочное стратегическое, более того, решающее значение. Он, повторим, давал жизнь новому типу средней женской школы – *открытой, всесословной, «приближенной к гимназиям»* и вместе с тем раскрывал пути для **развертывания общественной инициативы** в деле строительства женского образования. И в том, и в другом отношении данный правительственный шаг был явно определяющим – ни бюрократическое, ни общественное сознание пока не были к нему готовы. На эту подготовку понадобилось более двух лет, и только по их прошествии, 30 мая 1858 года, был принят первый законодательный акт, знаменующий новую реформу женского образования. Но об этом чуть позже.

28 марта 1856 года, приступая к выполнению высочайшего повеления, А.С. Норов разослал попечителям учебных округов циркуляр, в котором просил доставить в министерство сведения о существующих женских учебных заведениях, а также соображения о том: где преимущественно ощущается потребность в женских училищах; что необходимо преподавать в них; везде ли курс обучения должен быть одинаков; какие административные и хозяйственные основания должны быть приняты при устройстве женских школ; какие потребуются на это средства и какие местные способы могут представиться

для покрытия расходов на устройство женских училищ, для того, чтобы дворянство и городские общества приняли «в сем деле деятельное участие». При этом в циркуляре указывалось, что преподавателями будущих женских училищ должны быть учителя мужских гимназий, как с целью увеличения их содержания, так и для облегчения приискания учителей в новые училища [28, т. 3, с. 231].

Понадобилось около года и издание вторичного декабрьского циркуляра министра народного просвещения, чтобы местные сановные образовательные круги раскачались с ответом на министерский циркуляр 28 марта 1856 года. Эта затыжка – свидетельство не только несформированности общей политической линии в сфере женского образования в середине 1850-х годов, но и глубины тех социально-психологических стереотипов казенного образовательного сознания, которые оставались главным тормозом на пути строительства новой женской школы.

Новизна поставленного вопроса обнаружила и неподготовленность к нему местных руководителей школьного дела, и отсутствие у них единой политической линии в его решении. Большинство попечителей учебных округов откровенно недоумевало: какова цель создания новых женских школ, для кого они предназначаются, при чем здесь общественная инициатива и местные средства, если образование всегда было делом исключительно правительства?

Диапазон предлагаемых попечителями решений был предельно широк – от полного неприятия самой идеи создания открытых, всеобщих женских учебных заведений до ее безоговорочной поддержки. В этом спектре решений свою роль играли не только и может быть даже не столько различия личных социально-политических позиций и социально-психологических установок попечителей, сколько различия социально-экономических и социокультурных условий представляемых ими регионов. Потребность в развитии среднего женского образования наиболее отчетливо проявилась в отзывах попечителей С.-Петербургского, Московского и Казанского учебных округов, в состав которых входили губернии, более развитые в экономическом отношении, с большим удельным весом «среднего сословия» в общей социальной структуре населения.

Первым из попечителей учебных округов, уже через неделю после издания циркуляра 5 апреля 1856 года, представил в министерство свой отзыв петербургский попечитель М.Н. Мусин-Пушкин. Поддерживая идею создания всеобщих, открытых женских школ, Мусин-Пушкин напомнил о поданном им десять лет назад графу С.С. Уварову проекте такой школы, который был подготовлен «по совету и ука-

заниям людей опытных и сведущих в деле воспитания, давно занимающихся или надзором или обучением в воспитательных и учебных заведениях для девиц». М.Н. Мусин-Пушкин предлагал начать с устройства такой школы в Петербурге при финансовой поддержке правительства. В Министерстве народного просвещения это предложение не было принято, поскольку правительственное финансирование новых женских школ не предполагалось, но оно получило, усилиями Н.А. Вышнеградского, два года спустя свою реализацию в Ведомстве учреждений императрицы Марии.

Поступившие позднее отзывы попечителей других учебных округов, включая отзыв преемника М.Н. Мусина-Пушкина князя Г.А. Щербатова, весьма существенно отличались друг от друга по отношению к будущему контингенту новых женских школ, к устройству их как открытых учебных заведений, к их финансированию, управлению, учебному курсу и т.д.

Против создания женских школ для «среднего класса» выступили помощник попечителя Харьковского учебного округа и попечитель Виленского учебного округа, которые полагали, что женские учебные заведения для среднего сословия не будут иметь в крае успеха и что на их устройство и содержание никто не даст средств. Одесский и киевский попечители высказались и против «совместного обучения девочек разных сословий» и против открытого характера планируемых женских учебных заведений. Одесский попечитель считал пагубным такое их устройство и требовал, чтобы «влияние полупансионеров и приходящих не проникало и не утверждалось в школе». Киевский попечитель настаивал на том, что система закрытых женских учебных заведений вызывается самим существом нравственного воспитания женщины и неравномерным развитием разных слоев нашего общества. Он полагал «даже несовместным с целями правительства устройство женских училищ только для приходящих».

Попечители С.-Петербургского, Московского и Казанского учебных округов поддержали идею создания открытых женских школ. Но при этом московский попечитель, будущий министр народного просвещения Е.П. Ковалевский, предлагал устроить при открытых женских училищах пансионаты. Ковалевский скептически относился к идее всеобщности женской школы. Он предлагал разделить будущие женские училища на три разряда – низшие, уездные и приближенные к гимназиям, которые должны быть взаимосвязаны между собой. «Без сомнения, – отмечал Ковалевский, – выразится потребность разделить высшие училища и по состояниям, даже и в губернских городах». По его мнению, высшая плата за учение в «дворянских, так сказать, шко-

лах не устроит родителей, но доставит им еще большую уверенность, что дочери их будут встречаться в школе с равными им и что на их успехи, поведение и манеры будет обращено особое внимание».

Большинство попечителей учебных округов полагало, что правительственные ассигнования должны быть основным источником финансирования будущих женских учебных заведений, что «местных средств нет, и если они случайно являются, то неопределенны и непрочны». В этом ряду особняком стояли лишь мнения казанского, петербургского и дерптского попечителей.

Попечитель Казанского учебного округа В.П. Молоствов, подчеркивая, что благотворительные последствия учреждения женских училищ распространятся на все сословия, предлагал «обложить ежегодным определенным взносом каждое сословие по своему состоянию». Исполняющий обязанности попечителя С.-Петербургского учебного округа Г.А. Щербатов высказывал мысль об организации женских училищ как частных учебных заведений с пособием от правительства. Дерптский попечитель Е.Ф. фон Брадке, отмечая, что в Прибалтийском крае существует уже достаточное число женских школ, которые и ранее открывались на общественные и частные средства, полагал «предоставить дальнейшее развитие женского воспитания в прибалтийских губерниях, имеющим уже столь успешный ход, собственным мероприятиям дворянства и городских сословий». Он просил оказать небольшое правительственное пособие лишь некоторым городам, заявившим о его необходимости.

Столь же различались взгляды местных руководителей школьного дела на организацию управления будущими женскими учебными заведениями. Так харьковский попечитель Г.А. Катакази считал, что они должны находиться под началом попечителей учебных округов, а непосредственное заведование женским училищем необходимо возложить на губернского директора народных училищ. Попечитель С.-Петербургского учебного округа Г.А. Щербатов, напротив, отмечая, что женские училища не должны быть казенными, а участие правительства может выразиться лишь в денежном пособии, подчеркивал, что и управление училищем не будет зависеть от правительства, что его «следует предоставить обывателям с ведома директора народных училищ». Г.А. Щербатов *впервые высказывал мысль о создании в женских училищах советов*, в состав которых должны входить и представители местной общественности «в видах подчинения училища надзору публики».

Эти мысли Г.А. Щербатова о создании новых женских училищ как *частных учебных заведений* и об организации при них *попечительных*

советов с представительством общественного элемента в дальнейшем окажут значительное влияние на правительственную политику и законотворчество в области женского образования.

Относительно учебного курса и содержания образования в планируемых к открытию женских училищ основная часть попечителей учебных округов высказалась за построение их «по образцу институтов». Шестилетний курс с гимназической ориентацией предлагали только петербургский, московский и казанский попечители. При этом шестилетний гимназический курс Е.П. Ковалевский считал нужным дополнить *седьмым педагогическим классом*, настаивая одновременно на усилении воспитательного элемента в женской школе, «нравственного направления всего преподавания» [94, кн. 2, с. 8–13].

Таким образом, отзывы попечителей учебных округов на циркуляр министра народного просвещения А.С. Норова от 28 марта 1856 года представляют собой уникальный материал, раскрывающий достаточно широкий спектр политических и социально-педагогических взглядов официальных образовательных кругов на проблемы женского образования в период слома эпох – на закате николаевского застоя и на заре «эпохи великих реформ». Основная часть руководителей школьного дела на местах оказалась не готова к вызовам этой эпохи. И для них так и осталось непонятным, почему в ряду первых образовательных ее вызовов «вдруг» оказался вопрос о женском образовании. Вопрос, который прежде всегда оставался периферийным. Вопрос, на который они не имели внятного ответа. Чтобы получить этот ответ, требовалось время и постепенная смена состава – и верховных и местных руководителей российского образования.

Одновременно с рассылкой попечителям учебных округов циркуляра от 28 марта 1856 года А.С. Норов обратился к министру внутренних дел С.С. Ланскому с предложением «пригласить дворянство и городские сословия к участию в устройстве женских училищ». Ответ пришел лишь спустя полтора года. В нем Ланской сообщал, что не может теперь предложить сословиям жертвовать на женские училища, ибо «по недавнему окончанию войны, сопряженной с более или менее значительными для всех сословий пожертвованиями, признано необходимым оказать им разные снисхождения и льготы. Делать в то же время приглашения к новым пожертвованиям было бы едва ли своевременно и во всяком случае сия мера могла бы с большим успехом приведена в действие только через некоторое время, когда хозяйственные отношения государства придут в нормальное положение».

Одновременно в своем ответе Ланской указывал на нечеткость и неполноту циркуляра Министерства народного просвещения, кото-

рый в должной мере не прояснял ни значимость нового дела по созданию женских училищ, ни пути и способы его реализации. «Учреждение открытых женских училищ, – писал министр внутренних дел, – у нас есть нововведение, польза и важность которого не всеми может быть понята, особенно средними классами... Недостаточно сообщить, что женские заведения будут приближаться к гимназическому курсу; гимназический курс применен лишь к потребностям мужского пола и имеет преимущественно ученый характер. Поэтому трудно составить себе понятие, в какой мере гимназическое образование может быть распространено на женские школы, особенно для дочерей бедных чиновников, купцов, даже мещан и ремесленников. Дабы предупредить толки и поселить доверие, надо развить убеждение в их необходимости и привлечь к пожертвованиям, надо бы, кажется, при самом приглашении к сему сословий, объяснить значение заведений, условия приема, хотя бы в общих чертах программу преподавания».

Таким образом, С.С. Ланской, стоя на почве реальной, практической политики, предлагал ведомству просвещения перейти от деклараций в сфере женского образования к решению проблем социально-технологического свойства. Он ставил перед этим ведомством вопросы, на которые оно, судя по отзывам попечителей учебных округов, еще не имело даже подобия внятного ответа. Оно шло туда, не зная куда, чтобы принести то, не зная что.

Это был не лучший вариант образовательной политики, а потому трезвый политик С.С. Ланской предупреждал Министерство народного просвещения: «Надо опасаться, что дворянство будет уклоняться от пожертвований, тем более, что некоторые из дворян обязательно жертвуют на институты, а все, которые вновь решатся на пожертвования, потребуют, конечно, учреждения таких же заведений, как доказывают поступившие уже ходатайства от дворян Смоленской и Вологодской губерний». Относительно же городских обществ министр внутренних дел полагал, что «при весьма низкой степени развития и благосостояния их» пожертвования от них будут незначительны, да и то в немногих лишь городах [94, кн. 2, с. 14, 15].

Прогноз Ланского оказался верным. В отчете министра народного просвещения за 1857 год сообщалось, что за весь год было открыто только одно женское училище в Костроме, но и оно своим существованием обязано пожертвованию частного лица [198]. Этим лицом был предприниматель, отставной поручик артиллерии А.Н. Григоров, который на свои средства 26 августа 1857 года открыл *первое в России всесословное открытое женское училище* и подарил ему роскошное здание. Училище было шестилетним, «приближенным по курсу наук

к гимназии» [ЖМНП, 1857, № 10, с. 44]. Позднее оно получило имя «Григоровского костромского училища».

Министерство народного просвещения, правда, пыталось представить картину развития женского образования более радужной. Во всеподданнейшем отчете от 7 декабря 1857 года А.С. Норов отмечал, что дело устройства женских училищ встретило в населении живое сочувствие, что хотя у всех «затруднительное денежное положение, но на основании этого сочувствия можно сказать, что оно создает средства, хотя не обильные, но дающие возможность приступить к делу» [ЖМНП, 1857, № 8, с. 147]. В подтверждение сего министр приводил сведения о частичном выделении городских средств на женские училища или готовности к их финансированию в Вологде, Смоленске, Самаре, Нижнем Новгороде, Новочеркасске и ряде других городов. В этом ряду особый интерес представлял почин полтавского общества устроить женское училище *исключительно общественными силами*.

В конце 1857 года городское общество Полтавы выступило с инициативой создать женское училище за счет местных средств. Городское купечество горячо поддержало эту инициативу в отличие от дворянства, отказавшегося участвовать в начинании. Учителя полтавской мужской гимназии, кадетского корпуса и уездного училища предложили *безвозмездно* преподавать в женском училище в течение первых шести лет. (Этот благородный пример позднее получит в России широчайшее распространение и *станет, по сути, обыденным явлением в жизни нарождавшейся женской школы*.) Учредители училища составили проект его устава и программу курса, в которую было включено преподавание гигиены и педагогики в старших классах, а также понятий об отечественных законах и домоводство. В состав педагогического совета училища допускались лица женского пола. Всякие награды и наказания в училище устранялись.

Одним из наиболее ценных и перспективных предложений полтавского проекта было намерение создать при женском училище *приготовительный класс* или «класс грамотности». Это предложение имело *принципиальное значение для последующих судеб женского образования в России*. *Средняя женская школа*, ранее – в течение полутора столетий – оторванная от первоначального образования, *ставилась теперь на прочный фундамент начальной школы*. Этот принципиальный момент позднее получил отражение в Положениях о женских училищах – 1860 и 1870 годов.

Однако в деле с полтавским проектом Министерство народного просвещения проявило себя не лучшим образом. Декларируя свои

надежды на общественное участие в развитии женского образования, министерство на деле настороженно относилось к этому участию. Бюрократическая волокита по полтавскому проекту затянулась почти на три года. Женское училище в Полтаве было открыто только в августе 1860 года, т.е. уже после принятия в мае того же года второго, более демократического Положения о женских училищах.

Между тем параллельно Министерству народного просвещения свои шаги по созданию открытых женских учебных заведений предприняло и Ведомство учреждений императрицы Марии. Здесь инициатором этого дела стал известный русский педагог, инспектор классов Павловского женского института Н.А. Вышнеградский, который в конце 1857 года предложил открыть при институте особые классы для приходящих девиц. Поддержав эту мысль в принципе, Главный совет женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии поручил Н.А. Вышнеградскому составить проект самостоятельного *всесловного открытого женского учебного заведения*. В кратчайшее время проект был составлен, и 19 февраля 1858 года принц П.Г. Ольденбургский представил его императору и императрице.

Проект предполагал устроить женское училище на следующих основаниях. Училище называлось «Мариинским» и состояло под покровительством императрицы Марии Александровны. Ближайшее управление им поручалось особому попечителю по назначению императора, а непосредственное наблюдение за обучением осуществляли начальница и главная надзирательница, утверждаемые императрицей. Общественный элемент в управлении училищем не был представлен.

Училище учреждалось для детей всех свободных состояний от 9 до 13 лет. Комплект определялся в 250 учениц. Курс учения был семилетний, с обязательными предметами – Закон Божий, русский язык, история, география, естествоведение, арифметика, пение, чистописанье, рисование и рукоделие и необязательными – французский и немецкий языки, музыка, танцы. Годовая плата за обучение обязательным предметам назначалась 25 руб. (в 2,5 раза больше, чем в полтавском проекте), за обучение иностранным языкам и танцам – 5 руб. за предмет, музыке – 1 руб. за урок. По окончании курса обучавшимся всем предметам – как обязательным, так и необязательным – предоставлялись права, которыми пользовались выпускницы институтов, т.е. звание домашней учительницы [24, с. 243–245].

15 марта 1858 года Александр II утвердил проект, и 19 апреля того же года первое мариинское училище в Петербурге было открыто. В том же году в столице открылись еще три подобных училища – Ко-

ломенское, Васильевское и Петербургское. Начальником всех этих училищ был назначен Н.А. Вышнеградский.

«Поразительная быстрота, с которою была принята в правительственных сферах и осуществилась в столице идея, еще так недавно казавшаяся неосуществимою – всеобщей, открытой женской школы, – справедливо замечала Е.И. Лихачева, – составляет огромную заслугу перед русским обществом Н.А. Вышнеградского» [94, кн. 2, с. 34–35]. Вышнеградский, по словам его соратника в деле формирования новых оснований женского образования в России, впоследствии видного русского педагога В.Я. Стоюнина, «был человек замечательно светлого ума, с редким педагогическим талантом, умевший увлекать своих слушателей и привязывать к себе детей. Кроме того, у него был дар организатора дела, дар, каким, как известно, не отличается большинство наших деятелей» [167, с. 218].

«Надо было быть Вышнеградским, – писал другой его соратник, позднее известный русский педагог Д.Д. Семенов, – и обладать его житейским опытом и изворотливостью, его ораторским красноречием, его педагогическим тактом и несомненным организаторским талантом, чтобы завоевать в высших сферах расположение *к совершенно новому в России типу учебного заведения*, чтобы убедить родителей, предубежденных и колеблющихся отдавать своих детей в новое дотоле заведение, чтобы заручиться за грошовые средства лучшими в столице педагогическими силами, чтобы сразу вызвать симпатии и доверие к новому начинанию в самом обществе, наконец, чтобы организовать все дело быстро, без проволочек, колебаний и сомнений» [159, с. 46].

Еще задолго до открытия первого Мариинского женского училища Н.А. Вышнеградский начал активно готовить общество и родителей к восприятию нового типа женских учебных заведений. В издаваемом им с 1857 года журнале «Русский педагогический вестник», который стал одним из пионеров отечественной педагогической прессы новой эпохи, Вышнеградский особое внимание уделял вопросам женского образования, постоянно и терпеливо разъясняя значение и характер устройства всеобщих открытых женских учебных заведений, убеждая в их преимуществах и общественное, и общественно-педагогическое сознание. В «Русском педагогическом вестнике» было помещено множество писем и корреспонденции из разных концов России о женском образовании и путях его развития, о работе по устройству женских училищ, публиковались развернутые проекты и программы создания открытых женских школ. Иными словами, Вышнеградский энергично проводил ту важнейшую подготовительную ра-

боту в обществе, значимость которой не понимало и которой пренебрегало ведомство просвещения. И это дало свои результаты. Все четыре его училища были переполнены [92, с. 114].

«Мы были свидетелями того, – вспоминал позже Д.Д. Семенов, – с таким терпением и искусством он (Вышнеградский) доказывал каждому все выгоды школы открытой и равной для всех: одних он уверял, что в воспитании и образовании девочки должны в одинаковой степени участвовать семья и школа, других, – что новая школа будет давать не только широкое умственное образование, но и религиозно-нравственное воспитание, третьего убеждал, что девочка из интеллигентного класса не может заразиться дурными привычками от своей соседки в продолжении нескольких часов проведенных в школе под присмотром разумных преподавателей и воспитательниц... четвертых, что новая школа никогда не посягнет на укоренившиеся религиозные и вековые обычаи».

Н.А. Вышнеградский был глубоко убежден, что «школа учит лучше, чем семья, а семья воспитывает несравненно лучше, чем школа», о чем он и говорил в речи при открытии первого Мариинского женского училища. Учреждением такого училища объединяются усилия семьи и школы, и «мы совершаем праздник семейных начал в воспитании, праздник системы образования, которая по своей естественности представляет новое ручательство за правильное развитие отечественного юношества» [С.-Петербургские ведомости, 1858, № 96].

По словам Д.Д. Семенова, за Вышнеградским «всегда останется слава первого инициатора, основателя и организатора первой в России женской гимназии». Его сподвижников, молодых учителей «влекла туда новизна дела, стремление послужить по мере сил образованию русской женщины, построенному на новых началах, желание поработать, применить и усовершенствовать свои методы преподавания под руководством опытного педагога, каким был Н.А. Вышнеградский» [159, с. 47, 48, 53]. Все учителя Мариинского женского училища, писал по этому поводу В.Я. Стоюнин, прониклись идеей Вышнеградского, «все поняли, какое важное новое дело начинается, и все готовы были помогать ему» [167, с. 220].

Создание Н.А. Вышнеградским всесословных открытых женских школ в Ведомстве учреждений императрицы Марии резко активизировало деятельность Министерства народного просвещения в данном направлении. Если еще в декабре 1857 года статс-секретарь барон М.А. Корф возвратил А.С. Норову его записку о женских училищах, отметив, что «дело еще незрело для рассмотрения в Главном правлении училищ», то уже весной 1858 года само это правление потребова-

ло ускорить решение вопроса и незамедлительно рассмотреть проект Положения о женских училищах, представленный попечителем С.-Петербургского учебного округа князем Г.А. Щербатовым.

Свое начало этот проект вел от записки инспектора классов Николаевского сиротского института, позднее редактора «Журнала для воспитания» А.А. Чумикова, поданной им еще в конце 1856 года императрице Марии Александровне и министру народного просвещения А.С. Норову. Проект Чумикова предусматривал создание открытых женских училищ по образцу немецких Töchterschulen, которые должны были готовить девушек «к действительной жизни». Училища учреждались и содержались на общественные и частные средства с определенным пособием от казны, за счет которого правительство могло обучать в них бесплатно несколько учениц «недостаточного состояния». Непосредственное заведование училищем осуществлял его директор, за деятельностью которого наблюдал училищный совет, избираемый из представителей общества и возглавляемый директором губернских училищ. Курс учения устанавливался шестилетний. В первые четыре года должны были преподаваться предметы уездного училища, остальные два года отводились на распространение и дополнение пройденного, «с присоединением некоторых предметов, составляющих необходимое условие полного образования девиц». В их числе Чумиков указал сведения из химии, технологии, домашнего и сельского хозяйства. Иностранные языки, музыка, танцы должны были преподаваться за особую плату [193].

Проект Г.А. Щербатова в плане организации учебного курса женских училищ, по существу, не отличался от проекта А.А. Чумикова – то же шестилетнее обучение, в отличие от семилетнего курса женских училищ Мариинского ведомства; фактически тот же набор учебных предметов, с ориентацией на сокращенную институтскую программу и т.д. Основное отличие проекта Щербатова состояло в определении степени участия общественного элемента в управлении женскими учебными заведениями. Щербатов поддержал предложенную Чумиковым идею создания при женских училищах советов, однако ограничивал сферу их деятельности только хозяйственно-экономическими вопросами. Учебно-воспитательный процесс полностью оставался в ведении губернского директора училищ.

11 апреля 1858 г. Главное правление училищ одобрило основание этого проекта, но одновременно внесло в него *три существеннейших изменения*: 1) оно сочло, что женским училищам следует дать «характер частных заведений для того, чтобы упростить способы устройства и управления новых училищ и тем содействовать их скорейшему раз-

виту»; 2) оно предложило разделить женские училища на *два разряда* – с шестигодичным и с трехгодичным курсом обучения, в зависимости от местных условий; 3) оно выступило против учреждения при женских училищах училищных *советов из местных жителей*, но признало полезным установить почетное звание попечительницы, «которая влиянием своим может содействовать успеху заведения» [27, т. 3, с. 313–314].

Это последнее предложение Главного правления училищ, вошедшее в Положение о женских училищах 1858 года, было наиболее консервативным и вызвало резкую критику нового законодательного акта, повлекшую за собой его пересмотр уже в 1860 году, о чем речь пойдет чуть позже.

Положение о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения было утверждено Александром II 30 мая 1858 года. Цель этих училищ, согласно Положению, состояла в том, чтобы «сообщить ученицам то религиозное, нравственное и умственное образование, которого должно требовать от каждой женщины, в особенности же от будущей матери семейства» [27, т. 3, с. 310].

По Положению женские открытые училища могли быть двух разрядов. В училище первого разряда с шестилетним курсом обучения, близким к институтскому, преподавались: Закон Божий, русский язык, арифметика с понятием об измерениях, начальные сведения из естественной истории, география всемирная и русская, история всеобщая и, подробнее, русская, чистописание, рисование и рукоделия. К необязательным предметам, за особую плату, были отнесены: иностранные языки, танцы, музыка, пение. В училище второго разряда с трехлетним курсом обучения, приближенным к уездным училищам, изучались: Закон Божий, краткая русская грамматика, русская история и география сокращенно, четыре действия арифметики, чистописание и рукоделия.

Женские училища открывались с разрешения попечителя учебного округа в городах, где «жители нуждались в них» и где имелись средства, необходимые для их содержания. *Основу этих средств составляли пожертвования различных сословий и частных лиц, а также плата за обучение*, которая в училищах первого разряда должна была составлять не свыше 35 руб., в училищах второго разряда – не свыше 25 руб. [27, т. 3, с. 314–318]. Это была достаточно высокая плата за обучение. Цифры, ранее предлагавшиеся попечителями, были существенно ниже, как ниже была плата в женских училищах марининского ведомства – 25 руб. Однако последние в значительной мере содержались за счет казны, и также на казну возлагали свои надежды попечи-

тели учебных округов при обсуждении вопроса о женских училищах. Казна же отказалась брать на себя расходы по женским училищам Министерства народного просвещения. Отсюда – увеличение платы за обучение. Но это не остановило ни последующего роста средней женской школы, ни постепенной демократизации контингента ее учащихся, в сравнении как с мужской школой, так и с женскими училищами Мариинского ведомства (см. Приложение).

Положение о женских училищах 1858 года было первым законодательным актом зарождающейся эпохи реформ в области образования. Оно было утверждено тогда, когда проекты реформирования начальной народной, мужской средней и высшей школы находились в самой начальной стадии разработки. Проблема народной школы была напрямую связана с главным вопросом эпохи – крестьянским. Этот же вопрос, по словам видного государственного деятеля тех лет П.А. Валуева, «ложился камнем преткновения в каждой государственной инициативе» [129, с. 27], в том числе и в образовательной сфере. И тем не менее вопрос о женском образовании решался упреждающе.

Тому были две главные причины. ***Первая*** – жгучая острота «женского вопроса» в те годы: в общественном сознании женщины воспринимались как «второе крепостное сословие в России» и по отношению к «женскому вопросу», как справедливо отмечал видный советский исследователь В.Я. Кирпотин, «определяли принадлежность человека к той или иной партии» [83, с. 98]. ***Вторая причина*** – зияющее отсутствие целостного звена женского образования в общей образовательной системе России. Правда, то же можно было бы сказать и о начальной народной школе. Но последняя затрагивала интересы в основном «нижних сословий», с которыми еще приходилось разбираться. Тогда как проблемы женской школы волновали прежде всего беднеющее дворянство и «средний класс», с которыми в условиях мощного общественного подъема нельзя было не считаться.

Положение о женских училищах 1858 года несло на себе отпечаток непоследовательности новой образовательной политики правительства. С одной стороны, оно вынуждено было признать необходимость женской школы и, более того, призывало общественную инициативу и общественные средства к делу развития женского образования. С другой – правительство отказывало общественности в праве принимать участие в управлении жизнедеятельностью этой школы, похоронив на данном этапе идею создания *попечительных советов* при женских училищах. Не получила пока поддержки и мысль, высказанная полтавским обществом об учреждении *приготовительных*

классов или «классов грамотности» при женских училищах, что лишило их прочной опоры на начальную школу. Да и сам заявленный в Положении учебный курс этих училищ был заметно ниже того, что предлагался общественностью, например, в Костроме или в Полтаве. Однако при всей непоследовательности Положения 1858 года первый и важный шаг был сделан. И его результаты не заставили себя долго ждать.

Две линии развития новой женской средней школы в конце 1850 – начале 1860-х годов

После 1858 года развитие новых всесословных открытых женских учебных заведений пошло по *двум линиям* – в рамках Ведомства учреждений императрицы Марии и под эгидой Министерства народного просвещения. В Мариинском ведомстве эти учебные заведения изначально были поставлены в более благоприятные условия, получив существенную поддержку от казны, чего были лишены министерские женские училища. Последние всецело зависели от сформированности общественной потребности в женском образовании (которая проявлялась далеко не однозначно), от достаточно случайных добровольных пожертвований различных сословий и частных лиц.

За этим принципиальным различием в финансово-экономической поддержке двух новых линий в развитии женского образования весьма прозрачно стояли *определенные политические и социальные интересы власти*. Правительство сконцентрировало свою поддержку новых женских училищ в районах с наиболее повышенной «политической температурой»: сначала в одной столице, С.-Петербурге, а затем и в другой, – передав московские женские училища из Министерства народного просвещения в Мариинское ведомство, и, кроме того, во взрывоопасных районах Царства Польского, Северо-Западного и Юго-Западного края, где в 1859–1860 годах было открыто 11 женских училищ Мариинского ведомства. То есть в новых условиях, накануне польского восстания 1863 года, была реанимирована уваровская идея об использовании на западных окраинах женских учебных заведений как эффективного средства *национальной политики*.

Этот дуализм в управлении новыми женскими училищами, их нововедомственная подчиненность были закреплены высочайшим повелением от 17 июля 1859 года. Согласно названному повелению учреждаемые за счет пожертвований частных лиц, дворянства и городских обществ женские всесословные училища, включая те из них, которые

были приняты под покровительство императрицы, состояли в Министерстве народного просвещения, с распространением на них Положения 30 мая 1858 года, а получающие средства от Мариинского ведомства – в распоряжении этого ведомства. Данное повеление в значительной мере было формальным. Исходя из политических, в том числе национально-политических, соображений правительство подчиняло Мариинскому ведомству и многие из тех женских училищ, которые содержались за счет средств различных сословий, особенно в национальных районах. В 1859 году из 11 женских училищ ведомства учреждений императрицы Марии таких училищ, содержащихся на общественные средства, было 7.

Несравнимо более благоприятные условия, в которые были поставлены женские училища Мариинского ведомства, позволили команде Н.А. Вышнеградского сосредоточить усилия на тщательной отработке внутреннего устройства нового типа женских учебных заведений. Эта работа имела важнейшее значение для последующего развития женских гимназий. Естественно, ее результаты вышли далеко за стены Мариинского ведомства, оказав существенное влияние и на министерские женские училища, позднее – гимназии, на все российское женское образование в целом.

Свое концентрированное выражение эта работа Н.А. Вышнеградского и его соратников получила в «Правилах внутреннего распорядка», которые были утверждены принцем П.Г. Ольденбургским 26 февраля 1859 г. [20]. «Эти правила, – отмечала Е.И. Лихачева, – представляли совершенную противоположность той системе женского воспитания и образования, какая до того была принята в закрытых заведениях» [94, кн. 2, с. 163]. Они, по словам В.Я. Стоюнина, были «написаны рукою опытного педагога, притом хорошо знакомого с недостатками тогдашних женских институтов, недостатками, которые он хотел устранить от новых заведений» [167, с. 221].

Как писал более тридцати лет спустя после введения «Правил» Н.А. Вышнеградского Д.Д. Семенов, «правила эти, в которых вполне отразились гуманные идеи, положенные в основу внутренней жизни заведения... до настоящего времени не потеряли своего значения» [159, с. 48]. Очевидно, что они не потеряли своего значения и *сегодня*, в связи с чем есть смысл напомнить некоторые фрагменты из этих «Правил».

«Ввиду того, что Мариинское женское училище, – отмечал Д.Д. Семенов, – было открытым учебным заведением, ответственность за поведение и успехи детей возложена "Правилами" не только на начальство училища, но и на родителей обучающихся в училище

детей». «Начальство Мариинского училища, – говорилось в параграфе 2 "Правил", – отвечает перед правительством за успехи детей лишь в той мере, в какой они зависят от деятельности наставников и занятий детей во время уроков. Для полного успеха в том и другом необходимо, чтобы родители и попечители детей содействовали начальству училища зависящими от них мерами, тщательно надзирая за занятиями и поведением детей вне класса». «Таким образом, – констатировал Д.Д. Семенов, – *семья впервые призывается к участию в жизни школы; школа и семья тесно связывались между собой*» [159, с. 48–49].

Как подчеркивал В.Я. Стоюнин, «Правила» указывали преподавателям «деятельность более широкую, чем простое *давание уроков*». Преподаватели были названы «сотрудниками начальника училища во всем, что относится к *нравственному и умственному образованию детей*. Прежде от них этого не требовали. Здесь важно то, что за учебным предметом и за преподающим лицом признана нравственная сила, которая главным образом и должна воспитываться в школе. При такой постановке науки и преподавателя в классе является возможность разрабатывать науку в педагогическом смысле, применять ее к воспитательному делу, и, следовательно, двигать вперед саму школу. Без этого учителя не имеют права называться *наставниками*. Их у нас и не было, не было настоящего педагогического поприща, а были только чиновники в учительской службе» [167, с. 222].

Наставники приглашались «Правилами» «давать такое направление своему преподаванию, чтобы им не только обогащался ум, но и развивалось, облагораживалось чувство, утверждалась в добре воля. И в мужчинах, – отмечали "Правила", – одно только знание без облагороженного и развитого чувства мало имеет цены, а в женщинах решительно пагубно; оно делает их сухими, надменными эгоистками, неспособными к добросовестному, искреннему отправлению тихих семейных обязанностей». Комментируя этот фрагмент «Правил», Д.Д. Семенов отмечал, что «успехи детей и направление заведения ставились, следовательно, в зависимость от совокупных усилий и работы всей педагогической корпорации заведения, а не от одних начальствующих лиц».

Заботясь о соблюдении разумной и воспитательной дисциплины и строгого порядка в классах, отмечал Д.Д. Семенов, «Правила» были «далеки от ригоризма и суровой внешней требовательности». «В получении нынешним молодым педагогам» Семенов в своих воспоминаниях воспроизводил полностью «особенно замечательный», с его точ-

ки зрения, параграф 28 «Правил», с сожалением замечая, что он «теперь совершенно игнорируется». Вот этот параграф.

«Понятие о порядке в классе часто понимается совершенно превратно, а потому и требует... точного изъяснения. Истинный педагогический порядок класса состоит не в мертвой тишине и не в однообразном, неподвижном физическом положении детей; как то, так и другое, будучи несвойственно живой природе детей, налагает на них вовсе ненужное стеснение, крайне утомляет их, разрушает детское доверчивое отношение между наставниками и ученицами... *Класс должен сколько возможно больше походить на семью*; чем полнее будет это сходство, тем ближе будет и класс к своей истинной цели. А в благоразумных семьях никогда не требуют, чтобы дети сидели неподвижно и однообразно, чтобы они не смели смеяться или обратиться к старшим по поводу того, что кажется им непонятным. Уничтожение семейного элемента в общественных училищах убивает природную живость детей, омрачает Богом дарованную им веселость, истребляет доверчивость и любовь к наставникам и наставницам, к училищу, к самому учению, – в натурах энергических образует характеры скрытные, недоверчивые, разрушительные, в натурах мягких – ничтожные, совершенно безличны».

«Прибавим, – отмечал Д.Д. Семенов, – что теми же "Правилами" рекомендовалось лицам, заведующим училищем, обращать самое серьезное внимание на здоровье воспитанниц, наблюдать за обувью и одеждою воспитанниц, за тем, чтобы ученицы непременно приносили с собой завтрак, за возможно частым освежением воздуха в классах, за температурой классных комнат и т.д. *Все это было ново для того времени*, но "Правила" не были мертвою буквою, а вытекали из принципов организуемого заведения, из самой жизни заведения, а потому охотно исполнялись как учащими, так и учащимися» [159, с. 48–50].

На «Правила», созданные Н.А. Вышнеградским, писал В.Я. Стоюнин в 1884 году, «мы должны смотреть, как на протест против той укоренившейся рутины, которая господствовала в большей части тогдашних школ, и если теперь, через двадцать пять лет, не мешает многим прочесть их очень внимательно для собственного руководства, то тем более тогда они *были новостью для огромного числа официальных педагогов*... Поставленные на таких педагогических основаниях женские училища получили возможность правильно развиваться *в тесном единении с семьею*, которая приглашалась помогать школе своим содействием» [167, с. 221–225]. Этот опыт Н.А. Вышнеградского и его соратников, повторим, стал со временем достоянием большей части новых средних женских учебных заведений России,

независимо от их ведомственной принадлежности, достоянием отечественной школы в целом.

Вторая линия развития новой всесословной открытой женской школы в конце 1850-х годов была более трудной и драматичной. Практически *единственной средой ее энергичной поддержки было поначалу передовое русское учительство, деятели просвещения*, выразившие во многих местах России готовность служить ей безвозмездно, преподавать в новых женских училищах без всякого вознаграждения за свой труд. Этот пример подвижничества был тем более значим, что в значительной части общественного и бюрократического сознания сохранилось негативное отношение к новой женской школе, вплоть до полного ее неприятия.

Газеты и журналы тех лет дают немало тому свидетельств. Когда весной 1858 года педагоги херсонской мужской гимназии предложили создать в городе женское училище и выразили готовность преподавать в нем бесплатно, городское общество ответило, что «по бедности своей не предвидит надобности в заведениях для детей женского пола» [ЖМНП, 1862, т. 113]. В семи городах Рязанской губернии городские общества также отказались от предложения создать женские училища. Егорьевские купцы и мещане прямо заявили, что «никакой пользы от женских школ они не предвидят». В Ярославской губернии дворяне категорически отказались от устройства женского училища, мотивируя это тем, что они воспитывают своих дочерей в пансионах и институтах; купцы же считали лишним давать образование девицам, а мещане и ремесленники находили образование своих дочерей делом бесполезным, если не вредным [Журнал для воспитания, 1860, т. VII, с. 67]. И так было во многих городах и губерниях России.

И все же принятие Положения о женских училищах 1858 года сдвинуло дело с мертвой точки. 19 июля того же года министр внутренних дел С.С. Ланской разослал циркуляры начальникам губерний и губернским предводителям дворянства с приглашением дворянства и городских сословий к пожертвованиям на женские училища и сообщил, что Министерство внутренних дел готово содействовать этим училищам временными пособиями из доходов городов и приказов общественного призрения. Ланской предлагал создавать женские училища на базе существующих пансионов, оказывая их содержателям необходимую поддержку, а также преобразовывать в женские училища местные детские приюты [ЖМНП, 1862, Т. 113, с. 47].

Циркуляры министра внутренних дел вызвали двойственное впечатление. С одной стороны, они усилили ропот недовольных новым правительственным начинанием. Так городская дума Великого Устю-

га заявила: «предписание министра внутренних дел об открытии женской школы слышали, но участвовать в открытии оной не согласны» [203, с. 9]. С другой стороны, начальства некоторых губерний, местные руководители образования, передовое учительство, опираясь на эти циркуляры и на Положение 1858 года, стали активнее побуждать население к устройству женских училищ, обращаясь главным образом к купечеству.

Одним из первых идею создания новых женских училищ поддержало тверское купечество. 29 апреля 1858 года, еще до утверждения Положения о женских училищах, оно составило приговор, в котором говорилось: «Купечество города Твери, с благодарностью сознавая высокую цель правительства об открытии женского училища, единодушно желая основать такое училище в городе Твери и стремясь положить совершенно прочное начало этому вполне благотворительному заведению, пожертвовало по приговору своему... ежегодно по 2% с рубля гильдейских пошлин, вносимых в казну, в течение первых пяти лет, что составит до 2500 рублей в год, и одновременно 1190 рублей на обучение 25 беднейших девиц...» Всего тверским купечеством было собрано 16490 руб. Шестиклассное училище было открыто на базе частного женского пансиона, с условием, что в нем должны были воспитываться «дочери бедных граждан, оказавших какие-либо заслуги перед обществом» [Журнал для воспитания, 1858, т. IV, с. 80].

Вскоре аналогичные пожертвования в пользу женских училищ были сделаны купечеством еще в четырех городах Тверской губернии – Кашине, Калязине, Бежецке и Весьегонске, а также в Вологде, Харькове и Нижнем Новгороде. Здесь также преподаватели нижегородской гимназии, Александровского института и уездного училища предложили свой даровой труд в новом женском училище [203, с. 24].

Едва ли не более других в деле устройства женских училищ в конце 1850 – начале 1860-х годов было сделано в Вятской губернии. Эту просветительскую традицию впоследствии горячо поддержит Вятское земство, которое часто называли «крестьянским» ввиду фактического отсутствия в нем дворянского элемента. В течение всей второй половины XIX века Вятское земство, по сути, лидировало во всех российских просветительских начинаниях.

Один из номеров «Вятских губернских ведомостей» 1858 года был полностью посвящен вопросам развития женского образования в губернии. «Счастлив тот, – говорилось в газете, – на долю которого выпадает высокое дело осуществления в Вятке женской гимназии или, по крайней мере, положивший начало ее основанию: он увековечит свое имя этим прекрасным делом. Память о благодетеле вятских жи-

телей будет для нас священна, а вятская летопись украсится новым незабвенным для него листком великого дела, ибо небольшое в жизни человеческой, что выше образования ума и сердца подобных себе».

В конце 1858 года вятское купеческое общество постановило носить в пользу женского училища в течение 12 лет по 1,5% с объявленных капиталов и, кроме того, обязалось, по открытии в Вятке общественного банка, назначить из его прибылей сумму на содержание училища, а также устраивать в его пользу лотереи.

Как только приговор вятского общества стал известен в уездных городах губернии, они также стали жертвовать на женские училища, и к концу 1859 года пожертвования были собраны еще в пяти городах. Котельнические купцы и мещане сами ходатайствовали об учреждении женского училища, для которого предназначен общественный дом и собраны необходимые средства. Елабужский купец I гильдии Ушаков предложил построить за свой счет и пожертвовать училищу двухэтажный дом. Приговоры об открытии женских училищ составили городские общества в Сарапуле и Слободском. Последнее постановило, чтобы в женском училище, с курсом, приближенным к уездному, дочери граждан, духовенства и чиновников города обучались обязательным предметам даром, а необязательным – за плату. Дочери живущих вне города обязаны были платить за обучение.

К середине 1860 года в пяти женских училищах вятской губернии было более двухсот учениц. Сравнивая это с тем, что было пару лет назад, когда в губернии никто и не думал о женских училищах, «Вятские губернские ведомости» отмечали: «Принимая во внимание, что некоторые училища существуют не более года, другие лишь – несколько месяцев, также новизну положения, какую-то недоверчивость или сомнительность в новооткрываемых училищах, а всего более привычку кое-как обучать детей-девиц только дома, в семействе, можно безошибочно сказать, что эти заведения, несмотря на отсталые убеждения большинства общества, привились, развиваются и подают надежду, что пример пяти городов не запоздает подражанием и во всех остальных городах нашей губернии» [Вятские губернские ведомости, 1860, № 51].

В отчете Министерства народного просвещения за 1858 год отмечалось, что, в отличие от предшествовавших двух лет, после утверждения Положения о женских училищах 1858 года и после принятия некоторых из них под покровительство императрицы открытие этих училищ пошло довольно быстро. В течение второй половины 1858 года были открыты или предположены к открытию женские училища в Вологде, Тотьме, Устьсыольске, Твери, Рязани, Самаре, Моршан-

ске, Ржеве, Чернигове, Туле, Смоленске, Нижнем Новгороде, в Вятской губернии. «Если и далее пойдет так, – говорилось в отчете, – то просвещение в России получит сильное подкрепление, ибо никто и ничто не может иметь такого благотворного влияния на первоначальное образование юношества, как просвещенная мать» [ЖМНП, 1859, №8, с. 34–36].

Согласно справке, находящейся в архивных документах Министерства народного просвещения за 1866 год, в 1858 году было открыто 5 и в 1859 году – 10 министерских женских училищ. Кроме того, преобразовано 7 ранее существовавших училищ [РГИА. Ф. 1149. Оп. 6. Д. 40в. Л. 6, об. 14]. Итого к концу 1859 г. в Министерстве числилось 22 женских училища, т.е. в два раза больше, чем в Ведомстве учреждений императрицы Марии. Позднее открытие министерских женских училищ пойдет еще более быстрыми темпами.

Таким образом, несмотря на значительно менее благоприятные условия открытия и существования министерских женских училищ, они все более завоевывали первенство в формируемом пространстве нового женского образования. Эти училища напрямую зависели от растущего спроса на новую всесословную открытую женскую школу, *от общественной инициативы* в деле женского образования. С другой стороны, они сами формировали этот образовательный спрос и выступали дополнительным стимулом, *катализатором общественной образовательной инициативы*.

Вскоре после издания Положения 1858 года в Министерство народного просвещения стали поступать представления попечителей учебных округов, начальников губерний, ходатайства городских обществ с указанием на основной недостаток этого Положения, не допускавшего представителей местных сословий, за счет которых учреждались и содержались женские училища, к заведованию и управлению этими училищами. Устранив идею создания при них попечительных советов из представителей местных обществ, Положение передало управление училищами в бесконтрольное ведение их начальниц, от избрания которых местные общества были отстранены. Все это вызывало на местах многочисленные справедливые замечания. Городские общества требовали не только предоставления им права надзора над выделяемыми ими средствами, но и права на участие в организации педагогического процесса в училищах.

Под давлением этих требований министерство решило подготовить проект нового Положения о женских училищах. В объяснительной записке к новому проекту оно отмечало, что прежнее Положение, «требует теперь, как показывает опыт, существенных изменений».

Главный его недостаток министерство фиксировало в следующих словах: «Положение о женских училищах, несмотря на то, что они учреждаются и содержатся на средства сословий и обществ, не допускает представительей этих сословий и обществ для участия к заведению училищами, а предоставляет безотчетное распоряжение хозяйством училища, выбор должностных лиц и даже назначение платы за учение одному лицу, именно начальнице училища. Такое устройство еще можно было бы допустить, если бы начальница избиралась самим обществом и пользовалась неограниченным его доверием, но по Положению и это существенное право не принадлежит обществу. Такой порядок угрожает уже существующим училищам лишением необходимой для них поддержки со стороны общества и может на будущее время охладить рвения к открытию новых училищ».

«Для устранения этих неудобств, – указывалось в объяснительной записке, – и возбуждения к училищам полного доверия со стороны общества новый проект Положения о женских училищах *предоставляет обществу значительную долю влияния на училище* посредством учреждения при каждом женском училище особенного *Попечительного совета*, состоящего из пользующихся влиянием и общим уважением представителей местного общества. Совету этому, имеющему в числе членов и представителей местного училищного начальства, предоставлено *полное* наблюдение за нравственною и хозяйственною частию училища; распоряжения же по учебной части оставлены за Педагогическим советом, *с доведением*, однако, и о них *до сведения Попечительного совета*». Председательство в попечительном совете было возложено на попечительницу училища, «выбираемую самим советом из почетнейших лиц города» и утверждаемую в этом звании: в училищах I разряда – императрицей, в училищах II разряда – министром народного просвещения [РГИА. Ф. 733. Оп. 191. Д. 2. Л. 12–15].

По новому Положению о женских училищах, утвержденному Александром II 10 мая 1860 года «в виде опыта на три года», Попечительный совет женского училища обладал *значительными правами*. Помимо выбора попечительницы, на него была возложена задача выбора начальницы училища и всех учителей и учительниц. В задачи совета входило: «изыскание средств к материальному улучшению училища; наблюдение за правильным употреблением училищных сумм; определение количества платы за учение... увольнение от платы за учение недостаточных учениц; покровительство и пособие беднейшим ученицам, отличающимся прилежанием и благонравием; наблюдение за умственным и нравственным образованием учащихся;

наконец, попечение вообще об установлении и постоянном сохранении в училище надлежащего по всем частям порядка и благоустройства».

В соответствии с новым Положением Попечительный совет женских училищ состоял из пяти непременных и двух выборных членов. К непременным членам относились: попечительница училища, уездный представитель дворянства или лицо, его заменяющее, директор училищ или гимназии, а там, где нет гимназии, – штатный смотритель уездного училища, городской голова или бургомистр и начальница училища. Выборные члены избирались советом: один – из местных дворян или чиновников, другой – из купечества [РГИА. Ф. 1149. Оп. 6. Д. 40в. Л. 14 об.–15].

Позднее, 28 февраля 1862 года новый министр народного просвещения А.В. Головин, опираясь на многочисленные ходатайства с мест, добился у императора разрешения дополнять состав избираемых членов Попечительного совета представителями отдельных сословий и обществ, содержащих женские училища, а также избирать в состав совета лиц женского пола. Александр II предоставил министру «для достижения оному наибольшей возможности содействовать преуспеянию женских училищ» разрешать такие отступления от Положения 10 мая 1860 года.

Новое Положение о женских училищах, принятое в период апогея общественного подъема 1860-х годов, было **вторым законодательным актом «эпохи великих реформ» в области образования. И вновь – в области образования женского.** Остальные проекты школьных реформ все еще находились в стадии подготовки. Еще только начиналось их гласное обсуждение, и до их принятия оставалось три-четыре года. Женская же школа, стремительно нарождавшаяся, принимала уже второй свой устав – Положение 10 мая 1860 года. Это Положение, в сравнении с предыдущим, делало существеннейший шаг вперед и при том на самом главном направлении. На направлении *расширения общественного участия в деле женского образования*, формирования самого этого образования как **общественно-государственной структуры.**

Именно в новой всеобщей открытой женской школе в конце 1850 – начале 1860-х годов **наиболее ярко и результативно проявила себя общественная образовательная инициатива.** Именно здесь впервые народились **государственно-общественные органы управления школой в лице попечительных советов.** И именно в женской школе эти советы получили наибольшие права. Права за достижение которых в мужских гимназиях и реальных училищах будут безуспеш-

но биться многие земства, общественные и просветительские организации все последующие десятилетия XIX века.

Все это было обусловлено самим замыслом создания новой женской школы как структуры преимущественно *общественной*, поскольку правительство не имело ни средств, ни иных реальных возможностей к ее содержанию и развитию, что и нашло отражение в Положениях о женских училищах как 1858, так и 1860 года. По признанию самого Министерства народного просвещения, датированному 1865 годом, «основная идея этих Положений заключалась в том, чтобы, оставив за женскими училищами характер преимущественно частных учебных заведений, содержимых на счет пожертвований и взносов местных сословий, обществ и частных лиц, вместе с тем самою организацией их управления соединить все сословия и общества к поддержанию и развитию сих училищ. Со своей стороны правительство приняло на себя инициативу и руководство в этом деле в лице начальников губерний и училищного начальства Министерства народного просвещения, с предоставлением женским училищам некоторых прав наравне с казенными учебными заведениями» [Объяснительная записка к проекту Положения о женских гимназиях и прогимназиях 1865 года. РГИА. Ф. 1149. Оп. 6. Д. 40в. Л. 5].

По учебной части Положение 1860 года, в отличие от предыдущего, устанавливало *два нововведения*. Оно несколько расширяло учебный курс женских училищ, в частности в области изучения русского языка, и предоставляло педагогическим советам право вводить дополнительные необязательные предметы. Но главное, оно предусматривало создание, при необходимости, *приготовительных классов* при женских училищах, что, с одной стороны, ставило их в связь с начальной школой и на ее фундамент, а с другой, – существенно способствовало *демократизации контингента учащихся*. Ибо дети, не имевшие возможности получить первоначальное образование дома, теперь могли получить его в подготовительном классе женских училищ.

В этом плане заслуживает также внимание заметное снижение платы за обучение в новом Положении в сравнении с предшествующим. Если ранее в училищах I разряда плата за обучение не должна была превышать 35 руб., а в училищах II разряда – 25 руб., то новое Положение строго устанавливало, что плата «ни в каком случае не должна превышать» в училищах I разряда – 30 руб. и второго разряда – 15 руб. [там же, л. 15].

Отмеченные выше существенные позитивные моменты Положения о женских училищах 10 мая 1860 года сыграли значительную

роль в ускорении и расширении развития женского образования в России. После издания этого Положения открытие новых женских министерских училищ пошло достаточно быстрыми темпами. К 1860 году таких училищ было, как отмечалось, 22 (7 преобразовано из ранее существовавших, 5 открыто в 1858 и 10 в 1859 годах). В год издания Положения число этих училищ возросло вдвое – было открыто 25 новых женских учебных заведений (8 первого и 17 второго разрядов). 1861 год дал рекордное число вновь учрежденных женских училищ – 32 (6 первого и 26 второго разрядов). В 1862 году было открыто еще 13 училищ, из них 12 второго разряда (подсчитано автором по справке МНП. РГИА. Ф. 1149. Оп. 6. Д. 40в. Л. 6 об.–14).

Таким образом, в 1862 году в Министерстве народного просвещения насчитывалось, по меньшей мере, 72 (по некоторым данным 79) женских всесословных открытых училища. В Ведомстве учреждений императрицы Марии, которое все более сдавало поле нового женского образования, всего 12 училищ. Характерно, что свыше двух третей министерских женских учебных заведений составляли училища II разряда (66 училищ). Это обстоятельство было вызвано тем, что значительная часть женских училищ открывалась в небольших городах и преимущественно на средства городских обществ, которые на первых порах предпочитали первоначальное женское образование.

Позднее, во всеподданнейшем докладе от 17 июля 1866 года новый, реакционный глава ведомства просвещения граф Д.А. Толстой отмечал, что дворянство везде положило начало женским училищам, и участие прочих сословий лишь вызвано примером дворянства. Это было, мягко говоря, искажением исторических фактов. Как справедливо отмечала Е.И. Лихачева, «почти во всех отчетах о женских училищах за первое время их существования, также по Управлению учебными округами, указывалось на равнодушие дворянства к делу». «В нескольких, немногих, уездных городах – Белгороде, Карачаеве, Козельске – училища были учреждены и содержались преимущественно на средства местного *дворянства, но вообще, как сословие*, оно, за исключением костромского и могилевского, обративших на женские гимназии собранные раньше на институты суммы, *почти не участвовало ни в устройстве, ни в содержании женских училищ*, а если жертвовало, то на содержание определенного числа своих стипендиатов» [94, кн. 2, с. 103, 106]. Как отмечал директор народных училищ нижегородской губернии при открытии женского нижегородского училища в 1859 году, «ни сочувствия, ни малейшей любви к отечественному просвещению в большинстве так называемых губернских

аристократов не проявилось. Это, к сожалению, факт» [ЖМНП, 1859, т. 102].

Иными словами, вопреки заискивающим словам Д.А. Толстого перед дворянством, женские открытые всесословные училища в конце 1850 – начале 1860-х годов были обязаны своим появлением и распространением прежде всего российскому «среднему классу». Именно этот общественный слой, ранее более всего обделенный женским образованием, начинал предъявлять на него повышенный спрос.

То же самое повторится при учреждении с 1864 года первых народных школ. Здесь инициаторами их создания выступят сами крестьяне, крестьянские общества, намного опередив земства, на раскачку которых потребуется почти пять лет [129, т. III, с. 58–75]. Впрочем, и среди жертвователей на женские училища крестьяне были представлены достаточно широко, особенно в Вятской губернии, о чем сообщалось в многочисленных корреспонденциях газет и журналов [Вятские губ. ведомости, 1861, № 41; ЖМНП, 1859, т. 103 и др.].

Поскольку среднее сословие брало в основном на себя расходы по содержанию министерских женских училищ, социальный состав учащихся этих училищ был весьма демократичным, особенно в провинции. Так, в Екатеринославской женской гимназии в 1865 году из 99 учениц было только 11 дворянок. В Тамбовской гимназии в 1863 г. к мещанскому сословию принадлежали 46 учениц, к купечеству – 2, к дворянству – 22. Еще более демократичными по составу были женские училища II разряда. Не случайно, в цитированном ранее всеподданнейшем докладе Д.А. Толстой подчеркивал, «что было бы желательно, чтобы в гимназии воспитывалось более дворянских дочерей, чем других сословий, но это, – с сожалением отмечал министр, – вполне зависит от тех мер, какие примет Попечительный совет» [94, кн. 2, с. 105, 109, 110]. Так, даже власть вынуждена была признать решающую роль общественного участия и его исполнительного органа – Попечительного совета в определении социального характера женских гимназий и училищ II разряда.

Мы не случайно назвали министерские женские училища I разряда гимназиями, поскольку таковое название они официально получили в 1862 году. В общественном сознании эти училища и ранее воспринимались как гимназии, так как еще в высочайшем повелении 1856 года указывалось, что они по курсу должны были приближаться к гимназиям. Однако до 1862 года гимназиями официально именовались лишь женские училища Ведомства императрицы Марии, которые имели больше прав, нежели министерские училища. После резолюции Александра II на одном из докладов о министерских женских учили-

цах, в которой император назвал их гимназиями, все министерские женские училища первого разряда были переименованы в гимназии.

В 1862 году была предпринята также попытка оптимизации управления женскими учебными заведениями. Министр народного просвещения А.В. Головнин предложил сосредоточить их в одном ведомстве, «так как женское образование, по своему назначению, требует более единства в направлении к одной цели». Учитывая длительный и богатый опыт руководства женским образованием в Ведомстве учреждений императрицы Марии, А.В. Головнин предложил именно здесь сконцентрировать все женские учебные заведения.

Это предложение А.В. Головина имело несомненно позитивный характер как с точки зрения организационно-управленческой, так и с общестратегической. Ибо оно было направлено не только на преодоление неоправданного дуализма в управлении женской школой, но и на формирование единой, целостной системы женского образования в России. Однако все эти здравые системно-управленческие и социально-педагогические соображения были перечеркнуты утилитарными политическими и экономическими мотивами.

Во-первых, правительство не было заинтересовано в создании единой женской школы: каждая ее ветвь – женские институты, мариинские гимназии, министерские гимназии и училища, несмотря на декларируемую в эту эпоху всеобщность школы, была направлена на определенный сословный контингент. К тому же женские институты и мариинские гимназии решали, как уже отмечалось, дополнительные – сословно-национальные задачи, связанные с обрусительной общей и образовательной политикой в национальных районах России. И, соответственно, во-вторых, эти ветви женского образования финансировались принципиально различным образом. Мариинские женские учебные заведения – за счет правительства, министерские – за счет общественных и частных средств. Поэтому было решено оставить в силе упоминавшееся ранее высочайшее повеление 1859 года о разделении женских учебных заведений на два ведомства.

Так были окончательно закреплены, по существу, две принципиально различные системы женского образования в России – чисто *государственная* (в Мариинском ведомстве) и *общественно-государственная* (в Министерстве народного просвещения). И вплоть до 1917 года эти системы не пересекались. Хотя с конца 1860-х годов и особенно в 1880-х годах правительство предпринимало решительные и многократные попытки огосударствить женские школы, находившиеся в ведении Министерства народного просвещения.

Государственный характер открытых женских гимназий мариинского ведомства был окончательно утвержден Уставом училищ для приходящих девиц Ведомства учреждений императрицы Марии, принятым 9 января 1862 года [34].

Еще при рассмотрении проекта Положения о женских училищах Министерства народного просвещения 1860 года Мариинское ведомство резко выступило против привлечения местных сословий к управлению его собственными училищами, «коль скоро оные основаны без местных пожертвований и приношений» [27, т. 3, с. 575]. В новом Уставе этих училищ данная позиция была жестко зафиксирована. Вместо Попечительного совета министерских училищ Мариинское ведомство учредило при своих училищах Хозяйственный комитет, в котором общественный элемент напрочь отсутствовал (параграф 16 Устава). Круг деятельности данного комитета был предельно ограничен. Суть этой деятельности сводилась к составлению сметы расходов на год и к представлению ее на утверждение попечителя училища (параграф 17). Попечителям вверялось ближайшее заведование училищем, и назначались они «монаршею волею». Высшее управление училищами передавалось из рук Главного совета женских учебных заведений Главному управляющему Ведомством учреждений императрицы Марии (параграф 5). То есть устав закреплял бюрократический и централистский характер управления открытыми женскими учебными заведениями Мариинского ведомства.

Вместе с тем новый Устав закреплял и введенный ранее семилетний учебный курс мариинских женских гимназий, в отличие от шестилетнего курса министерских училищ, и, кроме того, предусматривал, во-первых, создание, «сверх семи классов», *педагогических курсов*, «в которых бы девицы, окончившие общий курс и предназначающие себя к наставнической деятельности, могли получать специально педагогическое образование», и во-вторых, открытие *приготовительного класса* для элементарного обучения (параграф 4, 28). Такие классы были, как уже отмечалось, и в министерских женских училищах по Положению 1860 года. Однако введение по настоянию Н.А. Вышнеградского семилетнего обучения и, сверх того, педагогических курсов в мариинских училищах ставило их в образовательном отношении существенно выше министерских женских училищ.

Соответственно Мариинское ведомство резко обошло министерство и в предоставлении выпускницам своих гимназий дополнительных прав, приравняв таковые к женским институтам. Окончившие полный курс учения в мариинских гимназиях получали, без особого испытания, свидетельство на звание домашних учительниц; окончившие

специальный педагогический курс – свидетельство на звание домашних наставниц. Получившие одобрительные свидетельства об окончании четырех низших классов семиклассных гимназий получали права «на звание первоначальных учительниц и учительниц народных училищ, если они, по достижении 16-летнего возраста будут исполнять в течение полугода обязанности помощниц учителя или учительницы при каком-либо начальном училище». (Параграф 46. Сравнительный анализ уставов и положений женских учебных заведений.) [РГИА, Ф. 1149. Оп. 11. 1894. Д. 12. Л. 671–695.]

Таким образом, в образовательном и правовом, не говоря уже о финансово-экономическом, положении, мариинские женские училища имели существенные преимущества перед министерскими. То есть чисто государственная подсистема женского образования, в сравнении с общественно-государственной его подсистемой, изначально выстраивалась как привилегированная. И понадобилось немало общественных усилий, отраженных, в частности, в шеститомном своде замечаний на различные школьные проекты, чтобы к 1870 году, к изданию нового Положения о министерских гимназиях и прогимназиях уравнивать их в образовательном и правовом (но отнюдь не в финансово-экономическом) отношении с гимназиями Мариинского ведомства.

После утверждения Устава училищ для приходящих девиц Ведомства учреждений императрицы Марии это ведомство несколько активизировало расширение сети своих училищ. Направления такого расширения оставались прежними: столичные города и национальные районы России. В 1864–1865 годах были открыты шестая петербургская и царскосельская мариинские гимназии; три министерские московские гимназии переданы в ВУИМ, как и Астраханская и Витебская женские мариинские гимназии. Тогда же были открыты еще четыре мариинские гимназии: две в Северо-Западном крае – минская и могилевская и две в Юго-Западном крае – житомирская и каменецподольская.

Характерно, что усмиритель польского восстания генерал-губернатор Северо-Западного края М.Н. Муравьев-«вешатель» настаивал на том, что устраивать женскую гимназию в Витебске «на основаниях Положения 1860 года преждевременно и что лучше устроить гимназию правительственную, без участия общества». Такого же мнения были и руководители школьного ведомства, считавшие, что «Положение 1860 года предоставляет значительную долю участия в управлении женскими училищами местным обывателям, которые могут оказать вредное влияние на дух и направление училищ в крае».

Наконец, и руководство Ведомства учреждений императрицы Марии было убеждено, что «в видах упрочения русской народности в Северо-Западном крае, между прочим, через учреждение женских учебных заведений, в управлении которых местное население не принимало бы участия», следует открывать здесь именно мариинские гимназии, имеющие чисто правительственный характер.

Таким образом, по отношению к женским учебным заведениям в национальных районах мнение правительства было единодушным. Здесь власть вносила существенные коррективы в свою образовательную политику, выбирая те элементы, рычаги этой политики, которые более соответствовали общим политическим охранительным задачам.

Но и в данном случае наличные финансовые ресурсы выступали в качестве естественных ограничителей политики «образовательного охранения». С учреждением названных выше женских училищ в Северо-Западном и Юго-Западном краях, отмечал Главный совет женских учебных заведений, «Ведомство императрицы Марии кончило принятое на себя дело открытия чисто русских учебных заведений во всех девяти губерниях края. Далее оно идти не может без расстройства своих денежных средств и предоставляет Министерству народного просвещения и местным обществам усиливать там число заведений, из которых бы девицы выходили бы, по примеру женских гимназий, устроенных ведомством, образованными в духе русской народности» [94, кн. 2, с. 93–95].

Всего же в Мариинском ведомстве к 1867 году состояло 25 женских гимназий, из них 10 было в столицах. Как видим, государственный сектор женского образования был весьма незначительным. Количество общественно-государственных женских училищ Министерства народного просвещения имело к этому времени, по меньшей мере, *четырёхкратный перевес*.

К.Д. Ушинский и реформирование женских институтов

Постоянно растущий в конце 1850 – начале 1860-х годов интерес русского общества к проблемам женского образования, который сопровождался на редкость единодушной и острой критикой господствовавшей сто лет закрытой сословной системы институтского воспитания, и с другой стороны, – достаточно интенсивный рост открытых сословных женских училищ, быстро получивших общественную поддержку, не могли не заставить женские институты, ранее отгороженные от времени и пространства, хоть в полоборота развер-

нуться к требованиям новой эпохи. Однако в целом эти оплоты старорежимного женского воспитания достаточно долго стояли в стороне от запросов новой российской действительности, от духовного подъема, царившего в те годы в русском обществе.

Здесь, по словам одной из выпускниц Смольного института того времени Е.Н. Водовозовой (Цявловской), царствовали все те же «томительно однообразная жизнь и отсутствие чего бы то ни было, что хотя бы несколько шевелило мысль, привлекало бы глаз» [219, т. I, с. 398]. Здесь, писал Н.А. Добролюбов, «шесть, восемь, девять лет» жили «девочки в стенах заведения, не имея никакого понятия о том, что делается за этими стенами». Здесь они «облекаются в униформу... приучаются к строгой дисциплине и неизбежно отучаются от семейной жизни... Здесь все чужое для девочки, она здесь не у себя, она постоянно как будто на выставке. Следствием этого бывает, с одной стороны, ослабление внутренней энергии, самостоятельности и естественной простоты отношений, а с другой, – развитие мелких, себялюбивых чувств на место симпатических расположений, развивающихся в семейном воспитании» [65, с. 67–68].

Первым шагом институтской системы навстречу жизни стало назначение в начале 1859 года К.Д. Ушинского, тогда уже известного педагога, инспектором классов Смольного института, результатом чего стала радикальная реформа этого института. В ходе этой реформы: было в корне изменено содержание институтского образования, в котором центральное место заняло преподавание родного языка; созданы новые программы по всем остальным учебным предметам, в значительной мере уравнившие содержание женского и мужского общего среднего образования; впервые в русской школе введен отсутствовавший ранее и разработанный Ушинским курс первоначального обучения с использованием его знаменитой учебной книги «Детский мир», курс, ставший фундаментом полноценного начального образования в России и его преемственности с образованием средним.

Вот как описывал проведенную Ушинским реформу Смольного института соратник великого педагога Д.Д. Семенов. «Сущность реформы К.Д., – писал Семенов в своих воспоминаниях "Из пережитого", – сводилась к четырем главным основаниям: 1) заменить 9-летний курс 7-летним; 2) вместо трех классов устроить семь; 3) сделать новое распределение учебных предметов по классам; 4) составить новые учебные программы».

Первая мера, по словам Д.Д. Семенова, «была полезна в том отношении, что воспитанницы, получая достаточное образование в 7 лет,

двумя годами ранее возвращаются в родную семью, которую никакое учебное заведение заменить не может».

Вторая мера была направлена на внутреннее переустройство всей учебной работы института, на то, чтобы создать условия, которые бы стимулировали серьезное ведение этой работы и служили бы «ручательством лучших успехов девиц». «До Ушинского, – писал Семенов, – порядок был такой: воспитанницы, по окончании каждого трехлетнего курса, в полном составе переходили в следующий также трехлетний класс, несмотря на то, были ли девицы достаточно подготовлены или нет; да и в самом деле, нельзя же было неуспевающую воспитанницу оставлять в том же классе на целых три года. Неизбежным следствием такого обычая было то, что малоуспевающие в низшем классе, в старшем успевали еще меньше и выходили из заведения с самыми ничтожными и поверхностными знаниями, а некоторые и без всяких знаний, за исключением лишь французского языка, танцев и хороших манер. При устройстве же семилетнего курса и при ежегодных экзаменах и переходах из класса в класс мало успевающие воспитанницы могли быть оставляемы еще на год в том же классе и таким образом имели возможность пополнить пробелы в своих знаниях» [159, с. 76].

Это, казалось бы, элементарное решение на деле было трудной ломкой десятилетиями укоренявшегося в институте строя учебной жизни, делая его педагогически осмысленным и целесообразным.

Уже 16 мая 1859 года Ушинский подготовил и третью меру своей реформы – представил новое распределение учебных предметов по классам, как отмечал Семенов, «на принципе строгой педагогической постепенности». А еще через год – 12 апреля 1860 года была предложена четвертая мера – новые учебные программы по каждому предмету. Эти программы Ушинского были утверждены 10 декабря 1860 года, и тогда же главноуправляющий женскими учебными заведениями Марининского ведомства принц П.Г. Ольденбургский предложил Учебному комитету реформировать все учебные заведения ведомства на новых педагогических основаниях, предложенных К.Д. Ушинским.

Центральным предметом преподавания в Смольном институте Ушинский сделал русский язык. По словам Д.Д. Семенова, Ушинский подчеркивал, что «учитель русского языка не может ограничиться одним преподаванием грамматики, а должен иметь в виду *общее развитие* учащихся. Он должен прежде всего сообщить ученице *ясное и правильное понятие* об окружающих предметах, что очень редко приносится ребенком в школу, научить его *рассуждать* о знакомых ему предметах и *правильно выражать свои мысли*. Таким способом раз-

живается в ученицах любовь и способность к учению и тем облегчается дело преподавателей в следующих классах» [159, с. 77]. Для достижения на практике намеченной цели Ушинский ввел в двух низших классах предметные уроки и составил свое известное пособие «Детский мир», которое вскоре получило широчайшее распространение в русских школах.

Существенно преобразовал Ушинский содержание образования и методы обучения также в средних и старших классах, введя преподавание естествоведения и физики (с широким использованием всевозможных наглядных пособий), углубив изучение новейшей отечественной литературы, предприняв меры к «гармоничному соединению преподавания географии с историей и естественными науками» [159, с. 78].

Ушинский полностью уравнил учебный курс «благородной» и «мещанской» половины Смольного института, полуторачасовые уроки заменил часовыми, введя 10–15 минутные перемены между уроками, что, по словам Е.Н. Водовозовой, «было несравненно менее утомительно для слушательниц» [219, т. 1, с. 458], ограничил комплект одного класса тридцатью ученицами, впервые в истории женских институтов ввел отпуск (каникулы) воспитанниц на праздники.

Важнейшей частью реформы Смольного института было также создание в нем *двухгодичного специального педагогического класса*, программа которого была детально проработана Ушинским на основе ведущих идей и материала его фундаментального труда «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии». Первый год отводился на теоретические занятия слушательниц педагогического класса педагогикой, дидактикой, методикой и на посещение ими младших классов, где они изучали и анализировали проводимые преподавателями уроки. Второй год был посвящен практическим занятиям в младших классах, где слушательницы давали самостоятельные уроки под руководством опытных учителей. (Подробнее см.: [189, с. 68–150].) А учителя в Смольном институте были собраны Ушинским действительно лучшие из лучших. Достаточно назвать лишь несколько имен его соратников, навсегда вписавших свое имя в историю отечественной педагогики, – В.И. Водовозов, Д.Д. Семенов, Л.Н. Модзалевский, М.И. Семевский и многие другие.

Но главное, что удалось Ушинскому, – это в корне изменить самый дух Смольного института. «Смольный, точно сказочный русский богатырь, после долгой столетней спячки, – писал Семенов, – воспрянул духом и хотел наверстать потерянное время. Все, и учителя, и ученицы, казалось спешили отличиться друг перед другом. Девицы, и

большие и маленькие, стали учиться отлично; с каким-то захватывающим вниманием следили они за каждым уроком своих преподавателей, как бы боясь проронить хоть одно слово. А с какой неподдельной охотой отвечали они на каждый вопрос преподавателя, какой восторг написан был на их свежих личиках, с какой изумительной аккуратностью приготавливали они заданные уроки и письменные работы! Так обаятельно подействовало на восприимчивые души воспитанниц живое слово после мертвящего, скучного, схоластического преподавания. И та же институтка, которая лишь год тому назад заболталась только о своей наружности, думала о танцах, мечтала о выездах, в тишине ночи вздыхала и предавалась несбыточным иллюзиям, теперь полюбила чтение, науку, труд» [159, с. 85]. На уроках ученицы стали задавать вопросы учителям, что ранее считалось недопустимым; после уроков сопровождали их по коридорам, требуя разъяснений непонятного; в вечерние часы писали доклады и сочинения на заданные темы.

«Новое преподавание, – отмечала одна из смолянок З.Е. Мордвинова, – произвело такое впечатление, как будто в темном и душном помещении вдруг отворили наглухо запертые окна и впустили туда широкую струю света и воздуха; заключенные зашевелились и заговорили не по правилам, а как кому вздумалось, и радовались своей свободе» [225, с. 49].

О том же, и не менее эмоционально, писала и Е.Н. Водовозова, впоследствии видная деятельница отечественного образования: «Из глухого деревенского захолустья я попала в институт, который был в ту пору закрытым интернатом, отделенным высокими стенами от всего человеческого, где одно женское поколение за другим, изолированное от всего живого, воспитывалось как будто нарочно для того, чтобы не понимать требований действительности и своих обязанностей, и оканчивало курс образования, не приобретая ни самых элементарных знаний, ни мало-мальски правильных воззрений на жизнь и людей... Я воспитывалась в Смольном тогда, когда в него не проникала ни одна человеческая мысль, когда в него не долетал ни один стон, вызываемый человеческими страданиями; при мне в его стенах в качестве инспектора появился К.Д. Ушинский, что и дало мне возможность представить, как этот величайший русский педагог, вместе с введенными им новыми учителями, начал подрывать гнилые устои института и водворять в нем новые порядки, всколыхнувшие вверх дном все установившиеся в нем понятия о воспитании и образовании» [178, т. 4, с. 448]. «Своими собственными лекциями, беседами, разговорами, даже своей личностью, преисполненною пламенною, кипучею

чею страстью к общественной просветительской деятельности», писала Водовозова, Ушинский «производил полный переворот в нашем миросозерцании, поддерживал наше стремление к занятиям и наш необычайный умственный подъем» [219, т. 1, с. 459]¹.

¹ В своих воспоминаниях Е.Н. Водовозова следующими словами описывала первую лекцию Ушинского для воспитанниц Смольного института и свои впечатления от этой лекции: «"Вы должны, вы обязаны, – говорил он, – зажечь в своем сердце не мечты о светской суете, на что так падки пустые, жалкие создания, а чистый пламень, неутолимую, неугасимую жажду к приобретению знаний и развить в себе прежде всего любовь к труду, – без этого жизнь ваша не будет ни достойной уважения, ни счастливой. Труд возвысит ваш ум, облагородит ваше сердце и наглядно покажет вам всю призрачность ваших мечтаний; он даст вам силу забывать горе, тяжелые утраты, лишения и невзгоды, чем так щедро усеян жизненный путь каждого человека; он доставит вам чистое наслаждение, нравственное удовлетворение и сознание, что вы недаром живете на свете. Все в жизни может обмануть, все мечты могут оказаться пустыми иллюзиями, только умственный труд, один он никогда никого не обманывает: отдаваясь ему, всегда приносишь пользу и себе и другим. Постоянно расширяя умственный кругозор, он мало-помалу будет открывать вам все новый и новый интерес к жизни, заставит все больше любить ее не ради эгоистических наслаждений и светских утех... Постоянный умственный труд разовьет в душе вашей чистейшую, возвышенную любовь к ближнему, а только такая любовь дает честное, благородное и истинное счастье. И этого может и должен добиваться каждый, если он не фразер и не болтун, если у него не дряблая натурашка, если в груди его бьется человеческое сердце, способное любить не одного себя. Добиться этого величайшего на земле счастья может каждый, следовательно, человека можно считать кузнецом своего счастья... Уже с раннего возраста воспитатели должны развить в ребенке потребность к труду, привить ему стремление к образованию и самообразованию, а затем внушить ему мысль о его обязанности просвещать простой народ, – "ваших крепостных, так называемых ваших рабов, по милости которых вы находитесь здесь, получаете образование, существуете, веселитесь, ублажаете себя мечтами, а он, этот раб ваш, как машина, как вьючное животное, работает на вас не покладая рук, недопивая и недоедая, погруженный в мрак невежества и нищеты".

Теперь все эти мысли давным-давно вошли в общее сознание, всосались в плоть и кровь образованных людей, но тогда (1860 год), накануне освобождения крестьян, они были новостью для русских женщин вообще, а тем более для нас, институток, до тех пор не слыжавших умного слова, зараженных пошлыми стремлениями, которые Ушинский разбивал так беспощадно.

Все, что я передаю о первой вступительной лекции Ушинского, – бедный, слабый конспект его речи, тогда же кратко набросанный мною, и притом лишь в главных чертах.

Чтобы понять, какое потрясающее впечатление произвела на нас эта вступительная лекция, нужно иметь в виду не только то, что идеи, высказанные в ней, были совершенно новы для нас, но и то, что Ушинский высказывал их с пылкой страстностью и выразительностью, с необыкновенною силою и блестящею эрудицией, которыми он так отличался...

«Таким-то образом, – писал один из лучших биографов Ушинского, видный русский педагог В.П. Острогорский, – благодаря энергии и таланту одного человека, в какие-нибудь три года совершенно обновились и зажило новою, полною жизнью огромное учебное заведение, дотоле замкнутое, рутинное и не возбуждавшее в обществе никакого интереса. Всюду в Петербурге заговорили о Смольном и о его необыкновенных учителях, чиновники разных ведомств, многие, просто интересовавшиеся педагогическим делом, нарочно приезжали из города послушать удивительные уроки, особенно в младших классах» [127, с. 85].

Деятельность К.Д. Ушинского в Смольном институте была недолгой и сопровождалась драматическими коллизиями, постоянной борьбой с старой ретроградной институтской гвардией, во главе которой стояла начальница института М.П. Леонтьева. Начальница и инспектор классов были несовместимы во всех отношениях. «Леонтьева, – писала Е.Н. Водовозова, – осколок старины глубокой, особа с допотопными традициями и взглядами, с манерами, до комизма чопорными, с придворным высокомерием, с ханжеской моралью, требующая от каждого полного подчинения своему авторитету и подобострастного поклонения перед каждым своим словом, и он, Ушинский – представитель новой жизни, носитель новых, прогрессивных идей, с энергией страстной природы проводящий их в жизнь, до мозга костей демократ по своим убеждениям, считавший пошlostью и фокусами всякий этикет, всем сердцем ненавидящий формализм и рутину, в чем бы они не проявлялись! Такие же диаметрально противоположные цели преследовали эти личности в воспитании: она, упорно стремившаяся к тому, чтобы воспитанниц двух огромных институтов привести к одному знаменателю, он – горячий защитник свободной мысли и индивидуального развития» [219, т. 1, с. 479].

В общем контексте эпохи этот конфликт, получивший название «смольнинской истории», отражал не только столкновение двух противостоящих друг другу педагогических идеологий. Он отражал тра-

Много десятков лет прошло с тех пор, мой жизненный путь окончен, и я у двери гроба, но до сих пор не могу забыть пламенную речь этого великого учителя, которая впервые бросила человеческую искру в наши головы, заставила трепетать наши сердца человеческими чувствами, пробудила в нас благородные свойства души, которые без него должны были потухнуть. Одна эта лекция сделала для нас уже невозможным возврат к прежним взглядам, по крайней мере в области элементарных вопросов этики, а мы прослушали целый ряд его лекций, беседовали с ним по поводу различных жизненных явлений» [Там же. С. 450–452].

диционное противоборство реформаторов и старой, агрессивно сопротивлявшейся реформе системы. И даже при успехе реформы такое противоборство обычно заканчивается поражением, если не гибелью реформаторов. Так случилось и на этот раз – с Ушинским, который в 1862 году вынужден был покинуть Смольный институт с резко подорванным здоровьем. Так случилось спустя пять лет, весной 1867 года, и с другим реформатором женского образования в России – Н.А. Вышнеградским, который также больным покинул Мариинское ведомство и умер через полтора года после Ушинского – 19 апреля 1872 года.

Известно, что реформы, как и революции, поедают своих творцов, которые всегда служат растопочным материалом реформаторского процесса. Личные качества реформаторов играют при этом третьестепенную роль, замедляя или ускоряя их неминуемое сгорание. «Человек, более уступчивый, чем Ушинский, – писал один из его ближайших друзей и сподвижников Ю.С. Рехневский, – обладающий большим дипломатическим тактом, которым Ушинский вовсе не отличался, по всей вероятности, с большею легкостью успел бы провести эти преобразования, но Ушинскому они стоили невероятных трудов и усилий. Он шел прямым путем, не зная окольных дорог, добивался осуществления своих идей настойчиво, со свойственной ему энергией и резкостью, не щадя чужого самолюбия и не отступая ни на шаг от своих убеждений. Борьба, которую он должен был выдержать, пока осуществились его планы, совершенно истощила его силы и разрушила его здоровье» [178, т. 4, с. 451].

«Ушинского, – писал его соратник, известный русский педагог Д.Д. Семенов, – сломили интриги лиц, не сочувствовавших широкой реформе женского институтского образования, как ни мало было в то время людей, не разделявших величайшего блага – освобождения крестьян». Упрекнуть его можно только в «неумении идти к цели окольными путями, в нежелании подлаживаться и заискивать расположения своих врагов».

Впрочем, поражение Ушинского было только внешним. «Реформа его не умерла, – отмечал Д.Д. Семенов. – Она продолжалась с некоторыми лишь несущественными изменениями... Мало того, реформа Ушинского постепенно введена и во все остальные институты империи. И теперь институтка не является уже каким-то анахронизмом на общем фоне современного русского общества. Она наравне с гимназисткой успешно работает на поприще семейной и общественной деятельности» [159, с. 86–87].

Первые изменения в жизни женских институтов в начале 1860-х годов явились прямым результатом деятельности К.Д. Ушинского в Смольном институте. Уже в 1860 году Главный совет женских учебных заведений одобрил проект Ушинского в виде опыта на семь лет о введении в институтах семилетних годовичных курсов, а также поддержал предложенные им новые учебные планы и программы.

Одновременно, в духе времени, были запрошены от советов всех институтов мнения о том, какие изменения они считают нужными произвести в институтском уставе 1855 года. Поступившие в 1861–1863 годах эти мнения и их последующее обсуждение обозначили *три основных направления реорганизации институтов*: 1) попытки придания им всесословного характера; 2) частичное преодоление их закрытости за счет введения отпусков воспитанниц и допуска в институты полупансионеров и приходящих и 3) реорганизация местных советов институтов, но в направлении, противоположном общепринятому в то время, – не расширение общественного элемента, а его удаление из этих советов.

Рассмотрим эти меры реформирования и одновременно контрреформирования женских институтов по порядку.

Еще в 1858 году новороссийский генерал-губернатор вошел с представлением в Главный совет женских учебных заведений о допуске в Керченский институт дочерей купцов II и III гильдии. Свое представление он обосновал тем, что таковые принимались в институт с момента его основания в 1835 году, и только в 1847 году в институт стали допускаться лишь дочери купцов I гильдии. Главный совет согласился с предложением генерал-губернатора.

Год спустя совет Казанского института просил разрешить принимать в институт дочерей купцов всех трех гильдий, а также граждан остзейских губерний и иностранцев. Главный совет женских учебных заведений нашел это ходатайство «тем более уважительным, что с разрешением оно, заведение откроется для большего числа нуждающихся в институтском образовании, а с тем и увеличатся денежные средства заведения». Этот финансово-экономический мотив позднее станет одним из доминирующих в отзывах советов женских институтов.

Однако император и императрица не согласились с мнением Главного совета на том основании, что «ни в одно из женских заведений первого разряда не допускаются дочери купцов третьей гильдии, так как воспитание дворянских девиц не соответствует быту низшего купечества, мало отличающегося от мещанства». Что же касается «увеличения денежных средств» института, то для этого, как сообщал

статс-секретарь Гофман, «лучше, согласно монаршей воле, приискать другие источники, чем прием воспитанниц, коих происхождение и самый быт по выпуске из института не соответствует условиям, установленным порядком их содержания и воспитания».

Вместе с тем, несмотря на это достаточно строгое указание, уже в 1861 году было разрешено принимать в институт Восточной Сибири «своекоштными пансионерками» лиц всех свободных состояний, поскольку в крае не было ни казенных, ни частных заведений, подобных институту, а в самом институте имелось немало вакансий. Главный совет мотивировал это решение тем, что «открытие доступа в институт Восточной Сибири дочерям всех свободных сословий должно иметь влияние на распространение в крае просвещения и (вновь тот же мотив. – *Авт.*) увеличить средства института» [94, кн. 2, с. 296–297]. Таким образом, на окраинах империи правительство вынуждено было проводить более либеральную политику в среднем женском образовании, делая, в отличие от центра, шаги к его всесословности.

В полученных в 1861–1863 годах отзывах советов институтов по поводу необходимых изменений высказывалось мнение о *необходимости расширения сословного доступа в институты*. В поддержку этого мнения выступили практически все советы, за исключением совета петербургского Елизаветинского училища.

В этих отзывах, помимо экономической пользы данной меры, особенно в условиях ухудшения финансового положения институтов, о чем сообщало большинство советов, выдвигались другие, значительно более важные социально-политические и социально-педагогические аргументы. На вопрос: «Удобно ли, чтобы девицы разных сословий обучались вместе?» совет Тобольской мариинской школы отвечал: «Мы видим это в университетах, гимназиях и уездных училищах, и это не вредит ходу общественного образования; напротив, оно полезно относительно сближения сословий». То же подчеркивал и совет Саратовского института: «Ограничение приема лишь дочерьми почетных и личных дворян, священников и почетных граждан замедляет успехи просвещения в низших слоях общества, препятствует слиянию сословий во имя общей пользы и значительно уменьшает средства заведений».

Тогда же, по инициативе Смольного института, была высказана и поддержана многими советами еще более радикальная мысль – об отмене разделения учебных заведений на разряды по происхождению воспитанниц. Однако ни эта мысль, ни предложения о расширении сословного контингента институтов в то время не были поддержаны властью.

Лед тронулся только несколько лет спустя, в 1865 году, когда стали уже более чем очевидны негативные социальные и экономические последствия сословной замкнутости институтов, особенно на фоне серьезных успехов всесловных открытых женских училищ. Главный совет женских учебных заведений Мариинского ведомства вынужден был тогда признать, что «ввиду всеобщего стремления к образованию и предпринимаемых правительством мер к распространению его во всех слоях общества институты, могущие оказать делу этому едва ли не главнейшее содействие (что было явным заблуждением или преувеличением. – *Авт.*), должны быть доступны, по крайней мере для всех *высших* слоев населения».

Как видим, Главный совет оставался верным себе и вел речь только о расширении доступа в институты для «высших слоев населения». Однако *экономические соображения все же явно взяли верх над социально-политическими* в окончательном заключении Главного совета. Совет вынужден был признать, что «в экономическом отношении строгое ограничение сословий, дети которых имеют право воспитываться в институтах и предоставление этого права лишь меньшинству их, невыгодно для самих институтов, ибо главный источник их доходов составляет плата с своекоштных воспитанниц».

В итоге Главным советом решено было оставить без изменений правила приема в столичных институтах – в Воспитательном обществе, обоих Екатерининских училищах, Патриотическом и двух Николаевских сиротских институтах, в Александрийском сиротском доме, «как имеющих исключительное значение». Во все остальные институты допускались «своекоштными пансионерками» не только дочери русских купцов и иностранцев, но и «лица всех других состояний, не облагаемых подушным окладом» [94, т. 2, с. 300, 342]. Это заключение Главного совета было высочайше утверждено 2 января 1865 года.

Так, медленно, с издержками и оговорками продвигались женские институты в 1860-х годах по обочине *магистрального пути* женского образования, как и российского образования в целом, – *к всесловной школе*. Не менее трудна и терниста была дорога женских институтов и в преодолении их второго коренного порока – *закрытого характера* этих заведений.

Существовали две основные возможности такого преодоления: первая – допуск в институты полупансионерок и приходящих учениц и вторая – отказ от многолетнего и безвыходного заточения воспитанниц в институтах путем введения их отпусков в семью на каникулы и в праздничные дни.

Первая, более радикальная мера, предложенная Ушинским, была отклонена Главным советом женских учебных заведений в 1860 году, т.е. тотчас, как только такое предложение прозвучало. Вопрос же об отпусках, также поставленный Ушинским, стал предметом многолетнего бюрократического обсуждения. И хотя многие советы институтов высказались в пользу отпусков, ибо, как отмечал совет Тамбовского института, «институтское затворничество повсеместно встречает одно только неодобрение со стороны родителей и общества», императрица в 1860 году пожелала узнать мнение начальниц институтов на сей счет. Полемика вокруг этих мнений растянулась на четыре года.

Первые мнения начальниц институтов об отпусках воспитанниц были получены в 1862 году. Только три из 27 начальниц выступили категорически против отпусков. Остальные поддержали необходимость отпусков, мотивируя это тем, что: «польза морального влияния семьи может ослабить недостатки общественного воспитания; отпуски сблизят воспитанниц с родною средою, а то они теряют чувство семейной привязанности, не могут быть полезными членами семьи и становятся ей в тягость, часто забывают о существовании родителей, не видя их по целым годам; если родители бедны и необразованны, у дочери является за них ложный стыд; воспитанницы не могут составить себе понятия об ином образе жизни, как институтский; соприкосновение с практической жизнью выведет их из мечтательных понятий о людях, их потребностях и средствах существования; они быстрее достигнут развития идей и знания действительной жизни, свыкнутся с мыслью о необходимости постоянного труда; по выходе вступят в семью, не совсем им чуждую, и будут смотреть на окружающее сознательно, без робости и той часто губительной наивной доверчивости, которая столь свойственна воспитанницам закрытых учебных заведений».

Однако при ближайшем рассмотрении отзывов начальниц институтов картина оказывалась не столь благодатной и безоблачной.

Шесть начальниц высказались против продолжительных отпусков на каникулы, считая, что воспитанницы «в продолжении нескольких недель *совершенно потеряют из виду начальство*, а через то неминуемо должно пострадать нравственное воспитание, требующее постоянного и бдительного надзора», что они могут заразиться дурными примерами в семье и перенести заразу в институт. Эти шесть начальниц предлагали ограничить отпуска только праздниками и воскресеньями, поскольку, с их точки зрения, «недолгое пребывание и в дурной семье не принесет особенного вреда».

Одиннадцать начальниц институтов, напротив, высказывались против кратковременных отпусков, имея в виду, что воспитанницы увидят не будничную, а праздничную обстановку семьи. Некоторые из начальниц настаивали на том, чтобы не пускать к родителям детей, достигших пятнадцати лет, т.е. двух последних классов. Здесь доминировали опасения, что «воспитанницы явятся в институт *с идеями новыми, неясными, ложными, опасными* для других девиц и таким образом внесут в заведение дух и понятия, несогласные с целями воспитания».

Восемь начальниц считали, что им всецело должно принадлежать право решения – отпускать или не отпускать девиц в семью. Четыре начальницы были категорически против такого права, усматривая в нем возможность произвола, и т.д.

Как видим, в большинстве соображений начальниц институтов доминировали явно охранительные мотивы. Охранительно компромиссным было и решение, принятое 17 марта 1862 года: отпускать на летние каникулы всех воспитанниц, кроме двух старших классов; разрешение отпусков предоставить начальницам институтов, так же как и право лишать отпуска воспитанниц, «изменивших во время его к худшему в нравственном отношении». Более того, таковых воспитанниц начальница могла вовсе исключать из института [94, кн. 3, с. 321–323].

Это решение Главного совета было утверждено императрицей 12 мая 1862 года с небольшими изменениями: вся ответственность за последствия отпусков возлагалась на начальниц институтов; отпуска рассматривались не как «право», а как «награда» воспитанниц за успехи в науках и хорошее поведение; в отпуска не увольнялись воспитанницы лишь старшего класса, в последний год их пребывания в институте. Означенные правила об отпусках, что симптоматично, веле-но было нигде не публиковать.

По истечении двухлетнего испытательного срока, в конце 1863 года вновь были затребованы мнения начальниц институтов об отпусках. Отзывы их в целом повторяли то, что было высказано ранее. Даже соотношение противников и сторонников отпусков осталось прежним: 3 против 24. Собственно прежними остались и частные возражения о характере и порядке предоставления отпусков. На основании этого Главный совет женских учебных заведений нашел, что «замеченные начальницами недостатки составляют зло меньшее, чем совершенное отчуждение детей от родной семьи». Прежние правила были дополнены разрешением начальницам институтов сокращать время отпуска воспитанницам по их личному усмотрению. После вы-

сочайшего утверждения этих правил 17 мая 1864 года их решено было опубликовать.

Таким образом, *ровно через сто лет* после учреждения закрытых женских институтов двери их были чуть приоткрыты, и юные затворницы могли теперь, хоть изредка, но все же посещать семью.

Вопрос об отпусках воспитанниц институтов был вновь поднят в 1869 году по инициативе начальницы Полтавского института, предложившей отпускать воспитанниц домой на Рождество и Пасху. Это предложение снова вызвало бурную полемику в среде институтского руководства. Его противники считали, что «это немыслимое, вредное нововведение». Его сторонники указывали, что желание родителей и детей быть на праздниках вместе так усилилось и сделалось столь общим, что они выступают «как бы в соглашение противодействовать институту». Результатом этого нередко бывает то, что родители забирают детей из институтов и отдают их в открытые учебные заведения, что жалобам родителей на недозволение отпускать к ним детей сочувствует общество, «сильно расположенное теперь не столько к открытым учебным заведениям, сколько к принципу воспитания детей в семье».

Одно из высказанных по данному поводу мнений было чрезвычайно показательным. Оно, по существу, *ставило крест на самой идее, заложенной еще в XVIII столетии в основание закрытых женских институтов*. «Исторический опыт доказывает, – отмечалось в этом мнении, – что *нельзя создать новое лучшее поколение отделением его от старого, вырвав его из окружающей среды*; влияние ее сказывается помимо всех преград, проникает в стены заведения, берет свое, несмотря ни на какие предосторожности» [94, кн. 3, с. 345–346].

В итоге новые отпуска воспитанниц институтов, кроме старших классов, на Рождество и Пасху были высочайше утверждены 4 апреля 1870 года. Но при этом, опять же, не в виде «права», а в качестве «наград».

Несколько лет спустя вновь возник и первый вариант преодоления закрытости женских институтов, предложенный К.Д. Ушинским и отброшенный в 1860 году. Постепенное хирение провинциальных институтов на фоне растущих всеобщих открытых женских гимназий и прогимназий вынудило Мариинское ведомство разрешить доступ полупансионерок и приходящих учениц в ряд институтов, а некоторые из них преобразовать в полуоткрытые заведения. К 1880 году почти все институты были преобразованы в семиклассные с доступом полупансионерок и приходящих учениц.

Так постепенно под влиянием набирающих силу всеобщих открытых женских гимназий и прогимназий, под давлением общества и передовых педагогических деятелей *размывались старые основания институтского устройства*. Институты все более открывали свои двери для «среднего класса», все более либерализовали свой режим, частично смыкаясь с открытыми женскими учебными заведениями.

Третье основное направление реформирования институтов – реорганизация их местных советов – было гораздо менее успешным. Оно представляло собой скорее контрреформирование. Состав и права советов урезались. Общественные элементы из них удалялись. Институты укреплялись как **чисто государственный сектор женской школы** [24, с. 417].

Инициатором действий в данном направлении стала учрежденная еще в 1859 году Комиссия для преобразования коренных начал государственной отчетности. Эта комиссия, казалось бы, далекая от вопросов управления женскими учебными заведениями, приступив в 1862 году по указанию императора к пересмотру хозяйственного и административного устройства женских институтов, нашла вредным многочисленность и сложность состава их местных советов. Все члены этих советов, отмечала комиссия, «за исключением начальницы, имеют другие занятия по прямым своим обязанностям, причем звание членов институтских советов, как не приносящее никаких служебных выгод, становится для одних званием почетным, не влекущим за собою никакой ответственности, а для других – докучливым бременем, налагаемым на них начальником губернии».

Комиссия предложила образовывать советы губернских институтов из трех лиц: начальницы, инспектора классов и управляющего хозяйственной частью, с возложением на двух последних непосредственной ответственности по вверенной им части. Избрание и утверждение члена по хозяйственной части комиссия полагала предоставить Главноуправляющему женскими учебными заведениями Марининского ведомства. Относительно же инспектора классов в комиссии возникло два мнения – избирать его на конференции преподавателей института или назначать руководством Марининского ведомства.

Те же мнения высказывались и в Главном совете женских учебных заведений, но большинство его, включая председателя, сочло «вообще неуместным допускать избирательный принцип там, где дело идет о назначении прямого начальника над подчиненными». Члены Главного совета, стоящие на этой точке зрения, признавали «решительно невозможным согласиться на такой способ избрания тем более, что начальство бывает иногда вынуждено назначать новых инспекторов

классов именно с целью изменить состав учителей, где он оказывается не вполне благонадежным». 17 декабря 1866 года император утвердил эту точку зрения и, соответственно, новый состав институтских советов [24, с. 417].

Таким образом, вопреки расширению общественного участия в деятельности всеобщих открытых министерских женских гимназий, при которых уже с 1860 года действовали Попечительные советы с постоянно увеличивающимся числом членов – представителей различных обществ и сословий, в женских институтах были, напротив, предприняты решительные шаги к устранению из советов представителей общества, пребывавших здесь с XVIII века. То, что не удалось сделать в 1840-х годах Николаю I, который пытался вовсе упразднить эти советы, фактически сделал Александр II. Советы формально были сохранены, но в них уже не было ни тени общественного элемента. Советы стали сугубо бюрократической структурой, значительно более узкой по своему составу, чем даже Хозяйственные комитеты, учрежденные по Уставу училищ для приходящих девиц Ведомства учреждений императрицы Марии 9 января 1862 года.

Удаление общественного элемента из советов женских институтов вызвало резко негативную реакцию даже в дворянских кругах, которые давно уже требовали расширения своего участия в делах институтов. Еще в 1858 году нижегородское дворянство ходатайствовало об увеличении его влияния на дела местного института. В 1861 году с такими же ходатайствами выступило дворянство Казанской, Саратовской, Полтавской и Тамбовской губерний. Губернский предводитель тамбовского дворянства тогда, в частности, писал, что поскольку институт основан первоначально на средства дворянства, с помощью правительства, то дворянство не должно быть исключено из управления институтом, и «президентство» в институтском совете должно быть предоставлено предводителю дворянства. Ему также должна быть вверена и учебная часть, которой, под наблюдением президента и двух избранных дворянством членов совета, должны заведовать начальница и член совета по этой части. «Дворянство, – указывал предводитель, – как образованный класс всего легче может следить за ходом дела вообще и может лучше судить о том, что необходимо в институтском курсе».

Главный совет женских учебных заведений Мариинского ведомства тогда резко отклонил все эти ходатайства дворянства. По мнению Главного совета, удовлетворение данных ходатайств противоречило бы общепринятому во всех институтах порядку, напрасно увеличило бы и без того достаточный состав советов и повело бы к столкнове-

нию с институтским начальством, «*которое обязано действовать не по указаниям дворянства, а по уставу, инструкциям и Положениям, изданным для институтов*» [94, кн. 3, с. 315, 317; выделено нами. – Авт.].

Иными словами, создавая институты на средства дворянства и для его нужд, правительство предельно ограничивало его участие в институтских делах, ставя их под свой жесткий контроль. Государственно-бюрократические интересы и интересы «первенствующего сословия» здесь весьма резко расходились. И расходились, как видим, чем дальше, тем больше. С 1867 года в институтских советах вообще уже не было представителей дворянства.

В том же 1867 году казанское и саратовское дворянство, отметив не без негодования, что дворянское сословие вовсе отстранено от надзора за воспитанием девиц в институтах, ходатайствовало о введении представителей дворянства в состав институтских советов. При этом саратовское дворянство просило предоставить ему в лице губернского предводителя права попечительства над институтом «по примеру г.г. Демидова в ярославском лицее и Лазарева в Институте восточных языков».

Оба ходатайства были отклонены. В ответе же саратовскому дворянству было сообщено следующее: «Русское дворянство в лице таких своих представителей, как Демидов, Безбородко, Лазарев и многие другие, жертвовало громадные суммы на пользу просвещения, созидавая лицеи, институты, кадетские корпуса, но местное дворянство, сколько известно, никакого участия не принимает в управлении этими заведениями: благодарное потомство сохранило лишь за ними имена их основателей, а правительство удержало за собою право управления этими заведениями, как и прочими» [94, кн. 3, с. 345].

После известного рескрипта Александра II на имя министра народного просвещения графа Д.А. Толстого от 25 декабря 1875 года, в котором император признавал «несоответствующим цели» прежнее устройство управления народными училищами и призывал дворянство «стать на страже народной школы» [63, с. 76–77], дворянство Казанской, Саратовской и многих других губерний вновь обратилось с ходатайствами о предоставлении ему большего участия в делах женской школы Марининского ведомства. Но и на этот раз оно получило решительный отказ.

Зона общественного участия в сфере образования к этому времени уже была четко очерчена. Общество, в том числе и дворянство, допускалось в Училищные советы начальных народных училищ, в Попечительные советы министерских женских гимназий, т.е. в управ-

ленческие структуры *общественно-государственного сектора* образования. Но в его *государственный сектор*, к которому принадлежали мужская средняя и высшая школы, а также женские учебные заведения Марииинского ведомства, вход общественности был заказан.

В этом отношении женские институты в рассматриваемый период сделали крупный шаг назад. Реформаторские тенденции, заложенные К.Д. Ушинским в других сферах деятельности институтов, продолжали сохраняться, но в области управления этими учебными заведениями они были сломаны и заменены акциями откровенно контрреформаторского толка.

Общественное обсуждение законодательной базы и проблем среднего женского образования

С приходом к управлению Министерством народного просвещения в 1861 году видного деятеля либеральной бюрократии А.В. Головнина законодательная деятельность в области образования резко интенсифицировалась. При А.В. Головнине были проведены главные школьные реформы 1860-х годов: в 1863 году принят университетский Устав, в 1864 году – Устав гимназий и прогимназий и Положение о начальных народных училищах.

Новой, отличительной чертой «головнинского периода» руководства министерством, как отмечал С.В. Рождественский, «была широкая гласность, привлекавшая образованное общество к обсуждению важнейших преобразований по народному просвещению. По распоряжению министра помещались в журнале министерства и печатались отдельными книгами и брошюрами: выдержки из отчетов попечителей учебных округов и ревизоров о состоянии учебных заведений, проекты и предложения по учебной части, официальные и частные мнения и отзывы о них, сборники различных материалов, обзоры занятий совещательных органов министерства. В то же время было начато издание "Сборника постановлений" и "Сборника распоряжений по Министерству народного просвещения", заключающих в себе богатый материал по истории просвещения в России в XIX веке» [154, с. 397]. В целом, такой широкой гласности и такого широкого сотрудничества с общественностью не было во времена А.В. Головнина ни в одном другом российском министерстве и ведомстве.

Одним из наиболее ценных, представительных изданий, отражавших взгляды общественности, и в том числе педагогического сообщества, на проблемы школьного образования 1860-х годов, был издан-

ный в 1862 году шеститомный свод «Замечаний на проект устава общеобразовательных учебных заведений и на проект общего плана устройства народных училищ». Этот чрезвычайно важный, богатейший источник для анализа общественных взглядов на проблемы реформирования образования в 1860-х годах в советский период фактически выпал из поля зрения историков образования и педагогической мысли. Единственный, кто обратился к нему, был В.З. Смирнов – в монографии по реформе начальной и средней школы [160].

Для нашей темы этот уникальный свод замечаний представляет несомненный интерес, хотя проблематика женского образования не получила отражения в его названии. Представляет интерес, во-первых, потому, что в нем содержится множество мнений и предложений, связанных с совершенствованием Положения о женских училищах 1860 года. И, во-вторых, потому, что многие из этих предложений лягут в основу последующих законодательных актов в сфере женского образования – проекта Положения 1865 года и Положения о женских гимназиях и прогимназиях 1870 года. Кроме того, данный свод замечаний, имеющих в духе времени характер откровенный и критический, достаточно красноречиво раскрывает общие взгляды на характер женского образования, на причины, мешающие его развитию, на многие черты внутренней жизни женских учебных заведений.

Рассмотрим эти замечания по основным блокам жизнедеятельности министерских женских училищ.

Общие основания деятельности женских училищ. Авторы почти всех отзывов и предложений высказались в поддержку ***открытого и всесловного*** характера министерских женских учебных заведений. Говоря о вреде закрытой системы воспитания, Ученый комитет Министерства народного просвещения выражал «глубокое убеждение, что закрытые заведения, отрывающие детей от семейств, поддерживающие столь пагубную по своим последствиям беспечность родителей касательно воспитания детей, препятствующие развитию личности воспитывающихся и своим дисциплинарным характером воспитания приучающие ставить в каждом деле форму выше идеи, уже отжили свой век» [8, ч. 1, с. 5].

Из этого общего негативного отношения к закрытым учебным заведениям некоторые наиболее радикальные авторы замечаний делали весьма жесткие выводы. Так, педагогический совет Симферопольской гимназии предлагал вовсе закрыть привилегированные женские учебные заведения или преобразовать их в «нормальные», на одинаковых основаниях с другими. При этом отмечалось, что «сумма, употребляемая на содержание одного института, была бы достаточна для со-

держания пяти женских училищ». То есть вместо 30 институтов можно было бы создать 150 женских гимназий [8, ч. 2, с. 580–582].

Что же касается *всесловности* женских училищ, то многие авторы замечаний считали существенной ошибкой, что в Положении 1860 года нигде прямо не было сказано об этом, и требовали исправить этот недостаток во избежание недоразумений и злоупотреблений. Отсутствие этой важной нормы, указывал педагогический совет Ларинской гимназии, вело «к преграждению дороги в училища дочерям купцов и особенно мещан и ремесленников». Ибо, отмечал совет, «опыт доказал, что всюду, при открытии женских училищ, дворянство и, в уездных городах даже чиновничество, вопияли против этого нового рода заведений, и упорно отказывались содействовать их основанию, не стыдясь заявлять, что они считают унижительным для своего благородства сажать дочерей на одну скамью с поповками и мещанками» [8, ч. 4, с. 57].

Существенной новой чертой в официальном обсуждении проблем женского образования было массовое признание необходимости его полного *уравнения с мужским образованием*.

Попечительный совет Одесского учебного округа, «принимая во внимание, что для женщины точно так же необходимо основательное образование, как и для мужчины, и женские училища не должны стоять ниже мужских», предлагал сравнивать их как по учебному курсу, так и по названию [8, ч. 2, с. 503]. Подобное мнение было высказано педагогическими советами Кишиневской, Симферопольской, Полтавской, Ровенской, Поневежской, Новгород-Северской, Самарской гимназий. Педагогические советы Полтавской и Поневежской гимназий подчеркивали, что само название «женские училища I и II разряда как бы обособляет женское образование от мужского», а название их гимназиями и прогимназиями «способствовало бы идее уравнения их, которое и в самом деле лежит в основании нового устройства женских учебных заведений» [8, ч. 4, с. 281, 382, 386].

Говоря о необходимости уравнения женского образования с мужским, педагогический совет Ровенской гимназии отмечал, что «проходит время, когда думали, что женщине не нужно столько научных сведений, как мужчине, что ее единственное назначение – жена и мать». Совет Ровенской гимназии, педагогический совет Симферопольской гимназии и многие другие авторы замечаний требовали *открыть доступ женщинам в университет* и, более того, признать их «способными и достойными занимать места в государственной службе» [8, ч. 2, с. 3, 5].

Большой интерес представляло предложение педагогического совета Кишиневской гимназии об установлении четкой преемственности не только между женскими училищами II и I разряда, но и между последними и университетами, как это существовало в мужских учебных заведениях. С учетом открытия приготовительных классов при женских училищах это вело бы к созданию единой непрерывной восходящей линии женского образования.

Небезынтересна и попытка, предпринятая рядом авторов замечаний, в частности педагогическими советами Пензенской гимназии и Пензенского дворянского института, *ревизовать наличие в мужских гимназиях древних языков*, апеллируя к женским учебным заведениям. Поскольку, отмечали эти авторы, и мужские и женские учебные заведения имеют одну цель – общечеловеческое образование, а в курсе женских училищ, в отличие от мужских, нет древних языков, значит изучение последних «не необходимо для общечеловеческого образования» [8, ч. 2, с. 38, ч. 6, с. 71].

И совершенно новаторским для тех лет выглядело предложение педагогического совета Орловской гимназии о введении *совместного обучения* не только в начальной народной, но и в средней школе. «Школа, – отмечал совет, – должна готовить для совместной жизни мужчину и женщину; зачем же с юных лет разделять на несколько часов тех, которые во все остальное время не разделены?.. Проектированное министерством устройство женских училищ будет поддерживать кастовое разделение населения» [8, ч. 1, с. 281].

Финансирование женских учебных заведений. Положение 1860 года предусматривало, что женские училища учреждаются с разрешения попечителя учебного округа в городах, где представляется возможность обеспечить их существование *посредством общественных и частных пожертвований*. Иными словами, правительство полностью снимало с себя обязанности по поддержке министерских женских училищ и, как отмечал попечительный совет Московского учебного округа, всю заботу об основании этих училищ «и о постепенном их развитии возложило на общество» [8, ч. 1, с. 281].

По мнению многих авторов замечаний, плата за обучение являлась недостаточным источником финансирования женских училищ. Увеличение этой платы, подчеркивалось в замечаниях, идет только во вред училищам, затрудняя доступ в них бедных слоев населения. В большей части училищ I разряда плата составляла от 25 до 35 руб. в год за обязательные и необязательные предметы. В большинстве училищ II разряда плата за учение не была определена. Там, где она уста-

навливалась, плата была мизерной – до 8 руб. в год. В 21 из 74 этих училищ плата за обучение в 1864 году вовсе не взималась.

Авторы замечаний указывали на тот «знаменательный факт, что многие женские училища держатся кое-как потому только, что учителя в них или не получают вовсе содержания, или получают самое ничтожное». Более того, *учителя, не только преподавали даром, но и жертвовали на училища всем, чем могли*. «На такое самопожертвование учителей нельзя постоянно надеяться», – отмечали авторы замечаний и требовали дополнить «ненадежные и неустойчивые» средства женских училищ постоянным вспомоществованием от правительства.

Общее мнение сводилось к следующему: для поддержания и дальнейшего развития женских училищ необходимо назначить ежегодное пособие от казны, «в дополнение к тем главным средствам, которые по-прежнему должны покрываться местными общественными и частными пожертвованиями. Истина эта осознана и на западе: женские училища Германии и Швейцарии получают пособия от правительства и только те из них, которым производится это пособие, находятся в благоустроенном состоянии» [2, с. 291].

Многие авторы замечаний ставили вопрос еще резче, подчеркивая, что женские учебные заведения должны быть утверждаемы правительством совершенно на тех же основаниях, что и мужские. Педагогический совет Симферопольской гимназии отмечал: «Для женщин помощь правительства еще необходимее, чем для мужчин, ибо необходимость образования мужчин уже получила право гражданства в русском общественном мнении, а весьма многие, даже из среды образованных людей, готовы доказывать, что образование женщины роскошь, вовсе не нужная для той узкой роли, к какой предназначена в общественной жизни женщина. Чтобы изменить такое направление общественного мнения, – подчеркивал совет, – правительство должно стать во главе движения и по крайней мере на время взять на себя инициативу в деле воспитания русской женщины» [8, ч. 2, с. 582].

Этого, однако, не произошло. Пойдя на крайне незначительную поддержку женских учебных заведений при принятии Положения о женских гимназиях и прогимназиях 1870 года, правительство не сумело встать во главе движения. Инициатива в женском образовании, вплоть до падения самодержавия, продолжала оставаться в руках русского общества.

Предвидя эту ситуацию и не очень рассчитывая на вспомоществования правительства, многие авторы замечаний предлагали *различные способы налогообложения жителей в пользу женских училищ*: произ-

водить вычеты 2–3% из жалования всех должностных лиц империи; обложить всех землевладельцев взносом по несколько копеек с десятины принадлежащей им земли, за исключением «поселян и лиц податного состояния, ибо они должны содержать народные училища и школы грамотности»; увеличить гильдейские пошлины всех купцов на 2–3% в пользу женских училищ; ввести налог на недвижимость (от одного до десяти рублей с каждого дома) в городах, где предполагается учредить женское училище, и т.д. [8, ч. 1, с. 3].

Подобные предложения активно высказывались и в печати, что свидетельствовало об общественной озабоченности поисками дополнительных источников финансирования новых открытых высших женских учебных заведений.

Управление женскими учебными заведениями. Наиболее радикальное предложение относительно общей организации управления женскими училищами высказал педагогический совет Симферопольской гимназии. Предлагая, как уже отмечалось, закрыть все привилегированные женские учебные заведения, этот совет настаивал на необходимости *преодоления существовавшего дуализма в управлении женской школой* и на полном сосредоточении ее в Министерстве народного просвещения. Для реализации этого предложения потребовалось почти семьдесят лет.

Замечания по управлению женскими училищами можно в целом разделить на *три части*: проблема «многоначалия» в женских учебных заведениях; состав и функции их *попечительных советов*; *участие женщин в управлении* заведениями.

«Обилие начальства» в женских училищах вызвало, пожалуй, наибольшее число замечаний на Положение 1860 года. Имелось в виду их подчинение попечителю учебного округа, губернатору, почетной попечительнице, директору губернских училищ, Попечительному и Педагогическому советам и т.д. «Смесь начальств», «часто несходящихся между собою во взглядах, требованиях и распоряжениях», по мнению некоторых авторов, «парализовывала друг друга и мешала развитию училищ, находящихся под слишком обременительною для них, лишней опекою» [8, ч. 2, с. 435].

Безусловно, необходимость упорядочения управления женскими училищами и взаимоотношений между различными их «начальниками» была очевидной. Однако эта необходимость подчас использовалась как повод для упразднения Попечительных советов женских училищ, на чем настаивал в частности Учебный комитет Мариинского ведомства, требующий введения полного единоначалия в этих училищах. Отвергая подобные предложения и соглашаясь с необходимо-

стью упорядочить в женских учебных заведениях взаимоотношения начальственных лиц, Министерство народного просвещения объясняло саму необходимость многоначалия над женскими училищами условиями их существования. Тем, что не получая средств на свое содержание от правительства, они зависят главным образом от пожертвований частных лиц и обществ, интересы которых не могут быть не представлены в коллегиальных органах управления женскими училищами. Центральным из этих органов был Попечительный совет женского училища, вокруг которого и разгорелись основные споры.

Эти споры касались главным образом вопросов: *быть или не быть Попечительным советам*; сокращать или не сокращать их задачи и функции; кого и на каких условиях вводить в состав советов и кто должен возглавлять их.

Несмотря на немалое число выступлений, отвергающих пользу Попечительных советов женских гимназий, большинство авторов замечаний и само Министерство народного просвещения решительно выступили в их защиту. Ученый комитет Министерства народного просвещения, говоря о задачах создания Попечительных советов по Положению 1860 года, отмечал: «Допущение прямого участия представителей общества в заведовании учебными заведениями возбудит столь необходимое участие к ним самого общества, в настоящее время остающегося совершенно равнодушным к училищам, и тогда устранится важный недостаток нравственной связи между учебными заведениями и обществом» [8, ч. 1, с. 211–213].

Многие авторы замечаний конкретизировали эти соображения министерства, указывая на необходимость улучшения состава Попечительных советов женских училищ. Попечительные советы С.-Петербургского и Казанского учебного округов, педагогические советы Смоленской, Белоцерковской, 2-й Московской, Тверской, Олонецкой, Вятской, Костромской гимназий полагали: *большинство членов Попечительных советов женских учебных заведений должно принадлежать к тем сословиям, на счет которых содержатся эти заведения*; что именно эти сословия могут *сами выбирать* членов данных советов и *«без ограничения»* их числа; что в число выборных членов должны входить лица *«разных сословий, могущих усердием к распространению просвещения и материальными приношениями содействовать преуспеянию училища»* [2, с. 297; 8, ч. 2, с. 525].

Названные советы отмечали, что «в настоящее время нередко такие явления, что купеческое и мещанское общество отказываются от пожертвований в пользу женского училища и вообще холодно относятся к его делам лишь потому, что первенствующее значение в учи-

лицном совете принадлежит дворянству, выражая по этому поводу совершенно справедливое недовольство тем, что лица из их сословия жертвуют, а распоряжаются жертвуемыми деньгами дворяне» [2, с. 297].

По вопросу о представительстве в Попечительном совете женского училища во всех мнениях были высказаны замечания о неудобстве принятой системы, по которой председательство в совете предоставлено почетной попечительнице, а действительные обязанности председателя лежат на уездном предводителе дворянства, а где такового нет – на уездном судье. Последнее обстоятельство вызывало особое недовольство, так как фактически это означало, как отмечали авторы замечаний, «подчинение школы судам». В этом плане заслуживало внимания и получило дальнейшую поддержку в проекте 1865 года и в Положении о женских гимназиях и прогимназиях 1870 года предложение попечительного совета Московского учебного округа представить избрание председателя, сроком на один год, самим членам Попечительного совета женского училища.

Наиболее существенным был вопрос о сохранении или урезании *прав Попечительных советов*, предоставленных им Положением 1860 года. В отзыве попечительного совета Мариинского женского училища Харьковского учебного округа выражалась «покорнейшая просьба не стеснять драгоценного права, дарованного Попечительным советам Положением 1860 года, вести вверенные им заведения сообразно с потребностями общества, в котором члены совета живут и которому они призваны служить». Однако совершенно отчетливо обозначилась и линия на сокращение прав этих советов в выборе и назначении учителей женских училищ и в их влиянии на умственную и нравственную часть этих училищ.

Против последнего решительно возражал председатель Ученого комитета Министерства народного просвещения видный отечественный педагог А.С. Воронов, автор последующих законодательных документов о министерской женской школе. «Нельзя вполне согласиться, – писал Воронов, – с С.-Петербургским попечительным советом и советом Московского университета в том, чтобы наблюдение за умственным и нравственным образованием учащихся исключено было из обязанностей Попечительного совета женских училищ... По моему убеждению, наблюдение не есть еще руководство и составляет законное право Попечительного совета, служащего представителем тех сословий, которые пожертвованиями своими содержат училище». Другое дело, замечал Воронов, «что замечания Попечительного совета по вопросам, относящимся к учебной и воспитательной части, со-

общаются Педагогическому совету, и в случае разногласия с последним, представляются попечителю учебного округа для обсуждения в попечительном совете округа» [2, с. 300–301].

Новым моментом в организации управления женскими училищами были поднятые в замечаниях вопросы *о допуске женщин в состав Попечительных советов* и о расширении управленческих прав и полномочий этих советов. Решение первого вопроса имело немало сторонников. «Если воспитание женщины, – говорилось в одном из отзывов, – в настоящее время представляет насущную потребность, то тем большее участие в этом деле должны принимать женщины».

Другой автор ставил вопрос еще более решительно – *о месте женщин в высших органах управления*. «Кто будет заявлять особенные надобности женского воспитания? – спрашивал он. – Кто будет направлять и обсуждать то, что их касается? Женщины, положим, участвуют в Попечительных и Педагогических советах женских училищ, но в дальнейших инстанциях, в управлении окружном и министерском, участие женщин нам неизвестно». Автор считал необходимым допустить женщин к участию в работе попечительных советов учебных округов и Главного правления училищ Министерства народного просвещения [8, ч. 1, с. 244–245]. Это предложение также смогло быть реализовано только спустя почти семьдесят лет.

Вместе с тем в рассматриваемом своде замечаний отразилась и противоположная точка зрения на отношение к *женскому управленческому труду*. Педагогический совет 5-й С.-Петербургской гимназии полагал, «что женщины, как бы они ни были образованы, не имеют способности управлять учебным заведением». Педагогический совет Псковской гимназии выдвигал другие аргументы: «если авторитет в семье принадлежит отцу, то же должна заявлять и школа». По мнению этого совета, подчинение учителей-мужчин начальнице-женщине неестественно. Педагогический совет Кишиневской гимназии занимал более сдержанную позицию, считая, что женщине можно поручить лишь воспитательную часть заведения, поскольку в воспитании девочки «есть оттенки, недоступные мужчине» [8, ч. 4, с. 525–528].

Одновременно и с той, и с другой стороны – от сторонников и противников женского управленческого труда высказывались мнения о необходимости повысить *образовательный ценз начальниц женских училищ* – хотя бы до уровня свидетельств на звание домашней учительницы и поручить им преподавание ряда предметов по образцу директоров мужских гимназий. Последнее предложение не было поддержано Министерством народного просвещения. Однако, как свиде-

тельствовавший реальный опыт, основная часть начальниц женских училищ и их помощниц преподавали какой-либо предмет, большей частью русский и иностранные языки в младших классах.

Учебная часть женских училищ. Замечания по этой части сводились, главным образом, к *трем основным вопросам*: состав учебного курса и число основных предметов; срок обучения; объем преподавания по каждому учебному предмету.

Многие из авторов замечаний предлагали *расширить учебный курс средней женской школы*. Это расширение предполагалось производить тремя путями: а) введением иностранных языков, или, по крайней мере одного из них, в число обязательных предметов; б) расширением ряда курсов, в частности курса русской географии в училищах II разряда; в) введением различных дополнительных предметов – домашнее хозяйство, гигиена, гимнастика, педагогика и др.

Эти предложения встретили возражения А.С. Воронова, который полагал, что «вред многоученья мы уже испытали... а потому гораздо благоразумнее ограничиться немногим, но вести дело основательно» [2, с. 306–307].

Несколько иную, позитивно компромиссную точку зрения заняли попечительные советы Казанского и Харьковского учебных округов. Первый из них, признавая пользу многих дополняющих учебный курс предметов, тем не менее считал, «что нет надобности упоминать о них особенно в Положении, вводить в женские училища и другие предметы, непоименованные в составе учебного курса, и что в этом случае всего рациональнее *предоставить инициативу обществу или родителям*». Такое же мнение высказывал и Харьковский попечительный совет, полагая, что введение новых предметов следует предоставить Попечительным советам женских училищ, ибо «они не упустят и не замедлят прибавить к существующему курсу те, в которых возникнет потребность в обществе и вместе с тем представится возможность удовлетворить ей» [2, с. 306].

Эти предложения безусловно имели важное значение, поскольку, во-первых, давали возможность *применить учебный курс женских училищ к местным потребностям* и условиям и, во-вторых, *расширили права Попечительных советов* этих училищ, давая им возможность произвести данную педагогически целесообразную операцию. Однако, забегая вперед, отметим, что эти перспективные предложения не были учтены в последующих законодательных актах о министерских женских училищах.

Второй основной вопрос, относящийся к учебной части женских учебных заведений, касался увеличения *срока обучения* в них на один

год, т.е. превращение *шестилетних* училищ I разряда в *семилетние*. В пользу этого высказались попечительный совет Московского учебного округа, попечительные и педагогические советы Московских женских училищ, педагогический совет Кишиневской гимназии, а также само Министерство народного просвещения.

Что же касается третьего основного вопроса относительно определения *объема преподавания по каждому учебному предмету*, то министерство высказалось за создание единой «нормальной» таблицы часов для всех женских училищ и за подготовку особой инструкции по преподаванию учебных предметов. Они были введены соответственно в 1870 и в 1874 годах.

Педагогическая подготовка в женских училищах. Во всех замечаниях высказывалось единодушное мнение *о необходимости привлечь женщин к педагогической деятельности* и дать им для этого необходимую подготовку. Авторы выражали полную уверенность в том, что в этом отношении женщины могут удовлетворить всем требованиям, предъявляемым к мужчинам, особенно в начальных народных училищах.

Попечитель Одесского учебного округа А.А. Арцимович высказывал «глубокое убеждение в том, что женщина способнее мужчины для первоначального народного образования» и что «надо стремиться передать народные училища в руки женщин» [8, ч. 2, с. 503]. За допущение женщин к обучению в народных школах «с равным окладом с учителями» выступали попечители Харьковского и Казанского учебных округов, педагогические советы Екатеринбургской, 2-й Казанской, Архангельской и других гимназий.

Более того, в ряде наиболее смелых отзывов высказывались предложения *о разрешении женщинам преподавать в мужских прогимназиях*. А педагогический совет Нижегородской гимназии и Александровского дворянского института высказал даже мнение, чтобы право женщин на преподавание «было распространено и на все другие учебные заведения».

Таким образом, *мнение о праве женщины на педагогический труд*, тогда только входившее в общественное сознание, в педагогических кругах *становилось все более массовым*. Но никто в ту пору не мог прогнозировать, сколь быстрыми темпами женщина начнет «завоевывать» начальную народную школу. Забегая вперед, отметим, что уже в 1880 году среди учителей сельской школы Европейской России женщин было 20%. К 1911 году учительницы начальных народных училищ страны составляли 58,8% общего количества народных учителей.

Считая педагогическую подготовку крайне важной для всех учениц женских училищ, попечительный совет Московского учебного округа подчеркивал: «Большинству девиц по выходе из заведения предстоит воспитательная деятельность: одних ожидают обязанности матерей, других – готовить жизнь для чужой семьи. И то и другое требует разумного, сознательного ознакомления с началами педагогики и приемами дидактики... А потому было бы полезно, если бы, по крайней мере, те из воспитанниц, которые имеют в виду посвятить себя педагогической деятельности, могли бы еще в учебном заведении ознакомиться, хотя практически, с главными приемами преподавания, и если бы с этою целью, в течение последнего года учебного курса, некоторая часть учебного времени была посвящаема ими обучению в разных классах» [2, с. 309].

Подобные мнения в том или ином виде высказывались всеми участниками обсуждения данного вопроса. При этом особенно подчеркивалась необходимость уравнивания в правах выпускниц министерских женских училищ с воспитанницами учебных заведений Мариинского ведомства на получение свидетельств, дающих звания домашних наставниц и домашних учительниц.

Все эти мнения были наиболее полно обобщены А.С. Вороновым в ходе подготовки им проекта Положения о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения 1865 года.

«Вопрос о предоставлении прав наставниц и учительниц лицам женского пола, – писал Воронов, – чрезвычайно важен во многих отношениях, и важность эта особенно высказывается, если взглянуть на него с педагогической и социальной точки зрения». Воронов подчеркивал, что от неготовности женщины к выполнению своей воспитательной миссии «страдает все общество и все государство». «Отсюда логически вытекает необходимость заботиться» об ознакомлении женщин «с условиями воспитательного искусства». «Следовательно, – отмечал он, – особое педагогическое приготовление, независимо от общего образования, должно считаться необходимым условием для лиц, которые желают пользоваться правом учения и воспитания».

С социальной точки зрения, писал Воронов, этот вопрос не менее важен. «В последнее время вопрос о женском труде, об обеспечении женщин посредством труда, стал предметом размышления многих мыслящих людей; в числе разных поприщ, – отмечал Воронов, – которые могли бы открыться для труда женщин, одно из самых главных есть, без сомнения, воспитание общества; обращение на это поприще значительного числа женщин было бы большою помощью для нашего

образования, при недостатке в учителях, и вместе с тем предотврати-
ло бы развитие многих общественных пороков».

«Исходя из этих двух точек зрения – педагогической и социальной, – заключал Воронов, – я полагаю, что женскими училищами, независимо от доставления ими общего образования, необходимо воспользоваться, с одной стороны, как средством для приготовления учительниц для этих училищ и для частных домов, и с другой – для образования учительниц начальных народных училищ и вообще для первоначального учения» [2, с. 311; выделено нами. – Авт.].

Это была концептуальная программа развития женского педагогического образования в России на базе открытых сословных женских училищ, выстроенная одним из видных деятелей либеральной бюрократии и одновременно крупным русским педагогом А.С. Вороновым, который в то время был председателем Ученого комитета Министерства народного просвещения. Она отразила в себе передовые общественные взгляды и настроения прогрессивного образовательного сообщества. Спустя двадцать лет, в период второй волны школьных контрреформ, эта программа вызовет резкую критику реакции, которая безуспешно попытается пресечь как педагогическую подготовку в женских гимназиях, так и уже широко развившееся, благодаря ей, женское педагогическое образование.

Технологическая часть этой программы, мало знакомая исследователям, также была детально прописана А.С. Вороновым и впоследствии в крайне сокращенном виде вошла в законодательные документы о женском образовании. Она включала в себя следующие позиции:

«1. Женские училища, кроме цели общего образования, имеют еще специальную цель приготовления: а) наставниц для частных домов и женских училищ I и II разряда и б) первоначальных учительниц для частных домов и учительниц начальных народных училищ.

2. На специальный курс для желающих получить звание наставниц и учительниц назначается, сверх семилетнего обучения, восьмой дополнительный год.

3. Слушающие специальный курс разделяются на два разряда: к первому принадлежат окончившие полный курс женского училища I разряда и приготовляющихся в наставницы для частных домов и женских училищ; второй разряд составляют лица, знающие курс женских училищ II разряда и имеющие в виду получение звания начальной учительницы или учительницы в начальном народном училище.

4. Воспитанницы первого разряда слушают в течение годичного своего приготовления особый курс педагогики и дидактики, занимаются под руководством учителей ближайшим усвоением главных

учебных предметов, входящих в состав полного курса женских училищ I разряда, и сверх того, упражняются в практическом преподавании, под руководством учителей, в низших классах училища.

5. Признанные способными к преподаванию и выдержавшие теоретическое испытание в пройденных ими предметах получают, по окончании года, звание домашней наставницы, дающее право на занятие мест наставниц в частных домах и учительниц в женских училищах I и II разряда.

6. Воспитанницам II разряда преподается также курс педагогики и дидактики, сообщаются более подробные сведения в одних обязательных предметах курса женских училищ II разряда; практикою преподавания они занимаются или в приготовительном классе, если таковой состоит при женском училище, и в женском начальном училище, находящимся в том же городе, или, наконец, в случае неимения последнего, в первом классе женского училища под руководством учителей.

7. По истечении года, им выдаются, при соблюдении условий, означенных выше... свидетельства, дающие право на звание начальных учительниц и учительниц начальных народных училищ» [2, с. 314–315].

Эти подробные правила, составленные А.С. Вороновым, не вошли полностью ни в проект 1865 года, ни в Положение о женских гимназиях и прогимназиях 1870 года. Ни в том, ни в другом документе не было упоминаний о разделении специального педагогического курса на два разряда и о содержании педагогической подготовки в каждом из них. Вместе с тем *сформулированная А.С. Вороновым общая концепция педагогической подготовки в женских учебных заведениях была принята законодательными актами* и, что еще важнее, она *уверенно вошла в реальную жизнь* министерских женских гимназий и прогимназий и определила их плодотворную деятельность в этом направлении.

Подготовка и принятие Положения о женских гимназиях и прогимназиях 1870 года

К середине 1860-х годов развитие средней женской школы, подвешенной Министерству народного просвещения, сделало уже существенные шаги. Спустя шесть лет после создания первых министерских училищ, т.е. в 1864 году их насчитывалось 107 с 7818 учащимися. Из них училищ I разряда – 33 (4000 учащихся) и училищ II

разряда – 74 (3818 учащихся). В отличие от мариинских женских учебных заведений располагались они в основном не в столицах и не национальных окраинах, а в русской провинции – в губернских и уездных городах.

По количеству учащихся и их социальному составу министерские женские училища I и II разрядов существенно различались между собой. В первых, более крупных учебных заведениях, расположенных преимущественно в губернских центрах, преобладали дочери дворян и чиновников. В училищах II разряда, которые находились в уездных городах и были значительно меньше по числу учащихся, дочерей дворян было крайне мало. Большинство учащихся здесь составляли дочери купцов и мещан, редко встречались и дети из крестьянского сословия.

Помимо новых открытых всесословных женских училищ в ведении министерства находились частные женские учебные заведения. После снятия в 1857 году существовавших ограничений на развитие частного образования количество их значительно возросло и стало даже превышать число новых средних женских школ. В 1864 году таких учебных заведений было 179 с 7377 учащимися. Из них: женских училищ I разряда – 51 (3095 учащихся) и училищ II разряда – 128 (4282 учащихся). Большинство частных женских училищ I разряда находилось в столицах: 19 – в С.-Петербурге и 11 – в Москве. Там же находилась и четверть училищ II разряда (31 и 128), остальные располагались в провинции [По проекту «Положения о женских гимназиях и прогимназиях» // РГИА. Ф. 1149. Оп. VI. 1866. Д. 40в. Л. 4–4об; далее указываются листы данного архивного дела].

Таким образом, общее количество средних женских учебных заведений Министерства народного просвещения в 1864 году *в пять раз превышало* число закрытых женских институтов и открытых гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии. Если же сравнивать только открытые женские учебные заведения, возникшие одновременно в 1858 году в министерстве и Мариинском ведомстве, то число министерских открытых женских школ в 1864 г. было в 10 раз больше, чем мариинских. Темпы развития – несравнимые, особенно если учесть, что министерские открытые училища создавались на общественные средства, мариинские же – на счет казны.

Иными словами, среднее женское образование в своей основе создавалось и выстраивалось как **НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ СЕКТОР** отечественной школы. При этом – как ее *первый* неправительственный сектор. Позднее как неправительственные и общественно-государственные секторы российской образовательной системы будут

выстраиваться начальное народное, профессиональное, внешкольное, дошкольное образование, высшие женские курсы, отчасти и сама высшая школа (в конце XIX – начале XX столетия). Такое двойное построение пореформенной образовательной системы России – со стороны общества и правительства – отчетливо придает этой системе характер **ГОСУДАРСТВЕННО-ОБЩЕСТВЕННОГО ФЕНОМЕНА**, со сложным сплетением – противоборством его государственной и общественной составляющих.

Срок действия Положения о женских училищах Министерства народного просвещения, утвержденного 10 мая 1860 года на три года и позже высочайшим повелением продленного еще на три года, истекал 10 мая 1866 года. В связи с этим министерство приступило к разработке нового проекта Положения о женских гимназиях и прогимназиях на основе ранее проведенного широкого общественного обсуждения прежнего Положения, и в марте 1865 года внесло новый проект на рассмотрение Государственного совета. Одновременно, поддерживая рождавшиеся традиции гласности, оно опубликовало проект в «Журнале Министерства народного просвещения».

Этот проект выпал из поля зрения историков педагогики. Между тем он сыграл исключительно важную роль в развитии женского образования. Новый проект Положения о женских гимназиях и прогимназиях в значительной мере опирался на мнения и предложения, высказанные в ходе предшествовавшего широкого обсуждения законодательной базы и состояния женского образования. И в этом смысле он был, во-первых, плодом коллективной мысли педагогического сообщества и, во-вторых, представлял собой существенное теоретическое развитие законодательства о женском образовании.

Вместе с тем время отчетливо наложило на проект свои следы. Начавшийся спад общественного движения и ужесточение правительственной политики сделали проект более жестким и усилили в нем правительственное влияние на среднюю женскую школу. Однако масштабы того и другого еще не давали оснований рассматривать проект как контрреформаторский. Напротив, это было дальнейшее развитие реформы женского образования, но развитие, где приобретения уже переплетались с очевидными потерями.

Главное, что было зафиксировано в проекте закона, и причем зафиксировано *впервые*, – что «женские гимназии и прогимназии составляют *открытые* учебные заведения, *назначенные для детей всех сословий*» [Л. 17 об.; выделено нами. – *Авт.*]. Эту ключевую позицию закона его автор А.С. Воронов обосновывал следующим образом: «Женские училища Министерства народного просвещения с са-

мого учреждения их были открытыми учебными заведениями, предназначенными для всех сословий; этот характер они должны удерживать за собой и на будущее время... Учреждение женских учебных заведений, которые бы, не различая детей с родителями, давали детям образование основательное и не превышающее их средств, является мерою первой необходимости... В женские гимназии принимаются дети всех сословий на том же основании, как и в мужские гимназии. Но кроме того, здесь есть на то еще *особенные причины*. Мужские гимназии содержатся исключительно правительством; *содержание же гимназий и прогимназий женских падает преимущественно на общие средства местных жителей, а потому на ученье в них имеют одинаковое право дети всех сословий*» [Л. 17 об.–18; выделено нами. – Авт.].

Таким образом, здесь заявлялась и закреплялась вторая основная идея предшествующих Положений о женских училищах, особенно поддерживаемая прогрессивным министром народного просвещения А.В. Головниным, а именно – необходимость «оставить за женскими училищами преимущественно характер *общественных* учебных заведений, содержимых на счет пожертвований и взносов местных сословий, обществ и частных лиц, вместе с тем самую организацию их управления соединить все сословия и общества к учреждению, поддержанию и развитию сих заведений» [154, с. 456–457; Д. 40в, л. 5; выделено нами. – Авт.].

Подчеркивая общественный характер новой женской средней школы, *проект 1865 года* тем не менее *впервые* решительно ставил вопрос о необходимости ее *финансовой поддержки со стороны правительства*. При этом проект ссылался как на результаты общественного обсуждения, так и на зарубежный опыт, в частности на пример Германии и Швейцарии. В объяснительной записке к проекту давался даже примерный расчет потребных средств: для гимназий – 2000 руб., для прогимназий – 1000 руб. Ежегодные расходы на 50 женских гимназий и 50 прогимназий должны были составлять 150 тыс. руб. «Сумма эта, – как отмечалось в объяснительной записке, – слишком незначительна в сравнении с теми плодотворными результатами, которые явились бы для общества от распространения основательного женского образования» [Л. 20 об.].

Однако и эта «слишком незначительная сумма» не была тогда выделена правительством. Лишь спустя пять лет, вторично «пробивая» через Государственный совет Положение о женских гимназиях и прогимназиях, новый министр народного просвещения Д.А. Толстой до-

бился выделения названной суммы, аргументируя ее необходимость уже сугубо охранительными соображениями.

Проект 1865 года воспринял также идею, высказанную в ходе общественного обсуждения, о создании в губерниях особых *временных комитетов* для изыскания средств к открытию новых женских гимназий и прогимназий. Повторяя почти дословно аргументацию в пользу этих комитетов, высказанную ранее попечительным советом Московского учебного округа [8, ч. 1], объяснительная записка к проекту 1865 года отмечала: «Общее число женских училищ I и II разряда у нас еще весьма незначительно сравнительно с числом городов... Объяснить этот факт исключительно недостатком сознания потребности в женских училищах было бы несправедливо; главная причина тому – отсутствие инициативы в нашем обществе, разделение членов его, неумение начать, обсудить и довести до конца... общепольное дело. А потому, без всякого сомнения, было бы полезно учредить в каждой губернии временные комитеты, которые имели бы исключительную обязанностью приискание средств для открытия новых женских гимназий и прогимназий» [Л. 20 об.–21].

Малозаметна, но весьма характерна одна деталь, касающаяся названных временных комитетов. Проект ограничивал их назначение только «изысканием средств» для женских учебных заведений. Тогда как в ходе предшествовавшего обсуждения Попечительский совет Московского учебного округа ставил вопрос о последующей трансформации этих комитетов в Попечительные советы женских училищ, тем самым делая их работу не абстрактной, а осмысленной и заинтересованной, более того, ответственной, поскольку Попечительные советы играли решающую роль в жизнедеятельности женских учебных заведений. Эта, казалось бы, незначительная модификация шла в общем русле ущемления роли Попечительных советов женских училищ в проекте 1865 года.

По новому проекту существенно сужались права общественности – в лице Попечительного совета и права педагогического персонала женских учебных заведений – в лице их педагогических советов. Первые лишались: права выбора учителей и учительниц, которое передавалось исключительно директору училищ, и права наблюдения за умственным и нравственным образованием учащихся, которое отходило к педагогическому совету. В свою очередь, и педагогический совет существенно обрзился в правах: он уже не мог самостоятельно составлять программы преподавания и выбирать руководства, распределять предметы преподавания по классам и т.д. Все это отходило

теперь к компетенции «высшего учебного начальства» в лице директора училищ, попечителя учебного округа и министерства.

Проект Положения 1865 года концентрировал всю учебно-воспитательную часть женских гимназий и прогимназий в руках губернского директора училищ, а там, где его не было, – в руках штатного смотрителя училищ. На них возлагались функции председателя педагогического совета. В прямом подчинении у директора или смотрителя находилась и начальница женского училища, которая осуществляла непосредственное заведование училищем. Проект повышал требования к образовательному цензу начальниц. Они могли выбираться только из числа лиц, имеющих «звание, по крайней мере, домашней учительницы». Это требование распространялось и на воспитательниц [Л. 22 об.–23].

Министерское влияние на управление женскими учебными заведениями закреплялось тем, что они передавались «исключительно главному ведению попечителей учебных округов с освобождением начальников губерний от обязанности участвовать в управлении сими учебными заведениями» [Л. 21]. Тем самым на верхнем уровне снималось то «многочашие» над женскими училищами, которое подвергалось резкой критике практически всех участников предшествовавшего общественного обсуждения. Проект проводил этот шаг, не только не стремясь ущемить губернаторов, но, напротив, доказывая пользу для них такого решения, поскольку прежняя система, по словам авторов проекта, была «слишком обременительна для начальников губерний» [Л. 21].

Вместе с тем, последовательно и настойчиво укрепляя в новом законе влияние Министерства народного просвещения на женские гимназии и прогимназии, проект не мог не учитывать той главной идеи, положенной в их основание, о которой выше шла речь, – общественного характера этих учебных заведений, содержимых преимущественно на общественные и частные средства. То есть – **необходимость стимулирования общественного элемента** в выделении этих средств. И в этом отношении новый проект делал **существенный шаг вперед** в сравнении с Положением 1860 года.

Объяснительная записка к проекту 1865 года подчеркивала два основных несовершенства прежнего состава и способа комплектования Попечительных советов женских училищ. Во-первых, по Положению 1860 года ведущую роль в нем играли так называемые «непременные члены» – уездный предводитель дворянства или лицо его замещающее (он же председатель совета), директор или штатный смотритель училищ и городской голова или бургомистр. И во-вторых, эти «не-

пременные члены» сами избирали четырех «выборных членов» из представителей различных сословий. Подобный состав и способ комплектования Попечительных советов, отмечалось в объяснительной записке к проекту 1865 года, «подает поводы не к сближению, а к разъединению женских училищ с обществом», ибо «такой совет не может служить представителем всех местных сословий при училище» [Л. 22].

В проекте нового Положения предусматривалось, «чтобы члены Попечительного совета *избирались теми сословиями и обществами, на счет которых содержатся гимназии и прогимназии*, и чтобы затем в числе непременных членов находились только директор или штатный смотритель училищ и начальница гимназии или прогимназии». Таким образом, следуя за замечаниями, высказанными в ходе обсуждения Положения 1860 года, новый проект мягко удалял дворянский и судейский элемент из состава Попечительных советов женских учебных заведений, повторим, одновременно укрепляя и в них и в целом в этих заведениях влияние элемента министерско-бюрократического. Это направление особенно усилилось при новом министре Д.А. Толстом, который всегда относился с недоверием к дворянству с его притязаниями и абсолютно во всем предпочитал управляемое бюрократическое начало.

Еще одним шагом в демократизации Попечительных советов женских училищ было введение выборности председателя совета из среды его членов. Правда, при этом председатель избирался всего на один год, что в значительной мере делало его марионеткой в руках директора губернских училищ. В дальнейшем, как будет отмечено позже, автору проекта А.С. Воронову удастся увеличить срок деятельности председателя совета до трех лет.

Существенные изменения вводились новым проектом и *в учебную часть* женских училищ. Наиболее позитивными из них были, *во-первых, увеличение срока обучения в училищах I разряда с шести до семи лет*, так как, по словам объяснительной записки, «опыт показал уже, что шестилетний срок крайне недостаточен для того, чтобы учащиеся могли усвоить себе основательно предметы преподавания». И *во-вторых, стремление к уравнению женского образования с мужским*, что получило отражение не только в изменении состава учебного курса, но и в самом наименовании женских училищ гимназиями и прогимназиями. Здесь проект закреплял то, что уже произошло в общественном сознании, отмечая, что «в обществе нашем за училищами I разряда уже установилось название женских гимназий» [Л. 18 об.].

Принципиально было и то, что проект однозначно констатировал, «что женские училища первого разряда соответствуют мужским гимназиям, а училища второго разряда – мужским прогимназиям» [Л. 18 об.; выделено нами. – Авт.]. Это разъяснение имело чрезвычайно важный смысл. Оно переводило женские прогимназии из статуса повышенной начальной школы (ранее женские училища II разряда приравнивались к мужским уездным училищам) в статус неполных средних учебных заведений. Соответственно женские прогимназии преодолевали тупиковость. Они приобретали возможность «вертикального» роста – преобразования в женские гимназии, что впоследствии вызовет жесткие нападки на них реакционных сил. И в то же время прогимназии могли выстраиваться «горизонтально» – рядом с женскими гимназиями как самостоятельные учебные заведения, теснейшим, органическим образом с ними связанные. В проекте Положения прямо подчеркивалась эта *преемственность женских гимназий и прогимназий* и отмечалось, что курс женских гимназий заключается «в себе курс прогимназий с дальнейшим его развитием и дополнением» [Л. 27].

Новому положению женских прогимназий способствовало и значительное расширение их учебного курса. Изучение русского языка не ограничивалось теперь только грамматикой, дополнительно вводилось объяснительное чтение; к русской истории присоединялся «географический обзор всех частей света»; в арифметику, помимо первых четырех действий, вводилось понятие о дробях и т.д. [Л. 27].

Цивилизованно, без тупиков, выстраивая двухъярусную систему женского образования, министерство вместе с тем и здесь, в учебной части, проводило определенными педагогическими средствами ту же линию на усиление своего влияния, как это делало оно и в сфере управления женскими учебными заведениями. Прежде всего оно стремилось поставить в этих заведениях все дело преподавания под свой контроль.

«Новое Положение, – отмечалось в объяснительной записке к проекту, – признает необходимым определить объем преподавания и число учебных часов по каждому предмету. В настоящее время учителя женских училищ, как показал опыт, не стесняются никакими точными указаниями извне, увлекаются своими собственными взглядами, предпочтением той или другой части науки, упуская из виду необходимую соразмерность частей, не соображаясь с уделенным для каждой временем, или с большею или меньшею важностью той или другой для женского образования. К этому следует прибавить, что и самое число часов по каждому предмету не было назначено и совер-

шенно зависело от усмотрения местных педагогических советов училищ. Следствием такого порядка явилась неопределенность преподавания, неполнота и отсутствие всякого единства, делающие училища одного и того же рода мало похожими друг на друга» [Л. 19 об.–20].

С этой «вольницей» министерство намерено было кончать и вводить достаточно строгую регламентацию. Сама по себе определенная регламентация, безусловно, необходима. Но чиновник от образования, вводящий регламентацию, всегда балансирует на острие ножа. Как показал исторический опыт, издержки регламентации многократно хуже издержек свободы преподавания.

Новый проект Положения о женских гимназиях и прогимназиях явно предпочитал строгую регламентацию. Он впервые вводил «таблицу недельных уроков» в женских учебных заведениях и главное – заявлял о необходимости создания министерской инструкции, которая должна была определить «объем преподавания по каждому предмету» [Л. 20].

Опасность такой инструкции изначально предопределялась тем, что проект стремился дать «преподаванию более практический характер, применяясь к назначению женщины» [Л. 19 об.]. Эта установка, *во-первых*, вступала в явное противоречие с продекларированной в проекте задачей выравнивания женского и мужского образования. И *во-вторых*, несла в себе угрозу отбрасывания женской школы назад, ко временам императрицы Марии Федоровны, когда особенно старательно подгоняли женское образование под специфически понимаемое «назначение женщины». О том, что подобная угроза была более чем реальна, свидетельствовали неизменные, заявленные в первом же параграфе проекта цели женских гимназий и прогимназий – «сообщить учащимся в них то религиозно-нравственное и умственное образование, которое необходимо для каждой женщины и в особенности для будущей жены и матери семейства» [Л. 25].

Одним из важнейших и ценнейших нововведений проекта 1865 года было **учреждение специального восьмого педагогического класса в женских гимназиях** для «приготовления желающих к должности наставниц и учительниц». Это нововведение (которое двадцать лет спустя вызовет особенно ожесточенные атаки со стороны реакции, попытавшейся, правда безуспешно, похоронить педагогические классы) объяснительная записка к новому проекту обосновывала наиболее тщательно и детально, выдвигая *три основных аргумента*.

Первый аргумент. «Важность новой меры, принятой в Положении, – отмечалось в записке, – не может подлежать никакому сомнению. На женщине... лежит обязанность воспитывать... но чтобы жен-

щина получила возможность исполнять добросовестно эту свою обязанность, для этого мало ей одного желания, а надобно дать ей и средства и умение воспитывать. Отсюда ясна важность для каждой женщины, будущей матери семейства, какого бы звания она ни была, приобрести не только знания, но и ознакомиться с главными условиями воспитательного искусства, или что то же, важность в известной степени педагогического образования».

Второй аргумент. «Если применить этот вопрос к воспитывающимся в наших женских гимназиях, предлагаемая мера становится необходимою. Большинство воспитанниц наших гимназий составляют дети лиц недостаточного состояния, будущность которых ничем не обеспечена. *Образование составляет для них единственный капитал*, который может спасти их от нищеты в будущем, если им не выпадет на долю безбедная семейная жизнь; капитал этот обращается в большей части случаев на педагогическую деятельность в звании гувернанток или домашних учительниц. Понятно после этого, что особое педагогическое приготовление для таких лиц делается не только полезным, но и необходимым и спасает их в будущем от многих промахов, которые неизбежны в лицах, берущихся за непривычное для них дело».

Наконец, **третий аргумент.** «Нельзя к этому не присовокупить, что *в числе разных поприщ, которые могли бы открыться для труда женщины, одно из самых главных, без сомнения, есть воспитательное поприще*; обращение к нему значительного числа женщин было бы, при недостатке в учителях, *большою помощью для нашего образования* и вместе с тем предотвратило бы развитие многих общественных пороков, порождаемых недостатком женского труда» [Л. 19; выделено нами. – Авт.]

В этих строках объяснительной записки к проекту 1865 года без труда виден почерк известного деятеля женского образования, крупного отечественного педагога А.С. Воронова. И быть может, именно в этой части проекта был заложен *наиболее значимый его социально-педагогический потенциал*. Не случайно, повторим, именно эта часть проекта, вошедшая в Положение о женских гимназиях и прогимназиях 1870 года, вызвала наибольший натиск реакции в период второй волны школьных контрреформ в 1880-х годах.

Неразрывно с данной проблемой был также связан и *впервые решаемый в проекте вопрос о правах воспитанниц* женских гимназий на получение званий домашних наставниц и домашних учительниц, а для воспитанниц прогимназий – званий первоначальных учительниц и учительниц начальных народных школ. Принципиально в этом от-

ношении министерские женские гимназии уравнивались, наконец, с мариинскими учебными заведениями. Однако условия получения указанных званий, сама процедура их присвоения в министерских женских гимназиях и прогимназиях оставались более усложненными, чем в учебных заведениях Ведомства учреждений императрицы Марии [Л. 23 об.].

Наконец, заметным достижением проекта 1865 г. было более *четкое определение прав учителей женских учебных заведений*, в частности уравнивание их с правами, «по чинопроизводству и пенсии» с учителями мужских гимназий. Пользу этой меры объяснительная записка к проекту 1865 года видела в том, что она «даст возможность женским гимназиям иметь своих особых учителей, а не зависеть в этом случае от мужских гимназий и училищ, к немалому ущербу для собственных успехов» [Л. 23].

Иными словами, этот важный шаг, с одной стороны, полагал конец безжалостной эксплуатации энтузиазма и дарового труда учителей мужских учебных заведений в женских училищах. И с другой стороны, – главное – *создавал реальные предпосылки для формирования самостоятельного педагогического корпуса женских гимназий и прогимназий*. Дело оставалось за малым: добиться уравнивания жалования учителей мужских и женских учебных заведений. И здесь с новой остротой вставал нерешенный на этом этапе вопрос о необходимости финансовой поддержки женских гимназий и прогимназий со стороны правительства. Не содержания их за счет казны, а именно поддержки, причем весьма незначительной.

Таким образом, как видно из проведенного впервые анализа проекта Положения о женских гимназиях и прогимназиях, этот проект представлял собой достаточно сложный и противоречивый документ, причудливо сплетающий в себе как очевидные позитивные, так и негативные моменты. Это обстоятельство было вызвано двойным давлением на проект – со стороны передовой педагогической общественности и со стороны правительства, постепенно ужесточающего свой политический и в том числе образовательный курс.

Вместе с тем не менее очевидным было и то, что ***вектор рассматриваемого проекта по-прежнему был направлен в сторону реформы женского образования. Реформаторская линия была в нем доминирующей. Более того, проект делал ее восходящей.*** Реформирование отечественного женского образования с помощью нового проекта не только продолжалось, но расширялось и углублялось.

На очереди был следующий, завершающий шаг. Но делать его пришлось уже в принципиально новых условиях. 14 апреля 1866 года,

спустя неделю после каракозовского выстрела, министр народного просвещения А.В. Головин был отправлен в отставку. На смену ему пришел его давний недруг и политический противник граф Д.А. Толстой. Рассмотрение проекта нового Положения в Государственном совете было отложено. Вернулись к нему спустя четыре года, повторим, в совершенно иных условиях, когда усилиями Д.А. Толстого уже поднималась первая волна школьных контрреформ.

Это не могло не сказаться на судьбе нового Положения о женских гимназиях и прогимназиях. Однако парадокс времени состоял в том, что основные идеи проекта 1865 году удалось не только сохранить, но и развить. Это произошло благодаря А.С. Воронову, который явился автором и проекта 1865 года, и Положения 1870 года.

Мы столь подробно остановились на анализе проекта 1865 года по двум причинам. *Во-первых*, это был самый крупный и самый значимый за все предшествующее время шаг в теоретическом и практическом развитии российского законодательства о женском образовании. Шаг, повторим, оставшийся незамеченным в историко-педагогической литературе. И *во-вторых*, потому, что текст этого проекта фактически стал основой будущего Положения о женских гимназиях и прогимназиях 1870 года, которое определило характер и направления развития среднего женского образования в России вплоть до 1917 года. Положение 1870 года дословно повторяло текст проекта 1865 года, внося в него лишь некоторые изменения и дополнения. Это обстоятельство также выпало из поля зрения историко-педагогической литературы, между тем, как будет отмечено ниже, оно весьма характерно и имеет принципиальное значение.

Однако сначала обратимся кратко к тем событиям, которые предшествовали утверждению Положения о женских гимназиях и прогимназиях 1870 года.

Вступив в управление Министерством народного просвещения 14 апреля 1866 года, граф Д.А. Толстой уже в том же году осмотрел женские учебные заведения Московского и Казанского учебных округов и представил Александру II соответствующий доклад. Резко, до прямого искажения истинного положения дел, сгущая в этом докладе краски относительно «крайнего упадка» женского образования и «охлаждения к нему сочувствия общества», Д.А. Толстой одновременно упорно проводил мысль, что женское образование заслуживает самого ревностного попечения правительства. Министр аргументировал эту мысль *откровенно охранительными соображениями*. «Женщина, – писал он, – приготовляющаяся быть матерью семейства и воспитывать будущих граждан государства, только тогда может в действи-

тельности исполнить эти обязанности с пользой для последнего, *если воспитание ее будет направлено сообразно с видами и желаниями благомыслящего правительства, которое, для достижения этой цели, должно иметь и возможность и право следить за женскими учебными заведениями в такой же мере, как оно может следить за мужскими».*

Выражая крайнее сожаление по поводу того, что женское образование в этом отношении изначально, с конца 1850-х годов, находилось в льготном положении, Д.А. Толстой объяснял это «ложное положение» ошибками в образовательной политике, и в частности – отказом от финансирования женских учебных заведений. «Правительство, – писал он, – не содействуя ничем устройству и содержанию женских училищ, лишило себя этим самой возможности контролировать в достаточной степени производящееся в них воспитание и стесняло себя в своих действиях относительно направления женского образования к желаемым целям».

В своем докладе императору министр предлагал также «упростить систему местного управления женскими учебными заведениями, *дав первенствующий голос в этом деле правительству».* Иными словами – устранить или, по крайней мере, урезать влияние общественного элемента в управлении женским образованием. Он считал необходимым «составить окончательный устав этих заведений» и «принять энергичные меры» к выделению им пособий от казны в размере 150 тыс. рублей в год (цифра, ранее названная А.С. Вороновым). На докладе Д.А. Толстого Александр II написал «совершенно согласен» [РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 55. Л. 24–34] Однако понадобилось еще четыре года после этой резолюции императора, прежде чем Министерство финансов соблаговолило выделить средства на женские учебные заведения, к тому же в размере, в три раза меньшем – 50 тыс. рублей.

Между тем, в отличие от правительства многие вновь создаваемые земства, уже сразу после их учреждения в 1864 году, охотно пошли на финансовую поддержку министерских женских училищ. Среди первых были Пензенское, Вятское, Тульское, Симферопольское, Херсонское и другие земства. Крупные суммы в пользу женского образования выделили и ряд городским дум – Московская, Смоленская, Нижегородская и другие. Эти общественные действия наглядно дезавуировали заявления Д.А. Толстого об «охлаждении сочувствия общества» к женскому образованию.

Ранее мы уже отмечали, что *два основных фактора способствовали становлению и развитию всеобщих открытых женских*

училищ Министерства народного просвещения – **общественная инициатива, общественные средства и безвозмездный труд учителей в этих училищах**. «Если училища существуют, – писал по этому поводу попечитель С.-Петербургского учебного округа, – то потому, что учителя преподают за весьма незначительную плату, а иногда и даром». Этот, по сути, даровой, благородный учительский труд на благо женского образования тоже был «усомнен» министерством Д.А. Толстого с точки зрения охранительных соображений – как неподлежащий контролю. «Трудно быть требовательным к даровому труду, – отмечало министерство, – даже неудобно требовать надлежащего направления. Контроль учебной власти по необходимости должен смотреть снисходительно, пропускать многое молча...» Выход из этого министерству виделся все тот же – дать правительственные субсидии женским школам и побудить их учителей преподавать «как надо».

В своей борьбе за правительственные субсидии женским учебным заведениям Д.А. Толстой не останавливался перед прямым шантажом Министерства финансов. В 1869 году, пугая это министерство крайне неблагоприятным состоянием женских училищ, Д.А. Толстой писал, что их финансовая поддержка «вызывается экономическим расчетом для правительства, так как в случае закрытия существующих ныне женских училищ, правительство поставлено будет в необходимость все содержание этих училищ принять на свой счет» [94, кн. 3, с. 214, 217].

Наконец, в январе 1870 года, т.е. через шесть лет после того, как министром А.В. Головинным был впервые поставлен вопрос о настоятельной необходимости пособия от казны женским учебным заведениям, представление о нем было-таки рассмотрено в Государственном совете. На этот раз министерство испрашивало всего 50 тыс. рублей на 1870 год, с увеличением этой суммы «по мере средств государственного казначейства», но «не свыше 150 тыс. рублей». Государственный совет поддержал это представление, но потребовал предварительно составить правила о расходовании запрашиваемых сумм. Эти правила и проект нового Положения о женских гимназиях и прогимназиях Д.А. Толстой внес на рассмотрение Государственного совета 28 февраля 1870 года.

Как и вся предшествующая история реформирования министерских женских училищ, предыстория Положения 1870 года, да и само это Положение не рассматривались ранее в историко-педагогической литературе; документы же Государственного совета, связанные с данным Положением, вовсе не попадали в поле зрения исследователей.

Между тем этот законодательный акт 1870 года весьма специфичен, поскольку он стоял на рубеже двух эпох – школьных реформ 1860-х годов и первой волны школьных контрреформ 1870-х годов.

Наступившая новая эпоха школьного контрреформаторства не могла не отразиться на Положении о женских гимназиях и прогимназиях. Но это «отражение» в силу ряда причин, о которых речь пойдет ниже, оказалось значительно меньшим, чем можно было предполагать. Хотя вкуче с теми изменениями, которые уже были внесены в проект 1865 года и которые существенно сокращали сферу общественного участия в женском образовании, права Попечительных советов женских учебных заведений, отрицательные тенденции нового Положения были весьма существенны.

В сравнении с проектом 1865 года, Положение 1870 года вносило ряд негативных моментов, преимущественно в сферу управления женскими учебными заведениями. Круг действий их педагогических советов еще более сужался: совет был лишен права выбора книг для библиотеки и права рассмотрения и одобрения программ преподавания по каждому предмету. Эти вопросы по новому Положению входили в компетенцию «высшего учебного начальства» (по проекту Положения о женских гимназиях и прогимназиях ведомства Министерства народного просвещения...) [Ф. 1149. Оп. VII. 1870. Д. 45. Л. 12 об., 17; далее указываются листы данного архивного дела]. В состав Попечительных советов частных женских учебных заведений вводились, чего не было ранее, в качестве «непременных членов» директор мужской гимназии или штатный смотритель и начальница училища [Л. 16 об.]. От начальницы, как и от надзирательниц, теперь не требовались свидетельства на звание домашней учительницы, на чем настаивал проект 1865 года. Но это снижение образовательного ценза в сравнении с проектом 1865 года «компенсировалось» в Положении «высотой» власти, назначавшей начальниц: в женских гимназиях – министром народного просвещения, в прогимназиях – попечителем учебного округа. Все эти меры очевидно были направлены к усилению влияния министерства на женские гимназии.

Новое Положение восстанавливало и влияние начальников губерний на женские учебные заведения – в качестве их почетных попечителей, но избавляло губернаторов от ранее имевшейся у них обязанности изыскивать средства для женских училищ. С этой целью губернаторами создавались специальные комитеты, которые, в отличие от проекта 1865 года, были уже не временные, а постоянные и которые должны были изыскивать средства не только для открытия новых женских школ, но и для поддержания существующих [Л. 11 об.]. То

есть функции этих комитетов значительно расширились, что в итоге делало их одним из важных механизмов для приискания средств в губернии на пользу женского образования. Ранее о каждой женской школе вынужден был заботиться лишь ее Попечительный совет. Это был небольшой, но позитивный шаг вперед.

Таким же шагом было и избрание председателя Попечительного совета женского училища не на один год, как предусматривалось в проекте 1865 года, а на три года [Л. 13]. Без сомнения, это способствовало более успешной и профессиональной работе председателя Попечительного совета и определенным образом избавляло его от неизбежной зависимости, при краткосрочном пребывании в должности, от произвола и давления чиновников Министерства народного просвещения.

Кроме этих частных изменений, Положение 1870 г. содержало и **ряд крупных, существенных позитивных нововведений.**

Первое. В первом же параграфе Положения указывалось, что женские гимназии и прогимназии **открыты для всех сословий** [Л. 15]. Министерство и ранее постоянно подчеркивало всесословный характер своих женских учебных заведений. В проекте 1865 года всесословность впервые предлагалась как норма закона. Но эта норма была помещена в глубь проекта (параграф 32) и потому не выглядела основополагающей. Теперь же она открывала Положение как *фундаментальный, базовый принцип построения женских учебных заведений.*

Второе. Как это ни покажется странным и даже парадоксальным, в Положении впервые не указывалась *цель образования*, с чего обычно начинались все предшествовавшие законодательные акты о женском образовании, включая и проект 1865 года. В этом проекте, как уже отмечалось, целью женского образования считалось – «сообщать учащимся то религиозно-нравственное и умственное образование, которое необходимо для каждой женщины и в особенности для будущей жены и матери семейства». Умолчание об этой цели, весьма вероятно, свидетельствует о попытке авторов Положения 1870 года, и прежде всего А.С. Воронова, расширить предназначение и задачи женских учебных заведений, открывая простор для широкой педагогической деятельности их выпускниц после окончания гимназий и прогимназий. Положение объективно уходило от прежней узкой направленности женского образования и расширяло сферу его социальной значимости.

Третье. В этой же связи существенным позитивным шагом Положения 1870 г. было **значительное расширение самой сферы женско-**

го педагогического труда, выведение его за пределы начальной народной школы.

Уже в «Соображениях» к проекту 1865 года, как отмечалось выше, детально обосновывалось значение женского педагогического труда. В этом отношении данный проект учитывал и развивал те замечания, которые были высказаны в ходе предшествовавшего обсуждения Положения 1860 года. В самом же проекте указывалось, что преподавателями и воспитателями женских прогимназий, помимо учителей мужских учебных заведений, могли быть лица, имеющие звания домашних наставниц и домашних учительниц. Положение 1870 года высказывалось на этот счет еще более определенно: «В прогимназиях и в низших трех классах гимназий преподавание поручается *преимущественно*, где окажется возможным, лицам женского пола» [Л. 17 об.; выделено нами. – Авт.].

Это было, по существу, *первым официальным разрешением на участие женщин в преподавательской деятельности средних женских учебных заведениях*. Правда, Положение, в отличие от проекта 1865 года, не предусматривало обязанности создания восьмого педагогического класса при всех женских гимназиях, а оговаривало только, что он «может быть учрежден» [Л. 15]. Но отметим, что это ограничение, отчасти вызванное реальными трудностями создания при всех гимназиях дополнительного педагогического класса, в какой-то мере компенсировалось двумя поправками, внесенными Государственным советом в Положение 1870 года. Во-первых, эти поправки устанавливали более фундаментальный двухгодичный курс обучения в восьмом дополнительном педагогическом классе женских гимназий [Л. 42 об.]. И во-вторых, они снимали ограничения в получении прав на звание первоначальных учительниц и учительниц народных училищ [Л. 43 об., 49], заложенные в Положении 1870 года.

В целом все это создавало для выпускниц женских гимназий и прогимназий достаточно широкие возможности участия в разнообразной педагогической деятельности. И именно данное обстоятельство стало одним из главных, если не главным объектом нападков так называемой комиссии М.С. Волконского, созданной в 1884 году с целью контрреформы женского образования, о которой речь пойдет позже.

Четвертое. Важнейшим приобретением Положения о женских гимназиях и прогимназиях 1870 года было *увеличение срока обучения в женских учебных заведениях*. Проект 1865 года предусматривал увеличение учебного курса гимназий с шести до семи лет. Положение, сохраняя эту позицию, делало еще один дополнительный шаг

вперед, предоставляя прогимназиям, «где окажется в том надобность иметь и более 3-х классов, дабы содействовать таким образом постепенному преобразованию их в полные женские гимназии» [Л. 9; выделено нами. – Авт.].

Это дополнение имело *капитальное значение* для развития женского образования в России. Проект 1865 года, как уже отмечалось, существенно расширял права женских прогимназий. Положение 1870 года закрепляло право на увеличение их учебного курса и, более того, стимулировало, подталкивало преобразование прогимназий в полные женские гимназии, т.е. в полноценную среднюю женскую школу. Этот момент стал вторым основным объектом нападков указанной комиссии Волконского, которая считала, что надо было сохранить тупиковые женские училища II разряда с элементарным, укороченным курсом, оторванные от гимназий, а не создавать прогимназии, преемственно связанные с гимназиями как их низшие классы [Ф. 1149. Оп. XI. 1894. Д. 12. Л. 3–3 об.].

Государственный совет, рассматривавший проект Положения о женских гимназиях и прогимназиях на заседании соединенных Департаментов законов и государственной экономии 2 апреля 1870 года, внес также ряд существенных поправок, улучшавших данный законодательный акт. Журнал этого заседания Госсовета представляет собой политически и профессионально-педагогически осмысленный, продуктивный документ. Знакомство с ним еще раз наглядно убеждает, что отсутствие до настоящего времени в поле зрения историков образования документов высших правительственных учреждений (олицетворявших коллективный разум сановной бюрократии и далеко не всегда разделявших точку зрения Министерства народного просвещения) – значительная лакуна в изучении образовательной политики правительства, существенно искажающая общую картину политической истории российского образования.

О двух поправках Государственного совета к Положению, касающихся восьмого педагогического класса и расширения прав воспитанниц женских учебных заведений, уже говорилось выше. Не менее существенны были и другие поправки.

Так, в первый параграф Положения Госсовет внес дополнение, что женские учебные заведения открыты *не только для всех сословий, но и для всех вероисповеданий* [Л. 42 об.]. Кроме того, на фоне общего ущемления прав Попечительных советов женских гимназий весьма серьезной выглядела поправка, значительно расширяющая влияние этих советов, а именно – отнесение к их ведению «определения размера жалования начальницы и прочих должностных лиц в гимназии и

прогимназии» [Л. 43]. Это давало в руки Попечительных советов всемогущий и действенный инструмент влияния на жизнедеятельность женских учебных заведений.

Педагогически осмысленным и перспективным выглядело также предложение Государственного совета, до настоящего времени не потерявшее свою актуальность, отнести «к числу поименованных предметов ведения педагогического совета... *определение объема задаваемых каждым учителем уроков*, так как опытом дознано, что несоблюдение в сем отношении надлежащей соразмерности между отдельными предметами ведет иногда к несоответственному обременению учеников» [Л. 43].

Государственный совет подчеркивал, что «в прогимназии плата за ученье должна быть взимаема в меньшем размере, чем в гимназии», что вызывается «необходимостью открыть возможность к воспитанию дочерей и людям менее достаточным, обыкновенно желающим для них образования, менее законченного, нежели получаемое в гимназиях» [Л. 43]. Вместе с тем Госсовет полагал, что в прогимназиях, в силу тех же причин, курс учения должен иметь «направление возможно практическое и соответствующее потребностям небогатого класса людей». Для этого предлагалось, чтобы обучение арифметике было «по возможности приспособлено к ведению счетов» и чтобы воспитанницы обучались лишь тем рукоделиям, которые необходимы «в обыкновенном домашнем быту» [Л. 43].

Все эти предложения Государственного совета были учтены в Положении о женских гимназиях и прогимназиях, которое получило высочайшее утверждение 24 мая 1870 года.

Подведем итоги. Положение о женских гимназиях и прогимназиях 1870 года представляло собой весьма своеобразный феномен, рожденный на стыке школьных реформ и контрреформ, что определило его противоречивый характер, но с преимущественно *позитивной доминантой*. Корни этого Положения уходили глубоко в эпоху реформ, и в силу этого оно представляло собой *своеобразное «скрещении» реформаторских и контрреформаторских тенденций* – своего рода запоздалую школьную реформу в условиях уже начавшихся образовательных контрреформ и одновременно – самую мягкую из этих контрреформ, что и вызвало резкую, ожесточенную атаку на нее уже через несколько лет после ее проведения. И особенно – в период второй волны школьного контрреформаторства.

Истоки этого «скрещення» заключались в двух основных обстоятельствах. *Во-первых*, в глубокой внутренней противоречивости и непоследовательности реформаторской деятельности правительства в

1860-х годах (и не только в сфере образования), что выражалось, в частности, в перманентном накоплении негативных тенденций в проектах реформ по мере их аппаратной переработки и движения к статусу закона. (Это накопление подчас делало размытыми, неразличимыми границы между реформаторским и антиреформаторским характером некоторых правительственных акций.) И *во-вторых*, в сохраняющейся во второй половине 1860 – начале 1870-х годов инерции эпохи реформ, резко стимулировавшей, при всей ее противоречивости, процессы модернизации страны.

Эти процессы продолжали «расширять», и достаточно интенсивно, наиболее узкие места российской жизни, идя навстречу острейшим ее потребностям. В сфере образования на рубеже 1860–1870-х годов такие потребности особенно сказывались в женской школе, пребывавшей ранее в эмбриональном состоянии. И потому здесь у Д.А. Толстого хватило здравого смысла не противопоставлять себя, как во всем остальном, А.В. Головнину, а сомкнуть две образовательные эпохи – «свою» и «головнинскую». Но сомкнуть с максимальным политическим использованием противоречивости разработок предшественника в сфере женского образования.

В данной сфере ломовые приемы были неприемлемы. Эта сфера напрямую затрагивала интересы не только средних, но и верхних слоев общества, которые в 1860-х годах впервые обрели широкие возможности для образования женской половины своих чад. Ведь по признанию самого ведомства просвещения, существовавшие дотоле немногочисленные закрытые женские учебные заведения были «предназначены для одного сословия дворян и чиновников, да и из них доступны далеко не всем». На короткой исторической дистанции от этих обретений всякие действия по реорганизации женского образования неизбежно требовали сдержанности и осмотрительности. И это не могло не сказаться на действиях министерства Д.А. Толстого.

Основу Положения 1870 года и соответственно – последовавшей реорганизации женских учебных заведений ведомства просвещения составил, как уже отмечалось, проект, подготовленный председателем Ученого комитета министерства А.С. Вороновым в 1865 году, на излете головнинских образовательных реформ (что, повторим, осталось незамеченным в историко-педагогической литературе). Положение 1870 года, по сути, воспроизводило этот проект, внося в него ряд как позитивных, так и негативных изменений. Эти изменения и представляли собой ту прозрачную границу между реформаторскими и контрреформаторскими интенциями Положения, которая открывала возможность использовать его в различных целях.

Поскольку Положение 1870 года, как и проект 1865 года, с одной стороны, сохраняло общественный характер женского образования, а с другой, – вводило в механизм его функционирования и развития ряд государственных ограничений, этот «государственно-общественный» компромисс на данном этапе и удовлетворял Д.А. Толстого. Тем более что, помимо управленческих, правительство вводило и некоторые другие ограничители, в частности финансовые рычаги воздействия на женские учебные заведения в виде пособий им от казны.

В реальной жизни, однако, эти заложенные в Положение 1870 года государственные ограничители не сработали. Пособия от казны оказались столь мизерными, что «финансовый пакет» оставался в руках Попечительных советов, за которыми сохранялась задача «изыскания и развития материальных средств» для женских учебных заведений. А это в значительной мере облегчало Попечительным советам, которые действовали «по уполномочию общественному», их влияние на внутреннюю жизнь «сих заведений». Не случайно, как уже отмечалось, в многочисленных земских ходатайствах 1870–1890-х годов перед правительством энергично ставился вопрос об «уравнении прав общест-венности» в управлении мужской и женской средней школой. Но в «мужской монастырь» общественность так и не была допущена. Здесь безраздельно властвовало ведомство просвещения.

Характерной чертой Положения 1870 года о женских гимназиях и прогимназиях было то, что оно вводилось только в земских губерниях центральной России (в С.-Петербургском, Московском, Харьковском, Казанском и Одесском округах), а также в Черниговской и Полтавской губерниях, в Западной и Восточной Сибири. Национальные окраины не попадали под действие Положения 1870 года. Здесь правительство выстраивало женские учебные заведения на принципиально иных основаниях: без всякого общественного участия, за казенный счет. Министерство народного просвещения в этом деле не было новатором, оно лишь повторяло то, что давно было отработано Мариинским ведомством, создававшим в тех же национальных районах свои женские школы на тех же основаниях.

Отчет министра народного просвещения за 1870 год четко разделял министерские женские школы на две категории – подпадавшие и не подпадавшие под действие Положения 1870 года. К первой категории на тот момент относилась 151 школа, в том числе 43 гимназии, 79 прогимназий и 29 училищ II разряда. Педагогические курсы были учреждены при десяти гимназиях – Костромской, Харьковской, Нижегородской, Казанской, Самарской, Вятской, Таганрогской, Херсонской, Николаевской и Тверской.

Стоимость содержания 146 из этих школ (по остальным не было сведений) составляла 477498 руб. 22 коп. В этой сумме затраты казны (50 тыс. руб.) составляли 10%, расходы земств (77379 руб.) – 16,2%, расходы городских обществ (113074 руб.) – 23,7%. Остальная половина средств (50,1%) складывалась из платы за обучение.

Ко второй категории относилось 28 женских школ (14 гимназий и 14 прогимназий); из них – 22 в Царстве Польском. Стоимость содержания только этих 22 женских школ составляла 210956 руб. в год. Иными словами, годовая стоимость каждой из них была 9589 руб., которые полностью оплачивались казной. Тогда как стоимость женских учебных заведений, на которые распространялось Положение 1870 года, составляла: одной гимназии – 6451 руб. и одной прогимназии – 1157 руб. [94, кн. 3, с. 221–222]. Из которых, повторим, казна тратила только 10% средств. Такова была финансовая цена национальной политики Министерства народного просвещения в области женского образования. Не говоря уже о цене социально-политической и социально-педагогической.

Создание и развитие женских епархиальных училищ

Итак, к концу 1870-х годов в России сложились *три основных канала среднего женского образования*: закрытые женские институты Мариинского ведомства; открытые женские гимназии Мариинского ведомства; открытые женские гимназии и прогимназии Министерства народного просвещения. Последние занимали лидирующую роль. Рядом с этими тремя каналами едва теплился *четвертый* – женские школы духовного ведомства. Созданные, как отмечалось ранее, в 1840–1850-х годах, они подразделялись *на два типа: училища для девиц духовного звания*, состоящие под покровительством императрицы (к 1855 году их было всего 4 – Царскоесельское, Ярославское, Казанское и Иркутское), и более элементарные по учебному курсу – *епархиальные училища* (которые к тому же 1855 году были открыты за счет духовенства только в четырех епархиях – Полоцкое, Симбирское, Смоленское и Харьковское).

В конце 1860-х годов под влиянием общего движения в поддержку женского образования возросло и количество губернских епархиальных училищ. Однако рост этот был небольшим и достаточно стихийным. Число епархиальных училищ к 1870 году не превышало 20. Среди вновь открытых были такие училища, как Астраханское, Воронеж-

ское, Вятское, Кишиневское, Нижегородское, Полтавское, Таврическое, Уфимское, Черниговское и ряд других.

В первое время духовное сословие в массе своей не сочувствовало созданию епархиальных училищ, главным образом потому, что эти училища учреждались на средства местного духовенства, без каких-либо пособий от казны и Синода. Однако среди руководящих деятелей церкви в 1860-х годах сложилось твердое убеждение в необходимости таких училищ. Как отмечал в 1861 году епископ архангельский Нафанаил, в настоящее время «нельзя не чувствовать настоятельной и неотложной нужды в доставлении образования девицам духовного звания». По его мнению, «только от образованных девиц можно ожидать полного облагораживания домашнего быта духовенства, только от образованных священнических жен можно ожидать надежной нравственной поддержки самим священникам среди грубого сельского общества; самое воспитание собственных детей и приготовление одних к училищу, других к жизни пойдут правильнее в руках образованных матерей. Тогда и повсеместно, по занятиям в учреждаемых сельских школах, особенно для крестьянских девочек, священники найдут лучших сотрудниц в членах женского пола своего семейства». Не менее важную задачу образования дочерей духовенства преосвященный Нафанаил видел и в том, что «образованные жены духовенства могут ослаблять своим просвещенным вниманием предрассудки, пороки и преданность к расколу, по крайней мере, в женской половине народа» [158, с. 9–101].

В этих суждениях архангельского епископа, пожалуй, наиболее полно отразились как ожидания верховных деятелей церкви, связанные в 1860-х годах с епархиальными училищами, так и их взгляды на самые цели этих училищ. В тот период каждое из таких училищ действовало по собственному уставу, и во многих из этих уставов цели образования выходили далеко за пределы тех, что были очерчены при создании в 1843 году первого Царскосельского училища для девиц духовного звания, – «воспитание достойной супруги Алтаря Господня». Показательно, что во многих уставах немаловажное место занимало указание на будущее педагогическое предназначение воспитанниц епархиальных училищ.

Между тем сами эти училища в 1860-х годах, как справедливо отмечал их официальный историограф А. Кузнецов, «не имели характера правильно организованного учебного заведения». Они были «неодинаковы по своему назначению – одни были училищами в прямом смысле слова, а другие – более приютами и сировоспитательными учреждениями (учреждениями для сирот. – *Авт.*). «Естественно и

внутренний строй этих училищ и уставы их были довольно разнообразны» [90, с. 2].

Едиственной объединяющей их чертой был *закрытый* характер этих учебных заведений, на чем настаивало большинство преосвященных. Заложенное же изначально *чисто сословное предназначение епархиальных училищ* в 1860-х годах, в эпоху господства в образовании всесословных идей, *существенно пошатнулось*. В Уставе ряда училищ, в частности Нижегородского, к обучению допускались и светские воспитанницы как «в видах сближения сословий и духовном направлении в образовании их», так и ради усиления финансовых средств училища. Во многих случаях второе прагматическое соображение было преобладающим.

В период полемики об отпусках воспитанниц в закрытых женских институтах Мариинского ведомства, о которой подробно говорилось ранее, мнения многих руководителей духовенства, прежде ревностно отстаивавших закрытый характер епархиальных училищ, помягчали. И если в 1859 году исправляющий должность обер-прокурора св. Синода князь Урусов категорически выступал против отпусков воспитанниц епархиальных училищ, то в 1862 году многие преосвященные высказали мнение, что «замкнутое воспитание разобщает с жизнью и вредно влияет на нравственное настроение и физический организм». Ярославский епископ, в частности, отмечал, что «шестилетнее безысходное пребывание в училище» лишает «девиц дорогого для их возраста блага – свидания с родителями и жизни в семействе» и ослабляет «связь с семьей и прежним бытом их». Он предлагал ввести полноценные летние каникулы в епархиальных училищах и отпускать воспитанниц домой на Рождество и Пасху.

Это мнение поддержал и обер-прокурор св. Синода Ахматов, который отмечал, что «в настоящее время положительно доказано и всеми признано, что с *воспитанием в закрытых школах обыкновенно соединяются весьма важные педагогические неудобства*, особенно для бедных людей». В числе этих неудобств Ахматов указал и на дороговизну закрытых учебных заведений и то, что успехи детей, оторванных от семейного быта, ниже, чем в открытых школах. «Вообще, – отмечал обер-прокурор, – нет основания учреждать закрытую школу в то время, когда все существующие подобные школы ожидают преобразования в открытые, каковы и повсюду теперь заводимые, так называемые женские гимназии» [94, кн. 3, с. 358–360].

Таким образом, женские училища духовного ведомства в 1860-х годах не избежали влияния *двух основных идей времени в женском образовании – открытого и всесословного характера вновь созда-*

ваемых женских учебных заведений. Однако, как показывает последующее развитие епархиальных училищ, это влияние было не очень значительным. Даже в 1895 году, в период, когда число так называемых иносословных воспитанниц в этих училищах было максимальным (2040 из 13617), оно составляло всего 15% общего числа их учениц. Что же касается внутреннего устройства епархиальных училищ, то они так и не стали открытыми, оставаясь вплоть до 1917 года полузакрытыми учебными заведениями.

С другой стороны, не избежали епархиальные училища в 1860-х годах и влияния национально-охранительной идеологии образовательной политики правительства. «Причина открытия женских духовных училищ сначала в западных епархиях, – справедливо отмечал Д.Д. Семенов, – находится в зависимости от политических соображений, выступавших наружу особенно во время польского восстания».

Во всеподданнейшем докладе за 1863 год, подготовленном Западным комитетом, говорилось: «Православное духовенство Западного края, ввиду принадлежащей ему деятельности и того влияния, которое оно должно оказывать на местное народонаселение в деле укрепления его единства, по духу религии и народности, с остальной частью русского государства, требует, кроме материального обеспечения, особой заботливости в отношении образования... Развитая образованием женщина духовного сословия могла бы быть великою нравственною силою в крае, где и воспитание и образование духовного юношества находятся в очень неудовлетворительном состоянии». Между тем, «по недостатку специальных заведений, женский пол православного духовенства в Западном крае или остается при одном домашнем воспитании, более чем скудном, или же получает несогласное с духом православия и русской народности образование в местных светских учебных заведениях, содержимых почти исключительно лицами неправославного исповедания и нерусского происхождения. Влияние этого образования оказывает чрезвычайно вредные последствия не только на семейный быт, но и на самую пастырскую деятельность православных священников» [158, с. 35].

Таким образом, многие епархиальные училища, как и значительная часть женских институтов и гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии, выступали в 1860-х годах (следуя традициям, заложенным еще в 1830-х годах) прямым орудием национально-охранительной политики власти, в том числе и образовательной политики. С 1870-х годов, как отмечалось в предыдущей главе, к этому национально-охранительному просвещенческому отряду прибавится и часть женских гимназий Министерства народного просвещения – 28

женских средних школ так называемой второй категории, не подпадавших под действие Положения 1870 года.

Достаточно разношерстное состояние епархиальных училищ, каждое из которых функционировало, как уже указывалось, в соответствии с собственным уставом, побудило руководство Синода приступить к разработке общего, единого для них устава. 9 июля 1867 года новый обер-прокурор Синода граф Д.А. Толстой, бывший тогда одновременно и министром народного просвещения, поручил Учебному комитету Синода подготовить такой устав, проведя полную унификацию и внутреннего строя, и учебно-воспитательной части епархиальных училищ. При этом Д.А. Толстой особенно подчеркнул: «Крайне нужно, чтобы Комитет назначил учебники для каждого предмета преподавания женских училищ» [90, с. 2, 3].

Такой устав женских епархиальных училищ вскоре был разработан и 20 сентября 1868 года получил высочайшее утверждение. Цель этих училищ, по уставу, была значительно шире той, что ставилась в 1843 году перед училищами для девиц духовного звания. Устав указывал, что женские епархиальные училища имеют своей целью «воспитание девиц в правилах благочестия по учению православной церкви и в русском народном духе, с тем, чтобы воспитанницы могли впоследствии иметь благотворное влияние на окружающую среду строго нравственную жизнью и деятельным исполнением семейных обязанностей» [158, с. 29].

Источниками поддержания этих училищ являлись: сбор с церкви и монастырей, отчисление из средств епархиальных свечных заводов, сборы с доходов епархиального духовенства, пособия от епархиального попечительства и, наконец, плата за обучение и содержание воспитанниц. Как видим, почти все средства училищ были местные – епархиальные или частные.

В соответствии с такой системой финансирования училищ выстраивалось и *управление* ими. Училища состояли в ведении святейшего Синода и управлялись на *трех местных уровнях*.

Верхний уровень олицетворялся епархиальным архиереем, который по отношению к епархиальным женским училищам пользовался той же властью, какая была предоставлена попечителям учебных округов по отношению к гимназиям, – вплоть до утверждения в должности всех служащих при училище.

Второй местный уровень составлял ежегодный съезд епархиального духовенства. Его ведению подлежали: попечение об изыскании средств к содержанию училища; наблюдение за его благосостоянием по части хозяйственной, учебной и нравственной; выбор из своей

среды двух членов в училищный совет на трехлетний срок; избрание и назначение начальницы училища; определение жалования начальнице и всем служащим и т.д. И хотя все определения съезда получали окончательную силу лишь после утверждения епархиального архиерея, нельзя не признать, что сфера полномочий съезда была весьма широкой и весомой.

Третий уровень управления составлял училищный Совет, которому принадлежало непосредственное и ближайшее заведование епархиальным училищем. Совет состоял из начальницы училища, инспектора классов и двух членов от духовенства. При обсуждении вопросов по учебной части на заседание совета приглашались, с правом голоса, преподаватели и преподавательницы, за исключением воспитательниц, учителей чистописания, пения и врача. Ведению училищного совета принадлежали дела как *учебного характера*, так и *хозяйственного*. По словам Д.Д. Семенова, «совету уставом было придано подобающее значение. Даже выбор инспектора, законоучителя и преподавателей предоставлялся совету (хотя, повторим, все они окончательно утверждались в должности епархиальным архиереем. – Авт.)... даже начальница, которой, при содействии классных воспитательниц, вверено преимущественно религиозно-нравственное воспитание, и та обязана о всех делах по училищу входить со своими предположениями в совет. Вообще, – отмечал Д.Д. Семенов, – во всем строе заведения был строго проведен коллегиальный принцип, чему нельзя вполне не сочувствовать» [158, с. 31, 32].

Как видим, в управлении министерскими женскими гимназиями и епархиальными училищами было немало общего, обусловленного требованиями и характером времени – эпохи реформ. Общий подход к финансированию тех и других учебных заведений за счет местных средств диктовал и общие принципы управления, с достаточно широким представительством местного элемента. Правда, в первом случае этот элемент был чисто общественный, во втором – преимущественно духовный. Но нельзя не согласиться с официальным историком епархиальных училищ А. Кузнецовым, что Устав 1868 года предоставлял епархиальному духовенству «широкие права в управлении епархиальными женскими училищами» и в то же время создавал «необходимые условия для осуществления этих прав». Позднее в период контрреформ эти права духовенства были существенно сужены и ограничены в основном хозяйственной частью училища. Но в 1860-х годах именно «принцип попечительного отношения духовенства к епархиальным женским училищам, так последовательно и широко

проведенный в училищном уставе», составлял «одну из главных отличительных особенностей этого устава» [90, с. 18].

Этот принцип попечительного отношения общества и его разных сословных групп к женским учебным заведениям – один из главных отличительных моментов реформаторских законодательных актов 1860-х годов о женском образовании. И в этом плане Устав женских епархиальных училищ 1868 года, как и Положение о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения 1870 года, при всех его ограничениях, безусловно стоял в реформаторском ряду. Хотя время появления на свет этих законодательных актов безусловно уже дышало школьными контрреформами, которые в первую очередь начинали свой накат на «заповедник правительства» – мужскую среднюю школу.

Устав женских епархиальных училищ 20 сентября 1868 года устанавливал в них шестилетний курс обучения и определял возраст приема в 9 лет. Училища могли быть шестиклассные – с годичным сроком обучения в каждом классе, и трехклассные – с двухгодичным сроком обучения в классе. Состав учебных предметов и в тех и в других училищах был одинаковым. В него входили: Закон Божий, русский язык, русская словесность, практическое ознакомление со славянским языком, арифметика, общие основания геометрии, общие необходимые сведения из физики, география и история (всеобщая и русская), педагогика, чистописание и рисование, церковное пение. Сверх того, ученицы обязательно обучались домашнему рукоделию. К необязательным предметам относились новейшие языки, музыка и гимнастика.

Этот учебный курс, по сравнению с курсом прежних училищ для девиц духовного звания, был гораздо выше и полнее, но в сравнении с министерскими и мариинскими гимназиями он был заметно ниже и слабее. Обязательное число недельных уроков в каждом классе епархиальных училищ полагалось 18 часов. На деле же число недельных уроков в различных училищах доходило до 24 и даже до 30. Это было вызвано тем, что училищный совет с разрешения архиерея мог изменять число уроков по отдельным предметам в различных классах, с условием, чтобы минимальный курс каждого предмета был усвоен воспитанницами к концу выпуска. На тех же основаниях совет мог вводить новые учебники, сверх рекомендованных уставом, из числа учебников, одобренных Учебным комитетом Синода. Таким образом, в отношении преподавания епархиальные училища пользовались относительной свободой.

Серьезным завоеванием Устава женских епархиальных училищ 1868 года было предоставление их выпускницам права на звание домашних учительниц, чего они не имели ранее и что открывало для многих из них путь к педагогическому поприщу, в частности – в качестве учительниц начальных народных и церковно-приходских школ. Хотя, как справедливо отмечал Д.Д. Семенов, «дело педагогической подготовки» в этих училищах и в 1890-х годах нельзя было «считать еще правильно и целесообразно организованным». Педагогика здесь преподавалась по два урока в неделю только в шестом классе. (Позднее педагогика была вообще сочтена ненужной и удалена. Вместо нее стали преподавать дидактику, в которую входило и учение о воспитании.)

Мысль об организации специального седьмого педагогического класса также долгое время оставалась нереализованной. Через пятнадцать лет после создания епархиальных училищ такие классы имелись лишь в трех учебных заведениях – Кавказском (1879), Архангельском (1881) и Пензенском (1882). К 1906 году их было 13 в 52 епархиальных училищах [90, с. 16]. Далеко не при всех епархиальных училищах были устроены и элементарные школы для практических занятий воспитанниц. В 1889 году таких школ было 23 в 44 училищах [158, с. 42].

Серьезным недостатком епархиальных училищ было, кроме того, отсутствие в них приготовительных классов, что невыгодно отличало их от министерских женских гимназий и прогимназий, отрывая их от начальной школы. И главное, эти училища, в отличие от женских министерских школ, как уже отмечалось, сохраняли характер полузакрытых учебных заведений, существенно отставая в этом отношении от духа и требований времени.

Однако самой слабой стороной женских епархиальных училищ была неустойчивость их учебной части, связанная с отсутствием в них стабильного педагогического персонала и с нижней, нищенской оплатой за педагогический труд. Епархиальные училища не могли рассчитывать на постоянный и устойчивый состав учительских кадров, поскольку, как это ни парадоксально, их устав не давал учителям, в отличие от всех других лиц духовно-учебной службы, ни права на пенсию, ни каких-либо иных служебных прав.

Как отмечал А. Кузнецов, «пенсионная бесправность» была абсолютно «ненормальным явлением в жизни епархиальных училищ». Чтобы заработать право на пенсию, учитель епархиального училища должен был перейти в любое другое учебное заведение. «Горечь сознания, – писал Кузнецов, – что для обеспечения себя пенсией все же

необходимо в конце концов оставить службу в епархиальном женском училище, так как одна эта служба сама по себе права на пенсию не дает», рождало постоянное ощущение «какой-то обездоленности служащих» [90, с. 28] и в итоге вынуждала их на массовый исход из этих училищ.

Открытие епархиальных женских училищ шло крайне медленно. В 1893 году, через 50 лет после создания первого училища для девиц духовного звания (1843) и через 25 лет после утверждения Устава епархиальных училищ (1868) число их достигло только 44. (Напомним, что с момента создания всесловных открытых министерских женских средних школ в 1858 году их количество к 1870 году выросло до 151.) Большинство епархиальных училищ было трехклассными. Когда после утверждения их устава Синод запросил, где и какие училища могли быть открыты, ответы епархий были следующими: шестиклассные училища оказалось возможным устроить только в четырех епархиях – Вятской, Нижегородской, Полтавской и Харьковской; трехклассные – еще в восьми епархиях – Астраханской, Воронежской, Орловской, Самарской, Саратовской, Таврической, Уфимской и Черниговской. 18 епархий ответило, что не имеют возможности преобразовать в епархиальные училища существующие в них училища и приюты для девиц духовного звания. Наконец, в 8 епархиях вовсе не было ни таковых училищ, ни приютов [90, с. 4].

В 1889 году, по данным Д.Д. Семенова, в 44 женских епархиальных училищах обучалось более 10 тыс. воспитанниц. На содержание всех училищ было истрчено полтора миллиона рублей. То есть стоимость содержания одного епархиального училища обходилась в среднем 34090 руб. Если вспомнить названные ранее цифры, характеризующие стоимость содержания одной женской гимназии – 6451 руб. и одной женской прогимназии – 1157 руб., то весьма спорным выглядит вывод Д.Д. Семенова о том, что «епархиальные женские училища между средними учебными заведениями самые дешевые в России» [158, с. 46]. Этого попросту не могло быть хотя бы потому, что общеизвестно – открытые учебные заведения много дешевле закрытых и полужакрытых.

И тем не менее с учреждением и развитием епархиальных училищ начал, хоть медленно, но формироваться *четвертый канал* среднего женского образования в России. Время, эпоха реформ наложили свой отпечаток на устройство и жизнедеятельность этих училищ, о чем было сказано выше при анализе их финансирования, управления и учебной части. Общим у них с министерскими женскими гимназиями было то, что они, как справедливо отмечал Д.Д. Семенов, «возникали

у нас по частной инициативе, жили и развивались собственными средствами» [158, с. 48].

Общим было и то, что их возникновение и развитие в какой-то мере упреждало появление регламентирующего их законодательства. И в немалой степени прав историк епархиальных училищ А. Кузнецов, утверждая, что «училища не были вызваны к жизни созданным для них в 1868 году Уставом, но самый Устав возник вследствие развивающегося среди духовенства стремления к систематическому образованию своих дочерей и выразившегося в открытии во многих епархиях женских училищ и приютов для воспитания и образования девиц духовного звания. Устав 1868 года только облек в юридическую форму это просветительское движение в среде духовенства, придал униформу созданным этим движением женским школам и, естественно, не мог не сохранить основного жизненного нерва этих школ – попечения духовенства» [90, с. 18].

В нашей литературе ранее не принято было говорить о «просветительском движении в среде духовенства». Да и о самих епархиальных училищах мы мало что знали. Но созданы они были именно усилиями просвещенного духовенства, деятельность которого в этом направлении была составляющей общего просветительского движения эпохи «великих реформ».

В итоге, в эту эпоху *все четыре сформировавшихся канала среднего женского образования составили достаточно стройную, хотя и во многом противоречивую систему этого образования*. Отдельные ее компоненты, в частности министерские женские гимназии и прогимназии, развивались более динамично, интенсивно, но вся система российского среднего женского образования в целом не подвергалась существенным организационным трансформациям и сохранила свой облик вплоть до 1917 года.

ЖЕНСКАЯ ШКОЛА В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Разработка К.Д. Ушинским
теоретических основ женского образования

Итак, открытая всесловная женская школа, созданная в конце 1850–1860-х годах, стала, по существу, первым в России детищем общественных образовательных усилий. Она представляла собой *принципиально новую социально-педагогическую модель построения женского образования*, отвергавшую *три основные установки всей предшествовавшей правительственной политики в этой сфере*: жесткую сословность; закрытый или, говоря словами Ушинского, «казарменный, острожный» характер женских учебных заведений и полное устранение от них общественности.

В основу новой модели женской школы была положена новаторская концепция женского образования, выдвинутая передовой русской педагогической мыслью. Эта концепция базировалась на идеях: всесловности и открытости женской школы; общеобразовательной, а не утилитарно-профессиональной направленности женского образования и его равенства с образованием мужским; единства воспитательного влияния семьи и школы; общественно-государственного характера женского образования, широкого участия общества в его развитии. Основная роль в выработке данной концепции и в начале практического строительства новой отечественной женской школы принадлежала К.Д. Ушинскому. Значительный вклад в теорию и практику женского образования внес и выдающийся русский педагог Н.А. Вышнеградский – создатель первой в России открытой женской средней школы (1858).

Ушинский решительно отстаивал равноправие женщины во всех областях жизни, уделяя особое внимание праву женщины на равное с мужчиной образование. Он одним из первых начал практическую перестройку женского образования в России, проведя глубокую реформу Смольного института, где в 1859–1862 годах был инспектором классов, о чем подробно говорилось ранее. Эта реформа оказала огромное влияние на развитие отечественного женского образования. Создаваемые тогда новые открытые женские школы – гимназии и прогимназии – также выстраивались в соответствии с реформаторскими идеями и начинаниями Ушинского.

Практическая деятельность Ушинского в области женского образования достаточно широко освещалась в педагогической литературе. Однако его теоретические воззрения в этой сфере оставались и до сего времени остаются вне внимания. Между тем Ушинский *впервые* в отечественной педагогике разработал целостную *теорию женского образования*, основанную на двух системообразующих принципах его философии образования – *общественном характере, общественной значимости образования и его народности*.

Краеугольным камнем, ведущей, принципиально новой идеей этой теории – *«народной идеей»*, как называл ее Ушинский, был взгляд на женское образование, на его базисные основания, его содержание и организацию с точки зрения *«общественного положения женщины»*, *«положения и роли женщины в историческом развитии народа»*. *«Это – новейшая идея»*, отмечал Ушинский, и она еще *«нигде не высказана вполне»* [178, т. 1, с. 450]. Такой подход был новаторским не только для отечественной, но и для западной педагогики, где продолжал господствовать узко утилитарный взгляд на суть и задачи женского образования.

Детально изучив состояние женского образования за рубежом во время своей заграничной командировки, Ушинский в отчете об этой командировке писал: *«Женское образование только в последнее время обратило на себя особенное внимание даже в тех государствах Запада, мужские школы которых мы давно привыкли считать образцовыми. Скажу более: самая идея образования женщины далеко не вполне еще выработана западной педагогикой, особенно если сравнить обработку этой идеи с той, которую получила уже идея мужского образования»* [178, т. 1, с. 447].

В общесоциальном плане Ушинский вынужден был констатировать отрыв взглядов европейских педагогов на женское образование и самого этого образования от *«идеи эмансипации женщин»*. *«Эта идея, – отмечал он, – почти совершенно не проникла в учебные заведения»*. Большинство педагогов встретило ее *«с недоверием и даже с прямым негодованием... и не дали ей проникнуть в педагогическую практику»* [178, т. 1, с. 449].

Социальная и педагогическая узость взглядов западных педагогов на женское образование, по мнению Ушинского, была не единственной причиной плачевного состояния этого образования. Не менее важные причины он видел *«в том равнодушии общества, с которым оно во многих местах смотрит еще на женские учебные заведения»*, а также в позиции западных правительств, которые *«весьма мало заботятся»* об образовании женщины. Все это в целом приводило к тому,

что даже в самой «педагогической стране» – Германии, откуда русская официальная педагогика постоянно заимствовала педагогические идеи, женские учебные заведения, по словам Ушинского, были «самыми слабыми из всех учебных заведений», а германская педагогика не имела «решительно ни одного замечательного и фундаментального сочинения о женском образовании» [178, т. 1, с. 447, 448].

И все же «главный недостаток» в зарубежном женском образовании, главный исток его слабого и искаженного развития Ушинский видел «в том взгляде на женщину», который еще живет в обществе, «и в тех требованиях, которые ставит оно женскому образованию» [178, т. 1, с. 470]. Эти требования, естественно, были различными в разных странах. Но в целом доминировали два подхода. Ушинский называл их «немецко-хозяйственным» (женщина как хозяйка и добрая мать семейства) и «французско-галантерейным» (женщина как украшение общества и семьи).

Соответственно выстраивались и образовательная практика в женских учебных заведениях, и теоретико-педагогические рассуждения о женском образовании, представлявшие собой, по его словам, «высокое парение» либо над кухонным очагом, либо над будуаром [178, т. 1, с. 468]. Особенно жестко в этом отношении Ушинский высказывался о псевдотеоретических спекуляциях многих немецких педагогов, пытавшихся разными доводами обосновать существующую убогую практику и второсортность женского образования. В этих доводах он видел «утилитарный, старонемецкий взгляд» на женщину, «самым циническим образом выраженное желание приготовить в женщине думающий хозяйственный пресс» [178, т. 1, с. 466, 556].

В отличие от названных, предельно консервативных и утилитарных подходов к проблеме женского образования, господствовавших в зарубежной педагогической теории и практике, Ушинский рассматривал данную проблему с позиций *«роли, которую женщина играет в развитии народа»*. Он выделял «в этой роли два элемента», которые условно называл «консервативным» и «прогрессивным». «Положение женщины, данное ей самой природой, – писал Ушинский, – таково, что, с одной стороны, через ее посредство сохраняется в народе национальность, и жизнь отживших поколений соединяется с жизнью живущих, а с другой, – через женщину только прогресс человечества проникает в нравы людей, в характер народа и его общественную жизнь». Именно поэтому, подчеркивал Ушинский, образование женщины должно быть, во-первых, «проникнуто народностью», и во-вторых, – «должно соответствовать тому веку, в котором она живет» [178, т. 1, с. 466, 556, 449, 450, 464, 474]. «Образование женщины... –

по его словам, – менее еще, чем образование мужчины... должно иметь специальные цели. Оно должно быть только вообще образованием человека» [178, т. 1, с. 471].

Ушинский был убежден, что «если в основу требований от женского образования мы положим идею народной жизни и того значения, которое в этой жизни имеет женщина по самой природе своей, то мы приобретем твердую почву, на которой можем строить идеал образования женщины; приобретем идею, которая, будучи взята из самой природы, даст нам возможность спокойно и с уверенностью развивать из нее потребность женского воспитания для данного народа и в данное время». «Эта точка зрения, – отмечал Ушинский, – кажется мне самой естественной для женских народных общественных школ» [178, т. 1, с. 471].

Настаивая на широком развитии женского образования, Ушинский исходил из того, что «образование женщины, по крайней мере, столько же важно в народной жизни, сколько мужчины, и еще более потому, что самое образование мужчины будет только односторонне, поверхностно, никогда не проникнет в жизнь, в нравы народа без соответствующего образования женщины» [178, т. 1, с. 471]. Воспитывая женщин, замечал он, мы «воспитываем, через посредство их, общество и народ» [178, т. 1, с. 471]. Ибо «через женщину только успехи науки и цивилизации могут войти в народную жизнь» [178, т. 1, с. 477].

«Характер человека, – писал Ушинский, – более всего формируется в первые годы его жизни, и то, что ложится в этот характер в эти первые годы, – ложится прочно, становится второй природой человека; но так как дитя в эти первые годы свои находится под исключительным влиянием матери, то и в самый характер его может проникнуть только то, что проникло уже прежде в характер матери. Все, что усваивается человеком впоследствии, никогда уже не имеет той глубины, какой отличается все, усвоенное в детские годы. Таким образом, женщина является необходимым посредствующим членом между наукой, искусством и поэзией, с одной стороны, нравами, привычками и характером народа, с другой. Из этой мысли вытекает уже сама собой необходимость полного всестороннего образования женщины». «Эта мысль, впрочем, – замечал Ушинский, – только что зарождается, и нельзя сказать, что она оказала уже большое практическое влияние на женские учебные заведения Запада» [178, т. 1, с. 477].

Между тем в судьбах отечественного женского образования именно эта мысль, впервые сформулированная Ушинским, сыграла первостепенную роль. Она в значительной мере определила лицо, характер и направленность русской женской школы, которая стала образцом

для многих зарубежных стран. В данном звене средней школы (как и в другом совершенно оригинальном типе отечественных учебных заведений – в военных гимназиях, где также активно «работали» идеи Ушинского) произошел перелом в традиционном направлении педагогического влияния – из Европы в Россию. Не зарубежная, а русская школа здесь воспринималась как образец. Это вынуждено было признать даже германофильствующее руководство отечественного просвещения, отмечавшее в 1870-х годах, что «среднее женское образование лучше в России, чем в самых просвещенных государствах Западной Европы». Отечественные средние женские школы, указывало, в частности, Ведомство учреждений императрицы Марии, «по учебному курсу... выше и определеннее, чем даже прусские höhere Töchterschulen, при преобразовании которых в 1872 году образцом в учебном отношении послужили русские женские гимназии и институты» [94, кн. 3, с. 288].

Новая средняя женская школа, созданная в России в 60–90-х годах XIX века по матрице, намеченной Ушинским, стала одним из **ключевых звеньев** отечественной системы образования. Она открывала женщинам путь к высшему образованию и одновременно выступала как важнейший фактор развития начальной народной школы, поставляя для нее значительную часть учительских кадров.

Эти две задачи женской средней школы Ушинский считал взаимосвязанными. Он не раз отмечал, что высшее образование женщин, открывая для них различные сферы общественной жизни, может существенно расширить и сферу их педагогического труда, дать им возможность преподавания и в средних учебных заведениях. Еще в 1861 году, в самом начале борьбы русских общественных сил за право женщин на высшее образование, Ушинский, по воспоминаниям Е.Н. Водовозовой, энергично убеждал воспитанниц Смольного института включиться в эту борьбу. «Вы обязаны, – говорил он, – проникнуться стремлением к завоеванию права на высшее образование, сделать его целью своей жизни, вдохнуть это стремление в сердца ваших сестер и добиваться достижения этой цели до тех пор, пока двери университетов, академий и высших школ не распахнутся перед вами так же гостеприимно, как и перед мужчинами» [219, т. 1, с. 466].

Ушинский резко критиковал существовавшие в России и в западных странах запрет на высшее образование женщин и ограничения сферы их педагогической деятельности. Эти ограничения, по его убеждению, проистекали «из ложного понятия о неспособности женщин заниматься воспитанием и обучением в общественных заведениях», из все того же «узкого взгляда на исключительное, домашнее, кухон-

ное призвание женщины». «Личные мои наблюдения над преподаванием женщин в школах, – писал Ушинский, – убедили меня вполне, что женщина способна к этому делу точно так же, как и мужчина, и что если женское преподавание в иных местах (как, например, во Франции) слабее мужского, то это зависит единственно от малого приготовления женщин к учительскому делу... и от того стесненного положения, в которое ставят учительницу закон и общественное мнение» [178, т. 1, с. 536, 538].

Эти три основные отмеченные Ушинским условия развития женского педагогического труда – его законодательное признание, его общественная поддержка и развертывание женского педагогического образования – были реализованы в России в ходе реформы женского образования 1860-х годов. Педагогические классы, созданные по модели Ушинского в средней женской школе и дававшие основательную педагогическую подготовку, получили самую широкую общественную поддержку и в конечном итоге были узаконены Положением о женских гимназиях и прогимназиях 1870 года.

Как и в начальной народной школе, в среднем женском образовании более всего получила свое воплощение основополагающая идея Ушинского о *ведущей роли общественных сил в развитии образования*. Русская женская школа выстраивалась во второй половине XIX – начале XX века главным образом *общественными усилиями и за общественный счет*, что делало ее значительно более свободной от правительственного влияния, чем мужские учебные заведения, и обеспечило в сравнении с ними значительно более быстрый рост. В 1858 году число средних женских учебных заведений в России было почти втрое меньше, чем мужских: 36 против 93. В 1914 году женских средних школ было уже 1347 (400674 учащихся) против 868 мужских школ (с 233808 учащимися). Женская школа сконцентрировала вокруг себя лучшие российские педагогические силы, в том числе ближайших сподвижников и последователей Ушинского – Л.Н. Модзалевского, А.Н. Острогорского, Д.Д. Семенова, В.Я. Стоюнина и многих других.

Говоря о роли Ушинского в развитии женского образования в России, его ученик и последователь В.П. Острогорский писал, что «образование женщины, которое дотоле было у нас только формальным и поверхностным», Ушинский сделал «серьезным государственным и общественным делом». Ему принадлежит честь «создания совсем новой, дотоле неслыханной у нас, системы женского образования» [127, с. 53–54].

Сравнительный анализ учебных планов средних женских и мужских учебных заведений

В ходе реформ произошли определенные изменения в учебных планах различных типов средней женской школы, как и в мужской средней школе. О том, каковы были эти учебные планы, свидетельствуют составленные нами и приводимые ниже таблицы, в которых впервые даются сравнительные данные по женской и мужской средней школе, вышедшей из эпохи реформ.

Таблица 5

Учебные планы средних общеобразовательных школ России

Учебные предметы	Мужские учебные заведения			Женские учебные заведения			
	Гимназии 1871 г.	Реальные уч-ща 1888 г.	Военные гимназии 1882 г.	Гимназии МНП 1874 г.	Гимназии ВУИМ 1863 г.	Институты ВУИМ 1855 г.	Епарх. уч-ща 1868 г.
Закон Божий	12	14	14	14	17	18	21
I. Гуманитарные предметы	151	104	107	97	101	108	42
Русский язык, церковнославянский язык, словесность	24	28	30	23	25	18	21
Краткие основания логики	1	—	—	—	—	—	—
Латинский язык	49	—	—	—	—	—	—
Греческий язык	36	—	—	—	—	—	—
Французский язык ¹	19	18	28	26 ²	28	27	—
Немецкий язык	19	32	25	26 ²	23	27	—
История	12	14	14	12	11	18	9
География	10	12	10	10	14	18	12
II. Естественно-математические предметы	37	50	68	33	33	18	25
Математика	—	31	39	23	15	9	18
Естественная история	37	9	10	10	18	9	7
Физика	37	10	9	10	18	9	7
Космография	—	—	10	—	—	—	—
III. Графические предметы	5	35	19	20	23	27	10
Чистописание	5	4	15	6	9	27	10
Рисование	—	21	14	14 ²	14	27	—
Черчение	—	10	—	—	—	—	—
IV. Прочие предметы	—	—	—	11	36	15	10
Педагогика	—	—	—	2 ²	4	—	2
Пение	—	—	—	—	14	—	8 (церк. пение)
Рукоделие	—	—	—	9	13	—	—
Танцы	—	—	—	—	5	—	—
Общее число недельных уроков	205	203	208	175	210	171	108

¹ Другой иностранный язык.

² Необязательные предметы.

Срок обучения	8	7	7	7	7	6	6
---------------	---	---	---	---	---	---	---

Таблица 6

Удельный вес различных циклов учебных предметов в учебных планах мужских и женских средних общеобразовательных школ России

	Мужские учебные заведения			Женские учебные заведения			
	Гимназии 1871 г.	Реальные уч-ща 1888 г.	Военные гимназии 1882 г.	Гимназии МНП 1874 г.	Гимназии ВУИМ 1863 г.	Институты ВУИМ 1855 г.	Епарх. уч-ща 1868 г.
Закон Божий							
число часов	12	14	14	14	17	18	21
%	5,91	6,8	6,7	8,0	8,1	10,5	19,4
Гуманитарные предметы							
число часов	151	104	107	97	101	108	42
%	73,7	51,2	51,4	55,4	48,1	63,2	38,9
Естественно-математические предметы							
число часов	37	50	68	33	33	18	25
%	18,0	24,6	32,8	18,9	15,7	10,5	23,2
Графические предметы							
число часов	5	35	19	20	23	27	10
%	2,4	17,2	9,1	11,4	11,0	15,8	9,3
Прочие предметы							
число часов	–	–	–	11	36	–	10
%	–	–	–	6,3	17,1	–	9,2
Общее число недельных уроков	205	203	208	175	210	171	108
Срок обучения	8	7	7	7	7	6	6

В предшествующей, достаточно многочисленной литературе, посвященной анализу учебных планов преимущественно мужской средней школы (С.А. Черепанов, М.О. Веселов, Ш.И. Ганелин, М.П. Кашин, А.Г. Каспржак и др.), подобных сравнительных данных не приводилось. Не было ни сравнения учебных планов различных типов женских учебных заведений между собой, ни их сравнения с учебными планами основных типов мужской средней школы.

Между тем, как видно из приведенных таблиц, среди женских учебных заведений наиболее слабым был курс шестилетних епархиальных училищ. Общее число недельных уроков в них сравнительно с гимназиями МНП, гимназиями ВУИМ и женскими институтами ВУИМ составляло 61,7; 51,4; 63,2% соответственно. Но зато по числу уроков Закона Божия епархиальные училища явно лидировали. Эти уроки здесь занимали почти пятую часть учебного времени, в гимназиях МНП – 8%, в гимназиях ВУИМ – 8,1% и в женских институтах, с их большим религиозным уклоном – 10,5% учебного времени.

Гуманитарный цикл учебных предметов был наиболее широко представлен в женских институтах – 63,2% учебного времени, в гимназиях МНП – 55,4%, гимназиях ВУИМ – 48,1% и весьма слабо – в епархиальных училищах – 38,9% учебного времени. Но сам состав гуманитарных дисциплин в учебных планах разных женских учебных заведений выглядел весьма различно.

Отечественный язык и словесность занимали большее количество часов в гимназиях ВУИМ – 25 часов и гимназиях МНП – 23 часа, тогда как в женских институтах – всего 18 часов, а в епархиальных училищах – 21 час вместе с церковно-славянским языком. Новые языки в епархиальных училищах вовсе не преподавались. В женских институтах на них отводилось 54 часа (по 27 часов на французский и немецкий язык), в гимназиях ВУИМ и МНП – 52 часа. В последних новые языки считались необязательными предметами, т.е. за их преподавание взималась особая плата, но в преобладающем большинстве министерских гимназий новые языки преподавались. По количеству часов, отведенных на преподавание истории и географии, первенство принадлежало женским институтам, с их преимущественной ориентацией на русскую часть этих предметов – по 18 часов. Далее шли гимназии ВУИМ – 11 и 14 часов, гимназии МНП – 12 и 10 часов и епархиальные училища – 9 и 12 часов соответственно.

Иными словами, преобладающую часть гуманитарного цикла занимали новые языки: в женских институтах – 50% этого цикла, в гимназиях ВУИМ – 51,4%, в гимназиях МНП – 53,6%. Отечественный язык и словесность среди гуманитарных предметов составляли соответственно – 16,6; 24,8 и 27,7%, в епархиальных училищах – 50%. Явное возрастание внимания к отечественному языку в новой женской школе проходило под прямым влиянием передовой русской педагогической мысли, в первую очередь К.Д. Ушинского и Н.А. Вышнеградского.

Естественно-математический цикл учебных дисциплин был наиболее полно представлен в женских гимназиях МНП и ВУИМ – по 33 часа (в первых он составлял 18,9, во вторых 15,7% общего учебного времени). В женских институтах на него отводилось всего 18 часов (10,5% учебного времени). Даже в епархиальных училищах этот цикл был представлен лучше, чем в женских институтах, – 25 часов (что, при малом удельном весе в этих учебных заведениях гуманитарных дисциплин, составляло здесь немалую часть общего учебного времени – 23,2%).

Внутри самого естественно-математического цикла учебных дисциплин также наблюдалось существенное различие в группировке

отдельных предметов в разных женских учебных заведениях. В министерских гимназиях первое место в этом цикле занимала математика – 23 часа (69,7% учебного времени данного цикла). В гимназиях ВУИМ на математику отводилось всего 15 часов (45,5%). На естественную историю и физику в первых было отпущено лишь 10 часов (30,3%) и во вторых – 18 часов (54,5% времени естественно-математического цикла). Значительное внимание уделялось математике и в епархиальных училищах – 18 часов (72% времени данного цикла); естественная история и физика составляли здесь 7 часов (28%).

Графические предметы преобладали в женских институтах. Здесь на чистописание и рисование отводилось 27 часов (или 15,8% общего учебного времени). Немногим отставали гимназии ВУИМ – 23 часа (9 – чистописание и 14 – рисование) или 11% общего учебного времени. В министерских женских гимназиях на графические предметы предназначалось 20 часов, но рисование (14 часов) входило здесь в число необязательных предметов.

Наконец, среди прочих предметов следует отметить педагогику, на которую в гимназиях ВУИМ отводилось 4 часа и по 2 часа – в епархиальных училищах и министерских женских гимназиях. В последних педагогика была необязательным предметом, но при этом следует учитывать, что в значительном числе министерских гимназий имелся специальный восьмой педагогический класс.

Полный цикл «прочих предметов» входил в учебный план только мариинских гимназий. В женских институтах, согласно их Уставу, «рукоделиям девицы обучаются в часы, свободные от преподавания», «а для занятия музыкою назначаются, по мере надобности, часы из учебного и рекреационного времени» [Устав 1855 года, Приложение 6]. Аналогично обстояло дело с рукоделием и в полузакрытых епархиальных училищах.

Ранее, в первой главе книги, сравнивая учебный план женских институтов 1855 года и мужских гимназий 1852 года, мы отмечали, что учебный курс женских институтов был значительно более облегченным, более поверхностным, чем в мужской школе. Что являлось прямым следствием господствовавших тогда взглядов на «особый характер» женского образования, которое, по существу, в силу этих взглядов, было попросту второсортным. В результате реформ женского образования 1860-х годов положение существенно изменилось. Новые открытые всесословные министерские и мариинские женские гимназии значительно приблизились к мужской средней школе, а в ряде случаев стали и вровень с ней.

Как свидетельствуют приведенные выше таблицы, по гуманитарному циклу учебных предметов женские гимназии фактически сравнялась с мужской школой. В этом плане резко выделялись лишь мужские гимназии по уставу 1871 года, но это происходило за счет древних языков, на которые в мужских гимназиях отводилось 85 учебных часов, или 56,3% объема гуманитарного цикла и 41,5% общего учебного времени. Здесь не место говорить о длительной и энергичной борьбе передовой русской общественности и профессиональных педагогов против засилия классицизма в мужских гимназиях и о «полицейских» функциях этого классицизма. Об этом существует обширная литература [см.: 53, 63, 64]. Отметим лишь, что по учебному плану мужских гимназий 1890 года число часов на древние языки было существенно уменьшено – 55 часов (33,7% объема гуманитарного курса и 24,4% общего учебного времени).

В преподавании отечественного языка и словесности министерские и мариинские женские гимназии практически не отличались от мужской школы, как и в преподавании истории и географии. То есть основной гуманитарный блок в мужских учебных заведениях и новых женских гимназиях был вполне сопоставим. Столь же сопоставимы женские гимназии были и в преподавании новых языков с реальными училищами, а также военными гимназиями, созданными усилиями прогрессивного военного министра Д.А. Милютина, которые по праву считались лучшими мужскими средними учебными заведениями 1860–1870-х годов.

В отличие от классических мужских гимназий по уставу 1871 года, военные гимназии были учебными заведениями реального профиля. Причем цикл естественно-математических дисциплин был представлен в них много сильнее, чем в реальных училищах – и по набору учебных предметов, и по времени, отведенному на его изучение. В первых он составлял 68 часов (32,8% учебного времени), во вторых – 50 часов (24,6% учебного времени). Естественно-математический цикл женских гимназий был существенно меньше, чем в данных учебных заведениях реального профиля. Но он почти не отличался от этого цикла в мужских классических гимназиях, где на его изучение отводилось 37 часов (18% учебного времени). В министерских женских гимназиях – 33 часа (18,9% учебного времени) и в мариинских гимназиях – также 33 часа (15,7% общего учебного времени).

По циклу графических дисциплин женские гимназии уступали только реальным училищам, – в основном за счет того, что в этих училищах немало времени было отведено на преподавание черчения.

Следует отметить и то обстоятельство, что в учебных заведениях Ведомства учреждений императрицы Марии, не говоря уже о епархиальных училищах, заметно больше учебного времени отводилось на Закон Божий – и в сравнении с министерскими женскими гимназиями и в сравнении с мужскими средними учебными заведениями.

Таким образом, в результате проведенного сравнения учебных планов женской и мужской средней школы можно сделать **два основных вывода**. **Во-первых**, новая женская средняя школа выстраивалась преимущественно как *гуманитарная*, что соответствовало и ее исторической традиции, и запросам времени, в частности преобладающей ориентации женских учебных заведений на подготовку к педагогическому труду. **И во-вторых**, о женском образовании, вышедшем из горнила реформ 1860-х годов, уже нельзя говорить как о второсортном. Это было *полноценное среднее образование, не уступающее мужскому образованию*, за исключением некоторых частных. В дальнейшем и эти частности будут стираться, уравнивая среднее женское образование с мужским.

Попытка контрреформы среднего женского образования. 1884–1894 гг.

Реформа среднего женского образования, проходившая в несколько этапов с конца 1850-х годов и до начала 1870-х годов, имела **пять главных результатов**.

Первый. Она создала *открытую всесословную среднюю женскую школу*, что существенно расширило и демократизировало женское образование.

Второй. Она сформировала преобладающую часть женского образования – в лице министерских женских гимназий и прогимназий – как структуру *общественно-государственную*, прежде всего по типу финансирования и характеру управления учебными заведениями.

Третий. Она провела *идею единства, преемственности* в системе женского образования, установив, с одной стороны, непосредственную связь между женскими гимназиями и прогимназиями, между полной и неполной женской средней школой, а с другой, – их связь с начальным образованием.

Четвертый. Она *существенно усилила учебный курс женских гимназий* и тем самым, преодолев «второсортность» женского образования, значительно сблизила его с мужским средним образованием.

Пятый. Она предоставила *широкие права выпускницам женских учебных заведений*, сориентировав их на педагогическую деятельность как на важнейшую сферу развивающегося женского труда, и тем самым сделал женскую среднюю школу важнейшим фактором развития начальной народной школы, подготовки для этой школы значительной части учительских кадров.

Именно эти основные достоинства реформы женского образования 1860-х годов стали главным объектом атаки реакции в период зарождения и подъема второй волны школьных контрреформ (1880-е годы) и особенно – в ходе проведения этих контрреформ.

Динамичное развитие министерских женских гимназий, в короткое время занявших ведущее место в системе среднего женского образования, вызвало уже вскоре после утверждения Положения 1870 года нескрываемое недовольство властных реакционных кругов. Комиссии, рассматривавшие ежегодные отчеты Министерства народного просвещения в 1877 и 1878 годах, не без раздражения подчеркивали, что число женских гимназий «превышает имеющуюся в них потребность» и что они «искусственно привлекают к себе лиц тех сословий, для которых среднее образование излишне». Для девиц этих сословий комиссии предлагали открывать низшие училища и профессиональные школы, дающие «образование волне соответствующее их жизненным потребностям и не клонящиеся к *отчуждению их от их общественной среды*» [РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Д. 701. Л. 86–87 об.; Д. 738. Л. 16–17 об.; выделено нами. – *Авт.*].

Данная мысль была решительно поддержана на Особом совещании министров в июле 1879 года. Определяя перспективы дальнейшего развития среднего женского образования, совещание указывало: «Дальнейшее умножение женских гимназий не представляется желательным... напротив того... правительство могло бы благосклонно относиться к учреждению в городах элементарных женских училищ и при них, а иногда и отдельно от них профессиональных школ и курсов для приготовления лиц женского пола к тем профессиям, которые не требуют ни высшего, ни даже среднего образования» [РГИА. Ф. 908. Д. 395. Л. 40–41].

Таким образом, ради политических соображений власть шла на явную подмену социально-педагогических задач. Объективная потребность в развитии профессионального женского образования, для реализации которой правительство, по существу, ничего не сделало до середины 1890-х годов, противопоставлялась, и более того, в глазах определенных кругов власти, перечеркивала другую не менее объективную потребность в развитии общего среднего женского об-

разования, движущей силой которого с 1860-х годов стали общественная инициатива и общественные средства. Иными словами, вместо параллельного развития этих двух необходимых структур женского образования предлагалось развивать одну за счет другой, с явным снижением общего уровня женского образования – за счет сокращения женских гимназий и при том без создания каких-либо стимулов и реальных механизмов формирования женских профессиональных школ.

Рост общественного движения в период второго демократического подъема в России конца 1870 – начала 1880-х годов и новый кризис власти в этот период помешали переходу правительства к откровенно контрреформаторскому курсу, составной частью которого был второй эшелон школьных контрреформ, и в частности – планируемая реорганизация женского образования. Но выйдя из кризиса и стабилизировав свое положение, самодержавие начало контрреформаторское наступление по всему фронту.

В этот период вся предшествующая правительственная политика в области женского образования, по существу, была признана ошибочной. Новый министр народного просвещения И.Д. Делянов во всеподданнейшем докладе 1884 года подчеркивал три главные, с его точки зрения, ошибки, допущенные правительством при реформировании женского образования: 1) создание сословных женских гимназий; 2) открытие при них специальных педагогических классов, ибо эти классы, по словам Делянова, привлекали в гимназии «таких лиц, которым свойственно было бы искать элементарного образования», и 3) создание высших женских курсов, которое прямо объявлялось «роковой случайностью» [154, с. 660]. Для устранения этих ошибок и случайностей, по мнению Делянова, необходимо было принять срочнейшие меры. С целью разработки этих мер в декабре 1884 года была учреждена особая «Комиссия об изыскании главнейших оснований для лучшей постановки женского образования» под председательством товарища министра народного просвещения кн. М.С. Волконского.

Деятельность комиссии Волконского, взявшей на себя труд подготовки контрреформы женского образования, никогда не была предметом самостоятельного исследования ни в дореволюционной, ни в советской историографии. Между тем она представляет собой один из наиболее ярких примеров поражения образовательной политики самодержавия в столкновении с реальностью, с потребностями развития образования и страны. Это была одна из наиболее жестких и реше-

тельных попыток правительства сломать ту линию развития женского образования, которую сформировала эпоха «великих реформ».

Правительство ставило деятельность комиссии Волконского (в состав которой входило свыше пятидесяти представителей трех ведомств – Министерства народного просвещения, Ведомства учреждений императрицы Марии и святейшего Синода) в прямую связь со всеми школьными контрреформами 1880-х годов. За введением нового университетского устава 1884 года и началом насаждения в том же году церковно-приходских школ, за попытками сословного очищения мужских гимназий и разгрома реальных училищ в 1886–1887 годах [63, с. 84] наступал черед женской школы. Как отмечал Государственный совет, «преобразовательное это движение завершается поставленным ныне на очередь вопросом о системе женского у нас образования» [Ф. 1149. Оп. XI. 1894. Д. 12. Л. 815 об.].

Вторая волна школьных контрреформ 1880-х годов полностью шла в русле общего контрреформаторского курса эпохи и решала, в частности в сфере женского образования, *три главные задачи*: 1) возврат (или попытка возврата) к старой системе сословного устройства образования; 2) усиление правительственного вмешательства в дела школы, в том числе женской, или возвратное ее огосударствление и 3) политическое воздействие на содержание школьного образования с целью удаления из него «злонамеренных идей». *Четвертой задачей*, специфической для женского образования, было устранение одного из основных достижений реформы 1860-х годов – права выпускниц женских учебных заведений на получение учительских званий.

Все эти задачи были взаимосвязаны и рассматривались преимущественно под углом зрения стержневой идеи образовательной политики власти – идеи *возврата к старой сословной организации школы*. Возврат к прежней сословной организации общества был ключевым моментом и в общей системе контрреформ 1880-х годов. «Если в реформах прошлого царствования, – писал в то время один из идеологов самодержавия А. Д. Пазухин, – мы усматриваем великое зло в том, что они разрушили сословную организацию, то задача нынешнего должна состоять в восстановлении разрушенного» [135, с. 57].

Эту идею восстановления сословного неравенства в образовании и Министерство народного просвещения, и комиссия Волконского проводили истово и неуклонно, исходя из того, что «искусственное привлечение в ту или другую школу учащихся, которые, по общему своему умственному развитию и по другим условиям жизни, недостаточно подготовлены для восприятия сообщаемых этою школою знаний, является не только не полезным, но даже вредным» [РГИА. Ф. 1149.

Оп. XI. 1894. Д. 12. Л. 17]. Отсюда делался прямой вывод, что *женские гимназии должны «служить для удовлетворения образовательных нужд преимущественно высших классов населения»*. Женские же *прогимназии*, по мнению комиссии Волконского, *необходимо «упразднить*, а взамен их учредить *мариинские* (типа женских городских училищ. – *Авт.*) и профессиональные женские училища, имеющие свою целью сообщать воспитанницам, вместе с законченным общим элементарным образованием, также и известные профессиональные знания» [Д. 12. Л. 19 об.; выделено нами. – *Авт.*].

Вместе с тем в свете задачи такого *«облагораживания» учебного курса* самих женских гимназий и удаления из него всего «неблагонамеренного» комиссия полагала, что «женское среднее образование должно основываться на филологическом начале, а потому в женских гимназиях, за отсутствием древних языков, основными предметами должны быть русский и новые иностранные языки» [Д. 12. Л. 25 об.]. Гуманитарные же предметы – типа истории и географии становились вторичными, а естественно-математический цикл – третичным или десятеричным. Так достаточно широкую гуманитарную направленность женских гимназий пытались сменить узко филологической.

При этом вновь нескрываясь выводились на поверхность и словесные соображения такого изменения содержания образования. По мнению комиссии Волконского, с введением в обязательный курс гимназий двух новых языков *«должен измениться состав учениц женских гимназий, в смысле понижения процента учениц из низших сословий и семейств, для которых изучение обоих новых языков, по неимению вовсе домашней практики, является затруднительным»* [Д. 12. Л. 25 об.; выделено нами. – *Авт.*].

Таким же «двуствольным залпом», решающим сразу две задачи, должна была стать, в глазах комиссии Волконского, и *отмена прав на учительские звания после окончания женских гимназий*. *Во-первых*, по мнению комиссии, такая отмена устранил тот «вред», который приносят школе «малоподготовленные» выпускницы открытых женских гимназий. Комиссия предлагала оставить предоставление прав на учительские звания только воспитанницам закрытых женских институтов и полузакрытых епархиальных училищ, поскольку они, «находясь под строгим надзором получают весьма хорошее воспитание и привыкают к точному и неуклонному выполнению своих обязанностей» [Д. 12. Л. 30]. И, *во-вторых*, комиссия полагала, что «легкость приобретения учительских прав служит весьма сильным средством для привлечения в женские средние учебные заведения таких воспитанниц, которые ни по общему развитию среды, из которой они

вышли, ни по материальному положению своих родителей не имеют данных для успешного прохождения гимназического курса» [Д. 12. Л. 29].

Наконец, *попытка огосударствления женских гимназий*, принятая комиссией Волконского, была также мало перспективной, а точнее – менее всего реалистичной, что и сыграло решающую роль в предании забвению всех ее трудов. Комиссия исходила из того, что для полного подчинения правительству женских гимназий «источниками содержания сих заведений» должны служить «прежде всего средства государственного казначейства, затем суммы городских обществ и земств и, наконец, пожертвования частных лиц» [Д. 12. Л. 20–20 об.]. Эта исходная посылка комиссии была вдребезги разбита министром финансов С.Ю. Витте, который, по существу, не только спас женские гимназии, но и перечеркнул весь десятилетний труд комиссии Волконского.

В ходе рассмотрения материалов комиссии в Государственном совете С.Ю. Витте показал на фактах, что «правительство уделяет ныне на женские гимназии менее 10% всей потребной на их содержание суммы. Остальные свыше 90% этого расхода падают на долю земств, городов, разного рода обществ и сословий и частных лиц. Обстоятельством этим оправдывается, – отмечал Витте, – а может им отчасти даже обусловлены постановления действующего закона (Положения 1870 года. – *Авт.*) о характере (*общественно-государственном.* – *Авт.*) средних женских учебных заведений и роли учреждений, сословий и лиц, участвующих в их содержании» [Д. 12. Л. 816 об.].

Перевернуть это положение, возложить содержание женских учебных заведений на казну С.Ю. Витте считал абсолютно невозможным. Рассуждая как истинный государственный деятель и выдвигая стратегические задачи развития российского образования, Витте подчеркивал, что «наиболее неотложными являются ныне меры, клонящиеся к развитию начального народного образования. Потребность эта и должна быть удовлетворена прежде всех других. Далее необходимо озаботиться распространением технического профессионального образования в народе. Тогда только, когда обе указанные отрасли учебного дела будут удовлетворительно поставлены, наступит для правительства время и возможность уделять из казны новые средства на среднее образование в женских гимназиях. При таких условиях, – отмечал Витте, – обходиться без содействия земств, городов, сословий и отдельных жертвователей в доставлении этих средств, а равно затруднять учреждение женских учебных заведений частным лицам было бы, с финансовой точки зрения, крайне нежелательно».

Так «экономика» ставила пределы «политике». Мудрый С.Ю. Витте подчеркнул «с финансовой точки зрения» и крайнюю нежелательность ряда других политических контрреформаторских затей комиссии Волконского. Журнал заседания соединенных Департаментов законов и государственной экономики Государственного совета, который рассматривал итоги десятилетней деятельности комиссии Волконского и который впервые выше цитировался нами, следующим образом фиксирует позицию С.Ю. Витте. «Со своей стороны, оценивая предлагаемые (комиссией. – *Авт.*) меры, тайный советник Витте считает долгом указать на вероятное их влияние в финансовом отношении. Следует ожидать, что при проектируемой постановке вопросов не только о приеме в женские гимназии, но и о управлении ими, земства, а равно городские и сословные общества могут отказаться от учреждения учебных заведений сего типа, а также от ассигнования новых пособий на их содержание... *Затруднительным окажется привлечь земские и городские учреждения, имеющие характер всеобщий, к расходам на содержание училищ с составом обучающихся из высших главным образом сословий*, если, сверх того, будет сужена также и степень участия названных учреждений в деле заведования женскими гимназиями. *Требования же, предъявляемые проектом к гимназиям, содержащимися частными лицами, до того строги, что введение их в закон несомненно повлечет за собою закрытие всех учебных заведений этой категории*» [Д. 12. Л. 817; выделено нами. – *Авт.*].

Иными словами, С.Ю. Витте, обладающий мощным влиянием на формирование правительственной политики, однозначно дал понять, что проекты и предложения комиссии Волконского не только не осуществимы, но и вредны. Ибо они могут, во-первых, привести к резкому свертыванию женского образования, потребность в котором постоянно возрастала. И во-вторых, предположения комиссии могут вызвать широкое общественное недовольство различных сословий, включая и беднеющее дворянство, в чем никак не было заинтересовано самодержавное правительство.

«Выслушав это заявление тайного советника Витте, – отмечается в журнале Государственного совета, – Департаменты не могли не принять его *в особое внимание*. Освещая с новой стороны обсуждаемые предположения, *доводы тайного советника Витте заставляют усомниться в целесообразности правил проекта, касающихся степени участия общественных и сословных учреждений в деле женского образования*» [Д. 12. Л. 817 об.; выделено нами. – *Авт.*]

Доводы С.Ю. Витте заставили Государственный совет усомниться и во многих других предположениях комиссии Волконского, результаты работы которой в итоге были отвергнуты.

Итак, гора родила мышь. Десятилетняя работа комиссии, которая оставила после себя свыше 50 томов архивных дел, в которой принимали участие десятки представителей различных ведомств и учреждений, для которой сотни страниц отзывов писали губернаторы, попечители учебных округов, директора многих учебных заведений и т.д., кончилась практически ничем. В 1894 году, в связи с изменившейся социально-политической обстановкой в стране и началом нового общественного подъема, Государственный совет вынужден был отклонить все проекты и предложения, подготовленные комиссией М.С. Волконского.

В итоге комиссии не удалось ни сдержать развитие среднего женского образования, ни сломать его учебный курс, ни ввести его в старое сословное русло. Не предприняла комиссия Волконского никаких существенных мер и для создания низших женских училищ – число их было весьма ничтожно. Профессиональных же женских школ она не создала вовсе. Единственным реальным «успехом» комиссии было закрытие в 1886 году высших женских курсов. Передовой общественности удалось тогда отстоять только С.-Петербургские Бестужевские курсы. Остальные были открыты лишь 14 лет спустя, в 1900 году.

Развитие среднего женского образования в конце XIX – начале XX века

Общую картину развития женского образования в России во второй половине XIX – начале XX века характеризуют данные приводимых ниже таблиц. Часть из них рассмотрим здесь, часть – приведем как справочный материал в приложениях к настоящей работе.

Поскольку основным объектом атаки реакции в пореформенный период были министерские женские гимназии и прогимназии, начнем с таблицы 7, показывающей, как протекало их развитие.

Таблица 7

Рост числа женских гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения в 1858-1893 гг.

Годы	Женские гимназии		Женские прогимназии		Общее число	
	Число школ	Число учащихся	Число школ	Число учащихся	школ	учащихся
1858	3	–	2	–	5	–
1861	20	–	52	–	72	–

1864	37	3636	75	4630	112	8266
1874	75	18498	135	14652	210	33150
1884	109	41107	201	24557	310	65664
1894	118	35366	168	22506	286	57872
1904	246	103735	153	34289	399	142024
1914	503	211910	174	24128	677	236038

Как видно из этой таблицы, первый существенный скачок числа женских гимназий и прогимназий произошел в момент их создания. За три года, с 1858 по 1861 год, общее их число выросло до 72 (20 гимназий и 52 прогимназии). С 1864 по 1884 год рост женских гимназий был устойчивым, равномерным и достаточно интенсивным. При этом количество неполных средних женских школ – прогимназий обгоняло количество гимназий – полных женских средних школ, что свидетельствовало о первоначальной ориентации средних слоев населения именно на прогимназический тип женской школы.

В десятилетие с 1884 по 1894 год, когда развернулась активная борьба реакционных сил, в том числе комиссии Волконского, против министерских гимназий и прогимназий, рост первых резко затормозился, а число вторых даже пошло на убыль. Убывающая тенденция женских прогимназий сохранилась и в последующее время, но преимущественно за счет смены ориентации среднего класса на более полное, гимназическое женское образование и, соответственно, за счет преобразования части прогимназий в полные женские гимназии. Однако к 1914 году вновь обозначился рост женских прогимназий в общей линии стремительного взлета числа министерских женских учебных заведений.

Данные, характеризующие развитие этих учебных заведений в конце XIX – начале XX столетия, существенно уточняют традиционные представления о незначительных масштабах и темпах роста женского образования в этот период, который обычно недооценивался во многих отношениях, главным образом в силу его фактической неизученности. Между тем в эти два десятилетия, с 1894 по 1914 год министерская женская школа совершила два крупных скачка, добившись количественного увеличения в первое десятилетие почти в полтора раза (гимназии – в 2 раза) и во второе десятилетие – еще в 1,7 раза (гимназии – в 2 раза). Общее число учащихся этой школы в 1914 году возросло в сравнении с 1894 годом в 4 раза (в гимназиях – в 6 раз).

То есть за два десятилетия, по существу, была выстроена сеть министерских женских школ, в 2,3 раза превышающая по масштабам сеть, созданную за три пореформенных десятилетия.

В таблицах 8 и 9 впервые в российской историографии даются сравнительные статистические данные о развитии мужской и женской

школ в России (основных типов) во второй половине XIX – начале XX столетия.

**Сравнительные данные о развитии мужской и женской
средней школы в 1858–1914 годах¹**

Таблица 8

Учебные заведения	1856/ 1858 гг.	1864 г.	1874 г.	1884 г.	1894 г.	1904 г.	1914 г.
Мужские учебные заведения	<u>93</u> 19488	<u>132</u> 32060	<u>220</u> 52376	<u>327</u> 82127	<u>307</u> 78680	<u>364</u> 136269	<u>868</u> 233808
в том числе:							
гимназии МНП	<u>75</u> 19136	<u>92</u> 26911	<u>110</u> 34277	<u>149</u> 51728	<u>149</u> 49436	<u>192</u> 81836	<u>240</u> 119154
реальные училища	–	–	<u>35</u> 6710	<u>98</u> 20584	<u>98</u> 20584	<u>137</u> 40797	<u>320</u> 62089
прогимназии МНП	<u>4</u> н/с	<u>5</u> 1145	<u>50</u> 6328	<u>62</u> 7465	<u>51</u> 5654	<u>18</u> 2807	<u>42</u> 5040
Женские учебные заведения	<u>36</u> н/с	<u>220</u> 19777	<u>341</u> 56838	<u>454</u> 92445	<u>438</u> 100627	<u>643</u> 202131	<u>1347</u> 400647
в том числе:							
гимназии МНП	<u>3</u> н/с	<u>37</u> 3636	<u>75</u> 18498	<u>109</u> 41107	<u>118</u> 35366	<u>246</u> 103735	<u>503</u> 211910
прогимназии МНП	<u>2</u> н/с	<u>75</u> 4630	<u>135</u> 13775	<u>201</u> 24557	<u>168</u> 22506	<u>153</u> 32005	<u>174</u> 21951
Всего	<u>129</u> н/с	<u>352</u> 51837	<u>561</u> 109214	<u>781</u> 174572	<u>745</u> 179307	<u>1007</u> 338400	<u>2215</u> 634447

Таблица 9

	1864 г.	1874 г.	1884 г.	1894 г.	1904 г.	1914 г.
Мужская средняя школа						
число школ	37,5	39,2	41,9	41,2	36,1	39,2
число учащихся	61,8	48,0	47,0	43,9	40,3	36,9
Женская средняя школа						
число школ	62,5	60,8	58,1	58,8	63,9	60,8
число учащихся	38,2	52,0	53,0	56,1	59,7	63,1

Как видно из этих таблиц, развитие средней женской школы в этот период *значительно опережало* мужскую. Уже в 1864 году количество женских средних учебных заведений превысило количество мужских (220 против 132). Вместе с тем число учащихся в мужских средних учебных заведениях в этот период в 1,6 раза превышало контингент женской средней школы. Однако уже в 1874 году мужская средняя школа потеряла в данном отношении перевес: контингент женской средней школы составил 52% от общего числа учащихся средней школы. Это преобладание женской школы и по числу учебных заведений, и по количеству учащихся не только сохранился, но и будет

¹ В числителе указано число учебных заведений, в знаменателе – количество учащихся.

нарастать до конца рассматриваемого периода, что наглядно видно из таблицы 9 (в %).

В начале XX века, как показывает таблица 8, контингент учащихся министерских женских гимназий и прогимназий существенно превышал количество учащихся в мужских гимназиях, реальных училищах и прогимназиях, вместе взятых. В целом же за 1864–1914 годы количество министерских женских гимназий и прогимназий возросло почти в 6 раз (гимназий – в 3,5 раз, прогимназий – в 2,3 раза). Контингент учащихся этих школ расширился в 28,5 раз.

В конце рассматриваемого периода, в 1914 г., средние женские учебные заведения составляли 59,7% всех средних школ России, а число учащихся в них – 63,5% от общего контингента обучающихся в средней школе. Эти цифры позволяют не только существенно уточнить, но, по сути, *пересмотреть* обыденные представления о соотношении мужской и женской школы и динамике их развития во второй половине XIX – начале XX века. Отсутствие статистических данных в литературе, подобных тем, что приведены выше, прежде делали устойчивым представление о преобладании мужской средней школы в общей системе среднего образования. Как видим, при ближайшем рассмотрении с опорой на соответствующую статистику, это представление не выдерживает критики. Оно попросту неверно.

Что же касается сравнительного анализа развития основных типов мужской и женской средней школы, то можно констатировать, что уже в 1864 году количество министерских женских гимназий и прогимназий опережало число соответствующих мужских учебных заведений, правда, за счет большого количества женских прогимназий (75 против 5). Однако по количеству учащихся министерские женские гимназии и прогимназии отставали от основных типов мужских учебных заведений (гимназий, реальных училищ и прогимназий) до 1904 года, когда контингент женской школы превысил мужскую: число учащихся в женских гимназиях и прогимназиях составило 135740 человек против 125440 человек в указанных типах мужской средней школы. В 1914 году этот разрыв существенно увеличился: в 503 женских гимназиях и 174 прогимназиях обучалось 233861 человек, тогда как в 380 мужских гимназиях, 240 – реальных училищах и 42 прогимназиях (всего 662 учебных заведения) было 186283 ученика.

Все эти данные о развитии среднего женского образования, и в первую очередь – министерских женских гимназий и прогимназий, наглядно показывают, *во-первых, сколь велик был в рассматриваемый период спрос на женское образование*, которое ранее находилось, по сути, в «нулевом цикле». *И во-вторых, – сколь весом был*

общественный фактор развития образования, получивший свое ярчайшее отражение в сфере *женского образования*. Именно благодаря общественным усилиям женская средняя школа по своим масштабам не только встала вровень с мужской, которая находилась под непроницаемой опекой правительства, но и обогнала мужскую среднюю школу, – как по количеству учебных заведений, так и по числу учащихся. *Общественный фактор развития образования на этом примере убедительно доказал и свою бóльшую продуктивность и способность противостоять реакции даже в условиях массивных школьных контрреформ.*

Характерны сравнительные темпы общего роста средней мужской и женской школы в пореформенный и предреволюционный периоды, при том, что женская школа уже в 1864 году, как было отмечено, по числу учебных заведений опережала мужскую. С 1864 по 1914 год количество мужских средних учебных заведений возросло в 6,6 раза, число учащихся в них – в 7,3 раза. Количество женских средних учебных заведений за этот период выросло почти в 6 раз, контингент их учащихся – более, чем в 20 раз. В 1914 году в 868 мужских средних учебных заведениях обучались 233808 человек, в 1347 женских средних учебных заведениях – 400647 человек, т.е. в 1,7 раза больше.

Посмотрим теперь, как проходил рост различных типов женских средних учебных заведений и какой удельный вес занимали они в общей системе среднего женского образования.

Комплекс трех приведенных ниже таблиц (10–12) содержит в себе данные, ранее отсутствовавшие в историографии, которые раскрывают общую картину, масштабы и динамику развития различных типов полных и неполных женских средних учебных заведений в пореформенный и предреволюционный периоды.

Таблица 10

Рост различных типов женской средней школы в 1858–1914 гг.

Учебные заведения	1858	1864	1874	1884	1894	1904	1914
Полные средние женские школы	30	133	196	245	256	453	1096
Гимназии МНП	3	37	75	109	118	246	503
Гимназии ВУИМ	4	14	32	30	32	31	34
Женские институты	23	27	29	29	26	32	32
Епархиальные училища	–	–	28	40	51	62	75
Частные гимназии	–	55	32	37	29	82	452
Неполные средние женские школы	6	87	145	209	182	190	251
Прогимназии МНП	2	75	135	201	168	153	174
Училища духовного ведомства	4	12	10	8	13	13	11
Частные прогимназии	–	–	–	–	1	24	66

Всего	36	220	341	454	438	643	1347
--------------	-----------	------------	------------	------------	------------	------------	-------------

Таблица 11

Рост различных типов женской средней школы в 1858–1914 гг. (в %)

Учебные заведения	1858	1864	1874	1884	1894	1904	1914
Полные средние женские школы	83,3	60,5	57,5	54,0	58,4	70,5	81,4
Гимназии МНП	8,3	16,8	22,0	24,0	27,0	38,3	37,3
Гимназии ВУИМ	11,1	6,4	9,4	6,6	7,3	4,8	2,5
Женские институты	63,9	12,3	8,5	6,4	5,9	5,0	2,4
Епархиальные училища	–	–	8,2	8,8	11,6	9,6	5,6
Частные гимназии	–	25,0	9,4	8,2	6,6	12,8	33,6
Неполные средние женские школы	16,7	39,5	42,5	46,0	41,6	29,5	18,6
Прогимназии МНП	5,6	34,1	39,6	44,3	38,4	23,8	12,9
Училища духовного ведомства	11,1	5,4	2,9	1,7	3,0	2,0	0,8
Частные прогимназии	–	–	–	–	0,2	3,7	4,9
Итого	100						

Таблица 12

Рост числа учащихся различных типов женской средней школы в 1858–1914 гг.

Учебные заведения	1858	1864	1874	1884	1894	1904	1914
Полные средние женские школы	н/с	15147	42186	67888	78121	167842	376519
Гимназии МНП	–	3636	18498	41107	35366	103735	211910
Гимназии ВУИМ	–	2027	9159	2930	12894	14295	17161
Женские институты	–	6079	6520	7666	8778	8004	9336
Епархиальные училища	–	–	3538	8540	13278	19866	28671
Частные гимназии	–	3405	4287	5313	5850	21942	109436
Неполные средние женские школы	н/с	н/с	14652	24557	22506	34289	24128
Прогимназии МНП	–	4630	13775	24557	22506	32005	21951
Училища духовного ведомства	–	–	877	2332	н/с	2284	2177
Частные прогимназии	–	–	–	–	–	–	–
Всего	н/с	19777	56838	92445	100627	202131	400647

Как показывают эти таблицы, тенденции развития женских полных и неполных средних школ в целом соответствовали отмеченным выше тенденциям эволюции министерских гимназий и прогимназий, поскольку эти учебные заведения с 1864 года составляли преобладающую часть как полных, так и неполных женских средних школ: в 1864 г. – 50,9%; в 1874 г. – 61,6; в 1884 г. – 68,3; в 1894 г. – 65,4; в 1904 г. – 62,1 и в 1914 г. – 50,2%. То есть на протяжении всего рассматриваемого периода *министерские гимназии и прогимназии представляли собой основное ядро системы среднего женского образования в России*. Некоторое сокращение их удельного веса в этой системе

произошло только в начале и в конце рассматриваемого периода за счет роста частных женских средних учебных заведений, которые в общем корпусе средней женской школы составили в 1864 г. – 25, в 1904 г. – 12,8 и в 1914 г. – 33,6%.

По количеству учащихся министерские женские гимназии и прогимназии во второй половине XIX – начале XX века также занимали ведущее место в общей системе среднего женского образования. В них учились: в 1864 году – 8266 человек или 41,7% учащихся; в 1874 году – соответственно 32273 человека или 56,8%; в 1884 году – 65664 человека или 71%; в 1894 году – 57872 человека или 57,5%; в 1904 году – 135740 человек или 67,2% и в 1914 году – 233861 человек или 58,3% всех учащихся средней женской школы.

Как уже отмечалось, лидирующее положение в женском образовании в дореформенный период занимали женские институты Ведомства учреждений императрицы Марии. Свое лидерство они сохраняли, однако, только до первых шагов реформы женского образования в конце 1850–1860-х годах. Но уже с первых этих шагов они быстро утратили былое первенство – в 1864 году их удельный вес в системе женского образования составлял только 12,3%. В дальнейшем этот удельный вес продолжал весьма быстро падать и в 1914 году составил лишь 2,4% общего числа женских средних учебных заведений.

Невысокий удельный вес в системе среднего женского образования имели и мариинские гимназии. Если в начале рассматриваемого периода, в 1858 году они составляли 11,1% от общего числа женских средних школ, опережая министерские гимназии (8,3%), то в дальнейшем мариинские гимназии повторили судьбу женских институтов своего ведомства. В 1914 году в общей системе женского образования они занимали третье место с конца (после женских училищ духовного ведомства и женских институтов), составляя всего 2,5% женских средних школ.

Четвертое место в иерархии женских средних учебных заведений занимали епархиальные училища духовного ведомства. Несмотря на то, что число их в рассматриваемый период медленно, но неуклонно росло, в относительном исчислении, на фоне общего расширения системы женского образования, этот рост был мало заметен. А с общим рывком этой системы в начале XX века доля епархиальных училищ почти и вовсе сократилась. В 1914 году она составила 5,6% от общего числа женских средних учебных заведений.

Чрезвычайно показателен бурный рост частной женской школы накануне и после революции 1905 года. К 1904 году число частных женских гимназий выросло в сравнении с 1894 годом в 2,8 раза, коли-

чество учащихся в них – в 3,7 раза. В следующее десятилетие их число возросло еще в 5,5 раз, количество учащихся – почти в 5 раз. В общей системе среднего женского образования в конце рассматриваемого периода эти учебные заведения занимали третье место после министерских гимназий (первое место) и прогимназий (второе место). В 1904 году частные женские гимназии и появившиеся в то время частные женские прогимназии составляли 16,5%, а в 1914 году – уже 38,5% общего числа женских средних школ.

Это обстоятельство ярчайше свидетельствовало о росте частной инициативы в образовании в начале XX столетия – и не только в женском. В 1914 году насчитывалось 190 мужских частных средних учебных заведений, из них – 119 мужских гимназий и 71 реальное училище. Но частных женских средних учебных заведений было тогда почти в 3 раза больше – 518, в том числе 452 женские гимназии и 66 женских прогимназий. Частная инициатива, как и общественная, продолжала поднимать прежде всего женскую среднюю школу.

Важнейшим результатом реформ женского образования, проведенных в 1860-х годах, стал относительно быстрый *процесс демократизации женской средней школы*. Об этом наглядно свидетельствуют данные таблицы 13, которые показывают изменения социального состава учащихся женских учебных заведений, подведомственных Министерству народного просвещения (как уже отмечалось, именно эти учебные заведения являлись базовым основанием женского среднего образования в России).

Таблица 13

**Изменение социального состава учащихся женской средней школы
Министерства народного просвещения во второй половине XIX в. (в %)**

Сословные группы	Женские гимназии			Женские прогимназии		
	1865	1880	1898	1865	1880	1898
Дворяне, чиновники	61,7	49,9	45,1	19,9	21,5	17,0
Духовенство	5,9	7,5	3,3	5,5	12,8	7,3
Городские сословия	28,2	35,3	43,4	66,9	51,0	56,9
Сельские сословия	2,3	4,4	5,3	7,4	12,8	16,1
Прочие сословия	1,9	2,9	2,9	0,3	1,9	2,7

Как видно из этой таблицы, с 1865 по 1898 год удельный вес учащихся из дворян и чиновников понизился в женских гимназиях в 1,5 раза (в 1898 году учащиеся этой категории составляли менее половины общего контингента гимназий) и почти во столько же вырос удельный вес учащихся из городских сословий. Доля учащихся из сельских сословий увеличилась и в гимназиях и в прогимназиях более чем вдвое. В целом же социальный состав учащихся женских прогим-

назий был значительно более демократичным, чем в гимназиях, ибо эти учебные заведения изначально были направлены на удовлетворение образовательных нужд среднего класса – прежде всего городских сословий.

Падение удельного веса «первенствующего сословия» в министерских женских гимназиях проходило более интенсивно, чем в мужских, где в 1898 году данная категория учащихся составляла более половины общего их состава – 52,2% [129, с. 550]. Это объяснялось *двумя основными причинами. Во-первых*, Министерство народного просвещения, практически не субсидируя женскую школу, не могло в ней, сколько бы ни пыталось, провести столь жесткий сословный курс, как в мужских гимназиях, даже в период второй волны школьных контрреформ. Не случайно работа комиссии Волконского, по существу, завершилась ничем. *И во-вторых*, широкое общественное участие в делах министерской женской школы существенно локализовывало все старания министерства по социальной «очистке» женской школы.

Напротив, в мариинских женских учебных заведениях, где не существовало такой системы общественных «сдержек и противовесов» и где более тесной, если не непрерываемой, была опека правительства, состав учащихся был более привилегированным. Не говоря уже о том, что этому способствовала и высокая плата за обучение в данных учебных заведениях. Здесь она составляла в конце XIX века 74 руб. в год, против 40 руб. в министерских гимназиях; в женских же институтах плата была 185 руб. в год [251, с. 39].

Результаты этого, естественно, не могли не сказаться на различии в социальном составе учащихся мариинских и министерских женских школ. В 1880 году соотношение представителей «первенствующего сословия» и городских сословий было соответственно в женских институтах – 88,3 и 7%, в мариинских гимназиях – 53,6 и 33,4%, в министерских гимназиях – 49,9 и 35,3%.

Таким образом, *реформы 1860-х годов оказали решающее влияние на развитие среднего женского образования в России, начав принципиально новый его жизненный цикл.*

Во-первых, реформы сформировали достаточно стройную и масштабную систему этого образования.

Во-вторых, они дали мощный импульс развитию средней женской школы, и прежде всего ее ведущему звену – министерским гимназиям и прогимназиям. Динамика этого развития оказалась столь стремительной, что женская средняя школа не только стала вровень с мужской, но и существенно обогнала последнюю.

В-третьих, реформы фактически сравнивали женскую и мужскую среднюю школу и в качестве образования.

И в-четвертых, они обеспечили значительное опережение демократизации социального состава средней женской школы в сравнении с мужской.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные преобразования российской школы опираются не только на новейшие достижения педагогической науки и инновационной педагогической практики. Их фундаментальной опорой является и исторический опыт отечественного образования, его демократические и гуманистические традиции. Успех нынешних преобразований находится в прямой зависимости от того, насколько они укоренены в этих традициях, насколько глубоко и масштабно они решают как неотложные современные проблемы, так и задачи, оставленные им в наследство предшествовавшей исторической жизнью российской школы.

В этом плане история отечественного образования, в частности – женского образования, которому посвящена настоящая работа, дает богатейший материал, драгоценный опыт, который может быть востребован сегодня. Этот опыт наглядно свидетельствует, что основным мерилom социальной глубины, перспективности и одновременно социальной защищенности любой образовательной реформы является ее соответствие социально-экономическим и образовательно-культурным потребностям страны и потребностям развития самого образования; отражение в реформе многообразных общественных запросов и интересов; участие общества и педагогического сообщества в ее подготовке и проведении. И напротив, основные усилия любой образовательной контрреформы, – как концентрированного выражения реакционной образовательной политики, – всегда направлены в сторону «замораживания» развития образования, отстранения общества от школы, унитаризации и унификации образования.

В сравнении со странами Западной Европы в России *государственный фактор* развития образования, и не только женского, длительное время был господствующим в силу специфики государственного устройства и особенностей исторической жизни страны. Если на Западе государства уже в XVIII веке разделяли заботы в школьном строительстве между собой, церковь и общественными усилиями, то в России вплоть до середины XIX столетия самодержавное государство в этой сфере было единственным гегемоном, выстраивая школу в своих интересах и по своему образу и подобию. Только в период общественного подъема второй половины 1850-х годов в действие *впервые вступает другой мощный фактор развития образования – общественная деятельность, общественная инициатива*.

С этого времени в российском образовании зарождаются и получают развитие два встречных, противоборствующих процесса. С од-

ной стороны, государство стремится все более усилить свое влияние на школу. С другой, – школа, образование все более уходят из его рук, превращаясь в важнейшую функцию общества. И чем шире образование входит в сферу общественной практики, тем жестче становится правительственный контроль над ним, тем активнее попытки власти пресечь общественную инициативу.

В итоге происходит своеобразное разделение сфер влияния в российском образовании. Государство оставляет за собой в основном свои ранее созданные образовательные бастионы – мужскую высшую, среднюю, педагогическую, военную и духовную школу. Общество берет на себя создание прежде всего женского, затем – начального народного, профессионально-технического, внешкольного и дошкольного образования. Характер и степень этого размежевания были не схожи на разных этапах развития российского образования, как различна была и мера жесткости правительственного контроля над отдельными звеньями школы в зависимости от социально-экономической и политической конъюнктуры. Но вектор указанного размежевания оставался неизменным вплоть до 1917 года [63, с. 84, 53–54].

Отмеченная общая закономерность развития образования в России особенно наглядно проявилась в исторической жизни российской женской средней школы. *Первый ее жизненный цикл*, охватывавший 1760–1850-е годы, протекал в рамках господствующего, непререкаемого влияния государства. *Второй ее жизненный цикл*, начавшийся в эпоху «великих реформ» 1860-х годов, был ознаменован опережающим «выпадением» значительной части средней женской школы из государственной сферы, обретением ею и юридически и фактически *общественного, неправительственного характера*.

Реформа женского образования стала первой в ряду радикальных школьных реформ 1860-х годов, поскольку это звено российской образовательной системы, в том зародышевом виде, в каком оно пребывало к середине XIX столетия, не удовлетворяло не только объективным потребностям страны, но и субъективным интересам широких общественных слоев, в том числе – преобладающей части господствующего класса. Эта реформа по своей идеологии, по характеру и способам ее подготовки стала *прологом, прообразом других школьных реформ*, более того, – одной из наиболее глубоких составляющих этих реформ, что осталось незамеченным и в дореволюционной, и в советской историко-педагогической литературе.

По существу, открытая всеобщая женская средняя школа, созданная в конце 1850–1860-х годах, *стала первым в России детищем*

общественных образовательных усилий. Она представляла собой *принципиально новую социально-педагогическую модель построения женского образования*, отвергавшую *три основные установки всей предшествующей правительственной политики в этой сфере: жесткую сословность, закрытый характер учебных заведений и полное устранение влияния на них общественности*.

В основу этой новой модели женской школы была положена новаторская концепция женского образования, выдвинутая передовой русской педагогической мыслью и в первую очередь – К.Д. Ушинским и Н.А. Вышнеградским. Эта концепция базировалась на идеях всесословности и открытости женской средней школы, общечеловеческого характера женского образования и его равенства с образованием мужским, единства воспитательного влияния семьи и школы, общественно-государственного характера женского образования, общественного участия в его развитии.

В результате реформы женской школы в 1860-х годах прежнее эмбриональное состояние этого звена российского образования было преодолено. Родилась и быстро набирала силы полнокровная, массовая, динамично развивающаяся женская средняя школа, которая по своим масштабам в короткое время обогнала школу мужскую.

Женская средняя школа вышла из реформ 1860-х годов обновленной, оформившейся в достаточно стройную систему, отдельные компоненты которой дополняли друг друга. В этой системе отчетливо выделялись *два сектора* – впервые появившийся в российском образовании *общественно-государственный сектор*, представленный министерскими гимназиями и епархиальными училищами, и *государственный* – учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии. Динамика развития первого сектора была явно опережающей. И именно этот сектор, в особенности всесословные открытые министерские гимназии и прогимназии, в конечном итоге определял лицо женского образования в дореволюционной России.

Новая открытая всесословная женская средняя школа – область образования, практически заново созданная в 60-х годах XIX века, явилась ключевым звеном системы женского образования в пореформенной России. Она создала необходимые предпосылки для организации высших женских учебных заведений. Она же стала важнейшим фактором развития начальной народной школы, подготовив для этой школы значительную часть учительских кадров.

Уже в 1880 году среди учителей сельских начальных народных училищ Европейской России женщины составляли 20% – 4878 человек. Из них выпускниц средних женских учебных заведений было

62,7% (3059 человек). Возраст трех четвертей всех учительниц не превышал 25 лет, т.е. женская средняя школа была их самым недавним прошлым [259, с. 40, 7, 52]. К 1911 году число учительниц начальных народных училищ возросло почти в 20 раз, и они составили 53,8% общего количества народных учителей [249, с. 89]. Иными словами, получив в 1860-х годах право преподавания в начальной народной школе, выпускницы женских средних учебных заведений через полвека составляли уже *более половины* учительского корпуса этой школы.

Созданная в результате реформ 1860 годов как общественно-государственная система, новая открытая всесословная женская средняя школа уверенно доказала свою жизнеспособность, доказала, что она обладает значительно большим потенциалом развития, чем многие другие сферы образования – как женского, так и мужского. Этот уникальный феномен истории отечественного образования, к сожалению, до настоящего времени не получил должного освещения в литературе. Настоящая работа имела целью восполнить этот пробел.

Вместе с тем данная работа имела и другую, «скрытую» цель. Известно, что история, имеющая продолжение, – это историческая жизнь. Тогда как история без продолжения – лишь пантеон. Посему второй целью работы было актуализировать проблемы истории женского образования. Поскольку историческая жизнь на новом своем витке сама поставила общество перед лицом данных проблем.

Реформа образования 1992 года взломала однообразное, асфальтовое поле образования. Образовательная нива задышала. На ней появились новые ростки – многообразные учебные заведения, о которых мы успели забыть – гимназии, лицеи, кадетские корпуса, казачьи школы и многое другое. Одним из наиболее ярких таких ростков стала возрождающаяся женская школа в ее различных формах. Все эти школы вызваны общественным спросом. А образование только тогда соответствует интересам общества, когда удовлетворяет этот спрос.

Интерес родителей и педагогов к возрождению женской школы в ее современном виде, к раздельному обучению девочек далеко не случаен. Этот интерес вызван рядом причин.

В педагогике не бывает безусловных потерь и безусловных приобретений. Чаще приобретая одно, мы в определенной мере утрачиваем другое. Так, при всех неоспоримых достоинствах современного совместного обучения нынешняя организация школы объективно вызывает необходимость особого осмысления и учета специфики образования женщины, то есть женского образования.

Между тем эта специфика имеет не только глубокие психофизиологические основания – особенности женской природы, женских склонностей, потребностей, интересов и т.д. Она имеет и глубокие философские корни.

«Характер человека, – писал Ушинский, – более всего формируется в первые годы его жизни, и то, что ложится в этот характер в эти первые годы, – ложится прочно, становится второй природой человека; но так как дитя в эти первые годы свои находится под исключительным влиянием матери, то и в самый характер его может проникнуть только то, что проникло уже прежде в характер матери. Все, что усваивается человеком впоследствии, никогда уже не имеет той глубины, какой отличается все, усвоенное в детские годы. Таким образом, женщина является необходимым посредствующим членом между наукой, искусством и поэзией, с одной стороны, нравами, привычками и характером народа, с другой» [178, т. 1, с. 477].

Современная школа фактически не учитывает всей этой специфики женского образования, важнейшая задача которого – раскрыть в женщине готовность и способность к исполнению первейшего ее призвания – призвания матери, равно как и хранительницы семейного очага. С другой стороны, отсутствие сегодня специфики женского воспитания не дает женщине опоры в противостоянии негативному воздействию обстоятельств, которые все более отягощают ее несвойственными ей мужскими чертами.

Все это в настоящее время побуждает немалую часть родителей и педагогов искать пути восстановления утраченных позитивных черт женского образования (которые в зарубежных странах сохранились во многих частных женских школах). Отсюда – многочисленные попытки создания отдельных женских школ, введения особых факультативов для женской части учащихся и т.д.

Несомненно, что ознакомление с отечественным опытом женского образования, который отражен в данной книге, позволит сделать эти попытки значительно более осмысленными и плодотворными, а нашу систему школьного образования более красочной, разнообразной.

ЛИТЕРАТУРА

Официальные издания

1. *Бецкой И.И.* Устав воспитания двухсот благородных девиц учрежденного е.в. императрицей Екатериной II. СПб., 1768.
2. *Воронов А.С.* Материалы для нового положения о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения // Журнал министерства народного просвещения. 1865. Т. 125.
3. Ведомство учреждений императрицы Марии в царствование императора Александра III. 1880–1894. СПб., 1895.
4. 25-летие С.-Петербургских женских гимназий ведомства учреждений императрицы Марии, 19-го апреля 1858–1883: Краткая историческая записка. СПб., 1883.
5. Дополнение к сборнику постановлений и распоряжений по женским гимназиям Министерства народного просвещения за 1870–1905 гг. М., 1908.
6. Дополнение к сборнику постановлений по Министерству народного просвещения. 1803–1864. СПб., 1867.
7. Женские гимназии и прогимназии Министерства народного просвещения 1858–1905 гг. СПб., 1905.
8. Замечания на проект устава общеобразовательных учебных заведений и на проект общего устройства народных училищ. СПб., 1862.
9. Замечания иностранных педагогов на проекты уставов учебных заведений Министерства народного просвещения. СПб., 1863.
10. Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения (за период 1858–1900 гг.). СПб., 1859–1902.
11. Инструкция начальницам женских учебных заведений. СПб., 1847.
12. *Кампе.* Отеческие советы моей дочери. СПб., 1890. Ч. 1.
13. *Лаурсон А.М.* Справочная книга для учебных заведений и учреждений ведомства Министерства народного просвещения. Петроград, 1916.
14. Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. СПб., 1852.
15. Настольная книга по народному образованию / Сост. Г. Фальброк, В. Чернолуский. М., 1901.
16. Нормальные табели, учебные планы и программы для женских институтов и гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии. СПб., 1905.
17. Обзор деятельности Ведомства народного просвещения за время царствования императора Александра III. СПб., 1901.
18. Об училищах девиц духовного звания. СПб., 1866.
19. Положение о частных учебных заведениях. СПб., 1835.

20. Правила внутреннего распорядка Мариинского женского училища, утвержденного главноуправляющим в 1859 г. // Устав женских гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии. СПб., 1906.

21. Предложения проекта П.А. Валуева по вопросам внутренней политики (1862–1866) // Исторический архив. 1958. № 1.

22. Программа преподавания всеобщей и русской истории в женских учебных заведениях. СПб., 1853.

23. Программы учебных предметов для женских институтов с объяснительными записками // Женское образование. 1876. № 1.

24. Пятидесятилетие IV отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1828–1878. СПб., 1878.

25. Сборник действующих постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения / Сост. М. Родевич. СПб., 1884.

26. Сборник постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения за 1875–1909 гг. В 3 ч. / Сост. Д. Кузьменко. М., 1910.

27. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: В 5 т. СПб., 1865–1875.

28. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 3–7. СПб., 1867–1905.

29. Сборник узаконений об учебных заведениях, не состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения. Вып. 1, 2. СПб., 1905, 1907.

30. Свод законов Российской империи: Свод уставов учебных учреждений и учебных заведений. Т. XI. Ч. 1. СПб., 1893; Ч. 2. СПб., 1911.

31. Свод узаконений о женских институтах Ведомства учреждений императрицы Марии: В 2 кн. СПб., 1903.

32. Устав женских учебных заведений ведомства учреждений императрицы Марии, утвержденный 30 августа 1855 г. СПб., 1885.

33. Устав епархиальных женских училищ. Пенза, 1880.

34. Устав училищ для приходящих девиц ведомства учреждений императрицы Марии. СПб., 1862.

35. Учебные заведения ведомства учреждений императрицы Марии: Краткий очерк. СПб., 1906.

36. Учебные планы и примерные программы предметов, преподаваемых в женских гимназиях. СПб., 1890.

37. Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоего пола. Т. 1–2. СПб., 1774.

Общие работы

38. Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.) М., 1987.
39. Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начала XX века. М, 1990.
40. *Аппельрот Г.* Образование женщины среднего и высшего состояния // Отечественные записки. 1858. № 21. Февраль.
41. *Амфитеатров А.* Женщина в общественных движениях России. СПб., 1907.
42. *Бетхер А.* К вопросу об изменении учебного плана в женских гимназиях // Женское образование. 1876. № 10.
43. *Бокль.* Влияние женщин на успехи знания. СПб., 1864.
44. *Васильева М.В.* Женское движение в России в 60-х гг. XIX в. Автореферат канд. дис. М., 1951.
45. *Вессель Н.Х.* Очерки об общем образовании и системе народного образования в России / Сост. В.Я. Струминский. М., 1959.
46. *Вирхов Р.* О воспитании женщины согласно ее призванию. Предисловие Д.И. Писарева. М., 1865.
47. *Висковатов М.* Несколько слов об образовании женщин // Дамский вестник. 1860. № 2.
48. *Водовозов В.И.* Избранные педагогические сочинения. М., 1986.
49. *Волкова А.* Женское движение в разных странах. СПб., 1900.
50. Вопрос о воспитательной деятельности женских открытых учебных заведений // Журнал Министерства народного просвещения. 1863. № 2.
51. *Воронов А.С.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 год. СПб., 1854.
52. Воспитание и образование женщины // Женское образование. 1883. № 9.
53. *Ганелин Ш.И.* Очерки по истории средней школы в России 2-й половины XIX в. 2-е изд., испр. и доп. М., 1954.
54. *Гаршин Е.* К вопросу об организации женского образования. СПб., 1893.
55. *Герье В.И.* Теория и практика женского образования // Вестник Европы. 1877. № 4.
56. *Гольцев В.* Новые попытки по решению вопроса о женском образовании // Вестник Европы. 1882. № 10.
57. *Головачев Г.Ф.* О женских учебных заведениях // Русский вестник. 1860. Т. 28. № 7, 8.
58. *Дебольский Н.Г.* О женском образовании // Русская школа. 1890. № 9, 10, 11.

59. Демков М.И. История русской педагогики. Ч. 3. М., 1909.
60. Деревицкий А.Н. Женское образование в России и за границей. Исторические справки и практические указания. Одесса, 1902.
61. Дестунис Н. Чему мы, женщины, учимся? // Русская беседа. 1859. № 3.
62. Днепров Э.Д. Женское образование в пореформенной России // Федосова Э.П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России. М., 1980.
63. Днепров Э.Д. Самодержавие и народное образование в пореформенной России // Школа и педагогическая мысль России периода двух буржуазно-демократических революций. М., 1984.
64. Днепров Э.Д. Системный подход в изучении народного образования дореволюционной России // Школа и педагогическая мысль России периода двух буржуазно-демократических революций. М., 1984.
65. Добролюбов Н.А. Избранные педагогические сочинения. М., 1986.
66. Женское движение у нас и за границей // Отечественные записки. 1870. № 4.
67. Женщины ученые и учащиеся. М., 1879.
68. Жизнь и труды принца Петра Георгиевича Ольденбургского. СПб., 1885.
69. Забелина Е.П. Средняя женская школа в физическом и умственном отношении. М., 1890.
70. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80 – начала 90-х годов). М., 1970.
71. Зинченко Н. Женское образование в России: Исторический очерк. СПб., 1901.
72. Зыбина Л. Взгляд на значение женщины в исторической жизни народов. М., 1870.
73. Игнатович В.В. Женское образование и женские школы в теории и на практике. СПб., 1865.
74. История общеобразовательной и профессиональной школы России: Библиографический указатель дореволюционной литературы. Л., 1990.
75. История педагогических курсов при женских гимназиях // Женское образование. 1890. № 8.
76. История России в XIX веке. Вып. 14, 15, 27, 28. СПб.: А. и И. Гранат. 1907–1916.
77. Найдаш С. Сила слабых. Женщины в истории России (XI–XIX вв.). М., 1989.
78. Каптерев П.Ф. История русской педагогики. 2-е изд. Пг., 1916.
79. Катков М.Н. О женском образовании. М., 1897.
80. Кечетжи-Шаповалов М. Женское движение в России и за границей. СПб., 1902.

81. *Кейзер Ф.* О женских училищах // Журнал родителей и наставников. 1864. № 23, 24.
82. *Киперман А.Я.* Из истории женского образования в России в 60–70-х годах XIX в. // Уч. зап. Шуйского пед. ин-та. Вып. 10. 1963.
83. *Кирпотин В.Я.* Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966
84. *Классовский В.И.* Заметки о женщине и ее воспитании. СПб., 1874.
85. *Ковалева И.Н.* Женский вопрос в России в 50–60-х годах XIX в. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981.
86. *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909.
87. *Котова И.Б., Шиянов Е.Н.* Идея гуманизации образования в контексте отечественной теории личности. Ростов-на-Д., 1996.
88. *Котова И.Б., Шиянов Е.И.* Философско-аксиологические основания современной педагогики. Ростов-на-Д., 1997.
89. *Краснов М.* Епархиальные женские училища // Женское образование. 1892. № 12.
90. *Кузнецов А.* Епархиальные женские училища. СПб., 1909.
91. *Лапчинская В.П.* Возникновение женских гимназий в России и история первых лет их деятельности (Петербург 1858–1860-е годы). Автореферат канд. дис. М., 1951.
92. *Лапчинская В.П.* Н.А. Вышнеградский – его роль в развитии женского образования в России (1821–1872) // Советская педагогика. 1962. № 6.
93. *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971.
94. *Лихачева Е.И.* Материалы для истории женского образования в России: В 4 кн. СПб., 1890–1901.
95. *Лихачева Е.И.* Николай Алексеевич Вышнеградский в женских гимназиях // Русская школа. 1898. № 1.
96. *Львов К.И.* Белинский о воспитании женщин // Советская педагогика. 1948. № 5.
97. *Львов К.И.* Борьба П.Ф. Лесгафта за женское образование // Советская педагогика. 1950. № 6.
98. *Львов К.И.* Женское образование в СССР в прошлом и настоящем (в связи с проблемой совместного и раздельного обучения девочек народов СССР). Дисс. на степень доктора пед. наук / НИИ методов обучения АПН РСФСР. М., 1946.
99. *Малиновский Н.П.* Очерки по истории женского среднего образования в России // Русская школа. 1914. № 9, 10.
100. *Малицкий П.* Народное образование и женские епархиальные училища в царствование Александра II. Тула, 1880.
101. *Марков В.С.* О женском образовании. М., 1910.

102. *Мацкевич Д.* Заметки о женщинах. Киев, 1853.
103. *Мижуев П.Г.* Женский вопрос и женское движение. СПб., 1906.
104. *Мижуев П.Г.* Женское образование и общественная деятельность женщин в Германии. СПб., 1905.
105. *Мижуев П.Г.* Женское образование и общественная деятельность женщин в Соединенных Штатах Америки. СПб., 1893.
106. *Миллюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 2. М., 1994.
107. *Мирович И.* Начало женских гимназий в России 1857–1859 // Вестник Европы. 1897. Кн. 3.
108. *Михайлов М.Л.* Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе. СПб., 1903.
109. *Михневич В.О.* Русская женщина XVIII столетия. М., 1990.
110. *Намолова В.М.* Проблема женского образования и воспитания в трудах А.П. Щапова // Уч. зап. Иркутского пед. ин-та иностранных яз.. Вып. 3. 1970.
111. Несколько мыслей по поводу предполагаемых реформ в системе женского образования. СПб., 1896.
112. *Нефедова И.М.* «Журнал для воспитания» и его редактор А.А. Чумиков. (Из истории русской педагогической журналистики 50-х – начала 60-х гг. XIX в.) // Советская педагогика. 1962. № 7.
113. *Нефедьев И.* Потребность женских школ в России и начала, на которых они должны быть основаны // Русский педагогический вестник. 1860. № 1.
114. Несколько слов о женской школе частной инициативы. Одесса, 1910.
115. Образование в поисках человеческих смыслов / Под ред. Е.В. Бондаревской. Ростов-на-Д., 1995.
116. Образование женщин, его направление и цели // Вестник Европы. 1872. № 8. С. 868.
117. Об общественной важности образования женщин // Вятские губернские ведомости. 1864. № 31.
118. *Овцын В.* Развитие женского образования. СПб., 1887.
119. О воспитании девочек // Воспитание. 1860. № 9.
120. О женщинах Л.Н. Толстой, Г.Т. Бокль, А. Шопенгауэр, Герберт Спенсер. СПб., 1903.
121. *Озерская Ф.С.* Женское образование (первая половина XIX в.) // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. – первая половина XIX в. М., 1973.
122. *Озерская Ф.С.* Средние женские учебные заведения // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976.
123. О женском образовании // Отечественные записки. 1853. № 1.

124. *Ольденбург С.Ф.* Разбор сочинений Е.И. Лихачевой. СПб., 1904.
125. *Осинин И.* Исторические заметки о положении и образовании женщин // Женское образование. 1876. № 6.
126. *Острогорский В.П., Семенов Д.Д.* Русские педагогические деятели. М., 1909.
127. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР XVIII – первая половина XIX в. М., 1973.
128. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976.
129. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX в. М., 1991.
130. *Павлович Б.* Материалы для истории взглядов на образование и воспитание женщин // Женское образование. 1877. № 1.
131. *Павлович Б.* О преподавании педагогики в женских гимназиях // Женское образование. 1876. № 3.
132. *Павлович Б.* Существенные особенности женских среднеучебных заведений // Женское образование. 1876. № 2.
133. *Павлюченко Э.А.* Женщины в русском освободительном движении: от Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988.
134. *Пазухин А.Д.* Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886.
135. *Паначин Ф.Г.* Педагогическое образование в России: историко-педагогические очерки. М., 1979.
136. *Перфильева Е.И.* Становление и развитие среднего женского образования в России XIX века (40–60-е годы). Автореферат канд. дисс. Н. Новгород, 1992.
137. *Песковский М.Л.* Образование женщин у нас и за границей // Русская мысль. 1886. № 7.
138. *Пиллер О.В.* Итоги женского образования в России и его задачи. СПб., 1888.
139. *Пинчук В.* Женские учебные заведения Ведомства императрицы Марии: Исторический очерк // Женское образование. 1879. № 1, 2.
140. *Пиотровский А.* Нечто о женщинах и о том какое им нужно образование // Народное богатство. 1864. № 19, 20.
141. *Пирогов Н.И.* Избранные педагогические сочинения. М, 1985.
142. *Писарев Д.И.* Избранные педагогические сочинения. М., 1984.
143. *Писарев Д.И.* Мысли Вихрова о воспитании женщин // Русское слово. 1865. № 4.
144. *Победоносцев К.* Призвание женщины в школе и обществе. М., 1901.
145. *Пономарев С.И.* Материалы для истории женского образования в России. СПб., 1899.

146. По поводу 25-летия женских гимназий // Женское образование. 1883. № 3.
147. *Порбурн Д.* Женское образование с физической точки зрения / Пер. В.Я. Герда. СПб., 1884.
148. Празднование 25-летия существования в России женских гимназий // Женское образование. 1883. № 4.
149. *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.-Л., 1957.
150. *Рашевский И.* Педагогические курсы при С.-Петербургских женских гимназиях // Педагогический листок СПб. женских гимназий. 1875. Сентябрь.
151. *Ревелиотти А.* Как смотреть на женскую гимназию: как на частное или как на общественное дело? // Одесский вестник. 1862. № 109.
152. *Решетникова Ж.А.* К.Д. Ушинский о женском образовании и воспитании // К.Д. Ушинский и современные проблемы просвещения. Чебоксары, 1974.
153. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902. СПб., 1902.
154. *Рождественский С.В.* Из истории учебных реформ императрицы Екатерины II. СПб., 1909.
155. *Родников В.* Несколько исторических справок к вопросу о женском образовании. Киев, 1905.
156. *Родзянко А.* Семья и школа в деле женского воспитания // Журнал Министерства народного просвещения. 1862. № 6.
157. *Семенов Д.Д.* Епархиальные женские училища за первое 50-летие их существования // Русская школа. 1893. № 9, 10.
158. *Семенов Д.Д.* Избранные педагогические сочинения. М., 1953.
159. *Смирнов В.З.* Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX в. М., 1954.
160. *Снигирев Л.* Задачи образования в женских епархиальных училищах. СПб. 1898.
161. *Соловьев Н.И.* Милль, Конт, Бокль о женском вопросе. М., 1870.
162. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIII. Т. 26.
163. Сословная роспись учащихся в С.-Петербургских женских гимназиях // Женское образование. 1878. № 1.
164. Сочинения В. Белинского. М., 1859. Т. 7.
165. *Стоюнин В.* Воспитание русской женщины // Русский мир. 1859. № 3.
166. *Стоюнин В.Я.* Избранные педагогические сочинения. М., 1954.
167. *Страннолюбский А.* По поводу одного плана женского образования // Женское образование. 1892. № 2.

168. *Страннолюбский А.Н.* Три встречи с Вышнеградским // Образование. 1893. Ноябрь.
169. *Сытенко Н.* К вопросу о женском воспитании // Друг женщины. 1882. № 7.
170. *Тарасов И.Т.* Об образовании женщин. Ярославль, 1885.
171. *Тимошенко Л.Н. К.Д.* Ушинский о воспитании девочек // Вопросы истории педагогики. Разд. 2. Томск, 1975.
172. *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России 50–60-х годах XIX в. Л., 1984.
173. Толки о женском воспитании (рецензия на ст. Добролюбова). СПб., 1858.
174. Указатель важнейших сочинений по женскому вопросу. М., 1907.
175. Указатель литературы женского вопроса на русском языке // Северный вестник. 1887. № 8.
176. Указатель статей журнала «Женское образование» за 10 лет (1876–1885 гг.) // Женское образование. 1885. № 10.
177. *Ушинский К.Д.* Избранные труды: В 4 т. М.: Дрофа, 2005.
178. *Фенелон Ф.* О воспитании девочек // Русский педагогический вестник. 1857. Т. 1, 2.
179. *Ферри Ж.* Равенство просвещения // Женское образование. 1977. № 1.
180. *Филиппова Л.Д.* Из истории женского образования в России // Вопросы истории. 1963. № 2.
181. *Хвостов В.М.* Женщина накануне новой эпохи. М., 1905.
182. *Хвостов В.М.* Психология женщин. О равноправии женщин. М., 1911.
183. *Чарнолуцкий В.И.* Итоги общественной мысли в области образования. СПб., 1906.
184. *Чарнолуцкий В.И.* К школьной реформе. М., 1908.
185. *Чарнолуцкий В.* Основные вопросы организации школы в России. СПб., 1909.
186. *Черепанов С.А.* Учебные планы общеобразовательной школы в до революционной России // Известия АПН РСФСР. Вып. 33. М, 1951.
187. *Чернова Л.* Очерки из истории женского воспитания // Женское образование. 1878. № 12; 1879 № 1.
188. *Чернышев В.И. К.Д.* Ушинский и реформа Смольного и Александровского институтов // Изв. АПН РСФСР. Вып. 33. 1951.
189. *Чернышевский Н.Г.* Избранные педагогические сочинения. М., 1983.
190. *Чехов Н.В.* Типы русской школы в их историческом развитии. М., 1923.
191. *Чумиков А.* Мои цензурные мытарства // Русская старина. 1899. Сентябрь, декабрь.

192. *Чумиков А.И.* Мысли об устройстве женских училищ в губернских городах // Журнал для воспитания. 1857. Т. 1. № 3, 4.
193. *Ширинский-Шихматов А.А.* Письма о воспитании благородных девиц и обращение ее в мире. М., 1901.
194. *Шумигорский Е.С.* Ведомство учреждений императрицы Марии. 1797–1897. СПб., 1897.
195. Школа и жизнь // Женское образование. 1879. № 10.
196. *Щапов А.П.* Влияние общественного миросозерцания на социальное положение женщин в России // Дело. 1871. № 7, 8.

Женское образование в различных районах России

197. *Григорович А.* Об учреждении женских училищ в Костромской губернии // Журнал для воспитания. 1858. № 10.
198. *Дубенский Н.* Учреждение женских училищ во Владимирской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1860. № 5.
199. Женское образование на земле Войска Донского // Журнал Министерства народного просвещения. 1863. № 8.
200. Женские училища Западного края // Женское образование. 1880. № 4.
201. *Киприанович Г.Я.* К истории женского образования в Западной России. Вильно, 1910.
202. *Максимович Л.* Женские училища ведомства Министерства народного просвещения в губерниях С.-Петербургского учебного округа. СПб., 1865.
203. *Фирсов Н.* Очерк воспитания девиц в Пермской губернии. СПб., 1858.

Отдельные женские учебные заведения

204. *Алексеев С.Е.* Исторический очерк Царскосельской маринской женской гимназии (1865–1890). СПб., 1892.
205. *Бардовский А.Ф.* Патриотический институт. Исторический очерк за 100 лет (1813–1913). СПб., 1913.
206. Гимназия г. Спешневой // Женское образование. 1883. № 4.
207. 25-летие Коломенской женской гимназии // Женское образование. 1883. № 8.
208. Женская гимназия М.Н. Стоюниной // Женское образование. 1883. № 6, 7.
209. Женское учебное заведение Арсеньевой. М., 1877.
210. Историческая записка о московских училищах Святой Екатерины и Александровском. М., 1875.

211. *Корф Н.* Мариинская женская гимназия в Одессе // Женское образование. 1881. № 1.

212. *Лядов В.Н.* Исторический очерк 100-летней жизни имп. Воспитательного общества благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища. СПб., 1864.

213. Открытие женской гимназии в Костроме // Отечественные записки. 1857. № 4.

214. Сведения о женской классической гимназии С.Н. Фишер. М., 1882.

215. *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. СПб., 1914–1915. Т. 1–3.

Воспоминания и дневники

216. *Бельская А.* Очерки институтской жизни // Заря. 1870. Август.

217. *Витте Е.И.* Из воспоминаний начальницы женской гимназии. Изд-во Почаева, 1907–1908.

218. *Водовозова Е.Н.* На заре жизни: Мемуарные очерки и портреты. Т. 1, 2. М., 1987.

219. Воспоминания институтской жизни // Русский вестник. 1861. Октябрь.

220. *Галахов А.* Мои сношения с Я.И. Ростовцевым // Русская старина. 1872. № 2.

221. *Зайцев И.К.* Воспоминания старого учителя. 1805–1887 // Русская старина. 1887. Июнь.

222. *Керн (Маркова-Виноградская) А.П.* Воспоминания. Дневники. Переписка / Сост. вступ., ст. и примеч. А.М. Гордина. М., 1989.

223. *Ковалевская С.В.* Воспоминания и письма. М., 1961.

224. *Мордвинова З.Е.* Статс-дама М.П. Леонтьева. СПб., 1902.

225. *Никитенко А.В.* Дневник. М., 1955. Т. 1–3.

226. Письма в Бозе почившей императрицы Александры Федоровны к начальницам воспитательного общества благородных девиц. СПб., 1898.

226а. *Павлова О.П.* Двойная жизнь. М., 1848.

227. *Попов И.И.* Письмо старого педагога к юным друзьям (по вопросу о воспитании женщин). СПб., 1896.

228. *Ржевская Г.И.* Памятные записки Г.И. Ржевской, первой воспитанницы Смольного монастыря // Русский архив. 1871. № 1.

229. *Скворцова С.* Духовная жизнь гимназисток. М., 1896.

230. *Смиронова-Россет А.О.* Воспоминания. Письма. М., 1990.

231. *Стасов В.В.* Воспоминания и очерки. СПб., 1899.

232. *Стерлигова А.В.* Воспоминания о петербургском Екатерининском институте. 1850–1856 // Русский архив. 1898. № 4.

233. *Титова Н. К.Д.* Ушинский и В.И. Водовозов. Из воспоминаний институтки // Русская старина. 1887. Февраль.

234. *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров: воспоминания фрейлины двора Николая I и Александра II. М., 1990.

235. *Угличанинова М.С.* Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря сороковых годов. М., 1901.

236. *Феоктистов Е.Н.* За кулисами политики императрицы (1848–1896). М., 1991.

237. *Чарская Л.А.* Записки институтки. М., 1993.

Работы зарубежных авторов

238. *Dudgeon R.* Women and Higher Education in Russia, 1855–1905. Washington, 1975.

239. *Maegd Soep C. de.* The emancipation of women in Russian literature and society. A contribution to the knowledge of Russian society during the 1860, s. Cihent State University, 1978.

240. *Johanson Christint.* Women's struggle for higher education in Russia, 1855–1900. Kingston, Mc Gill-Queen's University Press, 1987.

241. *Satina Sophie.* Education of women in pre-Revolutionary Russia. New York. 1966.

242. *Stites R.* The women's liberation movement in Russia. Feminism, nihilism and bolshevism. 1860–1930. Princeton, New Jersey, 1978.

Статистические материалы

243. Ежегодник России 1905 г. СПб., 1906.

244. Ежегодник России 1915. СПб., 1916.

245. Историко-статистический очерк общего и специального образования в России / Под ред. А.Г. Небольсина. СПб., 1884.

246. Обзор деятельности Министерства народного просвещения и подведомственных ему учреждений в 1862, 63 и 64 годах. СПб., 1865.

247. Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 г. Вып. XVI. СПб., 1916.

248. Памятная книжка Министерства народного просвещения на 1865 г. СПб., 1865.

249. Производительные силы России / Сост. под общ. ред. В.И. Ковалевского. СПб., 1896.

250. Сборник сведений по России за 1884–1885 гг. СПб., 1887.

251. Сборник справочных сведений по Министерству народного просвещения за 1862 и частью за 1863 и 1864 годы. СПб., 1864.

252. Специальные учебные заведения, мужские и женские, в 50 губерниях Европейской России и в 10 губерниях Привислянских по переписи 20 марта 1880 г. СПб., 1890.

253. Список учебных заведений МНП (кроме начальных) по городам и селениям. Составлен к 1 января 1915 г. СПб., 1915.

254. Статистические таблицы Российской империи за 1856 г. СПб., 1858.

255. Статистический временник Российской империи. СПб., 1866.

256. Статистический временник Российской империи. Сер. II. Вып. XVI. СПб., 1879.

257. Статистический временник Российской империи. Сер. III. Вып. 1. Сельские училища в Европейской России и Привислянских губерниях. СПб., 1884.

258. Таблицы учебных заведений всех ведомств Российской империи с показанием отношения числа учащихся к числу жителей. СПб., 1838.

259. Университеты и средние учебные заведения в 50 губерниях Европейской России и 10 губерниях Привислянских по переписи 20 марта 1880 г. СПб., 1890.

260. Учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения. СПб., 1895.

Архивные фонды

Российский государственный исторический архив (РГИА)

1. Фонды Государственного Совета

Ф. 1149. Департамент Законов.

Ф. 1152. Департамент Экономики.

2. Фонды Министерства народного просвещения

Ф. 733. Департамент народного просвещения (оп. 190–191 – дела о женском образовании).

Ф. 732. Главное управление училищ.

Ф. 734. Ученый комитет.

3. Фонды Синода

Ф. 796. Канцелярия Синода.

Ф. 802. Учебный комитет.

4. Личные фонды

Ф. 845. А.С. Воронова.

Ф. 846. А.И. Георгиевского.

Ф. 851. А.В. Головнина.

Ф. 908. П.А. Валуева.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

Развитие средней общеобразовательной школы в России в 1856–1914 годах

Перечень таблиц

1. Рост числа мужских и женских общеобразовательных средних школ в 1856–1914 гг.
2. Рост количества учащихся мужских и женских общеобразовательных средних школ в 1856–1914 гг.
3. Рост числа мужских и женских общеобразовательных средних школ в пореформенный период в процентах к 1863 г. (1874–1914 гг.).
4. Рост количества учащихся мужских и женских общеобразовательных средних школ в пореформенный период в процентах к 1863 г. (1874–1914 гг.).
5. Рост числа мужских и женских общеобразовательных средних школ по десятилетиям в процентах к предшествующей дате (1863–1914 гг.).
6. Рост количества учащихся мужских и женских общеобразовательных средних школ по десятилетиям в процентах к предшествующей дате (1863–1914 гг.).
7. Ежегодный рост числа мужских и женских общеобразовательных средних школ по десятилетиям в 1856–1914 гг.
8. Ведомственная подчиненность мужских и женских общеобразовательных средних школ в 1856–1914 гг.
9. Распределение мужских и женских общеобразовательных средних школ различных ведомств по учебным округам в 1864–1914 гг.
10. Общее распределение мужских и женских общеобразовательных средних школ по учебным округам в 1856–1914 гг.
11. Общее распределение мужских и женских общеобразовательных средних школ по учебным округам в 1856–1914 гг. (в %).
12. Распределение различных типов женской общеобразовательной школы по учебным округам в 1864–1884 гг.
13. Распределение различных типов женской общеобразовательной школы по учебным округам в 1894–1914 гг.
14. Распределение мужских и женских средних общеобразовательных школ по социально-экономическим районам и губерниям в 1856–1914 гг.
15. Распределение различных типов женских средних общеобразовательных школ по социально-экономическим районам и губерниям в 1864–1884 гг.
16. Распределение различных типов женских средних общеобразовательных школ по социально-экономическим районам и губерниям в 1894–1914 гг.
17. Среднее число учащихся в различных типах мужской и женской общеобразовательной школы в 1856–1914 гг.

Таблица 1

**Рост числа мужских и женских
общеобразовательных средних школ в 1856–1914 гг.**

Учебные заведения	1858	1864	1874	1884	1894	1904	1914
Мужские	93	132	220	327	307	364	868
Женские	36	220	341	454	438	643	1347
Всего:	129	352	561	781	745	1007	2215

Таблица 2

**Рост количества учащихся мужских и женских
общеобразовательных средних школ в 1856–1914 гг.**

Учебные заведения	1858	1864	1874	1884	1894	1904	1914
Мужские	19488	32060	52376	82127	78680	136269	233808
Женские	н/с	19777	56838	92445	100627	202131	400647
Всего:		51837	109214	175572	179307	338400	634447

Таблица 3

**Рост числа мужских и женских общеобразовательных средних школ
в пореформенный период в процентах к 1863 г. (1874–1914 гг.)**

Учебные заведения	1874	1884	1894	1904	1914
Мужские	166,6	247,7	232,6	278,0	657,6
Гимназии	112,6	139,2	131,7	175,4	428,8
Реальные училища	35	98	98	138	320
Прогимназии	416,6	516,6	425,0	400	840
Женские	155,9	208,2	198,6	275,8	584,5
Гимназии МНП	116,3	158,7	159,8	348,9	929,3
Гимназии ВУИМ	228,5	214,3	228,6	228,6	257,1
Институты ВУИМ	107,4	107,4	96,3	79,4	79,4
Епархиальные училища	28	40	51	62	75
Прогимназии МНП	180,0	268,0	224,0	237,3	232
Училища духовного ведомства	100,0	100,0	108,3	108,3	91,7
Всего:	160	223,0	211,4	296,3	611,9

Таблица 4

**Рост количества учащихся мужских и женских общеобразовательных
средних школ в пореформенный период в процентах к 1863 г. (1874–1914 гг.)**

Учебные заведения	1874	1884	1894	1904	1914
Мужские	163,4	256,2	245,4	425,4	726,1
Гимназии	126,4	180,1	162,0	249,0	496,0
Реальные училища	–	–	–	–	–
Дворянские институты	138,9	–	–	147,5	215,9
Прогимназии	552,6	652,0	493,8	245,1	431,3
Женские	287,4	457,7	513,8	1022,0	2020,7
Гимназии МНП	323,6	659,3	585,4	1784,9	4563,9
Гимназии ВУИМ	451,8	144,0	636,1	705,2	86,6
Институты ВУИМ	107,3	126,1	144,4	131,6	199,9
Епархиальные училища	–	–	–	–	–
Прогимназии МНП	297,5	530,4	486,1	691,0	474,1
Училища духовного ведомства	–	–	–	–	–
Всего:	210,7	335,9	326,7	653,0	1223,7

Таблица 5

Рост числа мужских и женских общеобразовательных средних школ по десятилетиям в процентах к предшествующей дате (1863–1914 гг.)

Учебные заведения	1863	1874	1884	1894	1904	1914
Мужские	–	166,6	148,6	93,9	119,5	236,5
Гимназии	–	122,6	124,6	94,6	131,2	244,4
Реальные училища	–	(35)	280,0	100,0	140,8	231,8
Дворянские институты	–	100	–	–	–	–
Прогимназии	–	416,6	124,0	82,3	37,2	221,0
Женские	–	155,9	133,5	95,4	125,1	183,1
Гимназии МНП	–	116,3	136,4	100,7	218,3	297,5
Гимназии ВУИМ	–	228,5	93,8	106,7	100	112,5
Институты ВУИМ	–	107,4	100,0	89,7	137,7	100
Епархиальные училища	–	(28)	142,8	127,5	121,6	121
Прогимназии МНП	–	180	148,9	83,6	106,5	91,0
Училища духовного ведомства	–	100	100	108,3	100	84,6
Всего:		160	139,4	94,8	122,9	212,3

Таблица 6

Рост количества учащихся мужских и женских общеобразовательных средних школ по десятилетиям в процентах к предшествующей дате (1863–1914 гг.)

Учебные заведения	1863	1874	1884	1894	1904	1914
Мужские	–	163,4	156,8	95,8	174,4	170,8
Гимназии	–	126,4	119,1	89,9	172,3	175,5
Реальные училища	–	–	277,1	120,4	200,0	168,8
Дворянские институты	–	138,9	–	–	–	105,4
Прогимназии	–	552,6	117,9	75,7	49,4	175,6
Женские	–	287,4	210,6	108,8	200,8	198,2
Гимназии МНП	–	323,6	208,1	98,4	304,6	255,6
Гимназии ВУИМ	–	451,8	144,0	31,9	110,8	119,2
Институты ВУИМ	–	107,3	117,6	114,5	91,9	116,6
Епархиальные училища	–	–	241,4	155,1	149,7	134,2
Прогимназии МНП	–	297,5	178,3	91,6	142,2	68,5
Училища духовного ведомства	–	–	265,9	85,1	111,5	89,0
Всего:	–	210,7	150,9	102,9	188,1	184,2

Таблица 7

Ежегодный рост числа мужских и женских общеобразовательных средних школ по десятилетиям в России в 1856–1914 гг.

Учебные заведения	1856–1863	1864–1873	1874–1883	1884–1893	1894–1903	1904–1914	1864–1893	1894–1914	1864–1914
Мужские	3,9	8,8	10,7	–2	5,7	50,4	17,5	56,1	73,6
Гимназии	3,1	5,5	9,5	–0,9	4,9	38,8	3,9	34,9	38,8
Реальные училища	–	3,5	6,3	0,0	3,9	18,3	–	22,2	–
Прогимназии	0,8	3,8	1,2	–0,9	–3,2	2,3	4,6	–0,9	3,0
Женские	18,3	12,3	11,5	–2,1	20,8	64	21,7	84,8	106,5
Гимназии МНП	8,4	1,5	3,9	4,2	18,0	63,2	7,3	38,5	46,6
Гимназии ВУИМ	1,2	1,8	–0,2	–	–	0,4	1,8	0,4	2,2
Институты ВУИМ	0,4	0,2	0,0	–	0,7	–	–0,1	0,7	0,6
Епархиальные училища	–	2,8	1,2	1,2	1,1	1,3	–	2,4	–
Прогимназии МНП	7,5	6,0	6,6	–3,3	0,9	–0,3	10,2	0,6	9,9
Училища духовного ведомства	0,8	0,0	0,2	0,1	–	–0,2	0,1	–0,2	–0,1
Всего:	22,2	21,1	22,2	–4,1	26,5	14,4	39,2	140,9	179,1

Таблица 8

Ведомственная подчиненность мужских и женских общеобразовательных средних школ в 1856–1914 гг.

Министерства и ведомства	1856			1864			1874			1884			1894			1904			1914		
	все- го	муж.	жен.																		
Министерство народного просвещения	100	92	8	298	131	167	461	219	242	673	326	347	621	306	315	868	364	504	1996	867	1129
Ведомство учреждений императрицы Марии	26	1	25	42	1	41	62	1	61	60	1	59	59	1	58	66	1	65	71	1	70
Синод	4	–	4	12	–	12	40	–	40	52	–	52	64	–	64	75	–	75	86	–	86
Всего:	130	93	37	352	132	220	563	220	343	785	327	458	744	307	437	1009	367	644	2153	868	1285

Таблица 9

Распределение мужских и женских общеобразовательных средних школ различных ведомств по учебным округам в 1864–1914 гг.

Учебные округа	Мужские школы				Женские школы											
	МНП				ВУИМ				Синод							
	1864	1894	1904	1914	1864	1894	1904	1914	1864	1894	1904	1914				
Санкт-Петербургский	25	45(1)	55	97	22	39	52	117	14	18	23	23	1	9	9	9
Московский	23	57	66	183	22	64	112	235	7	14	14	16	1	11	15	17
Харьковский	8	36	40	94	8	56	70	124	3	3	3	3	–	6	6	9
Киевский	11	32	37	77	12	24	40	112	3	6	6	6	1	8	8	10
Одесский	13	36	43	89	4	38	58	124	2	2	1	1	–	4	4	5
Казанский	7	20	26	69	3	23	42	79	4	5	5	5	1	7	9	10
Оренбургский	3	9	10	33	–	16	29	41	1	1	1	1	–	4	4	5
Виленский	21	20	21	55	6	3	9	101	5	7	6	6	2	5	7	7
Рижский	14	17	17	36	14	6	10	57	–	–	–	–	–	–	1	1
Кавказский	4	19	27	82	1	16	34	65	1	1	3	3	–	4	5	5
Западно-Сибирский	2	7	4	19	2	15	16	26	–	–	–	1	–	2	3	3
Восточно-Сибирский	1	4	4	17	–	8	9	24	1	1	1	1	1	3	3	4
Туркестан	–	2	9	12	–	1	5	15	–	–	–	–	–	–	–	–
Приамурский край	–	4	5	6	–	6	8	9	–	–	–	–	–	–	1	1
Всего по Российской империи:	132	307	364	869	94	315	494	1129	41	58	63	66	7	63	75	86

Таблица 10

**Общее распределение мужских и женских
общеобразовательных средних школ по учебным округам в 1856–1914 гг.**

Учебные округа	Общее число школ						Мужские средние школы						Женские школы						
	1864	1874	1884	1894	1904	1914	1856	1864	1874	1884	1894	1904	1914	1864	1874	1884	1894	1904	1914
Санкт-Петербургский	62	101	128	111	128	251	14	25	39	50	45	46	97	37	62	78	66	82	154
Московский	53	115	148	146	206	468	15	23	43	60	56	62	192	30	72	88	90	144	276
Харьковский	18	67	102	100	108	238	8	8	23	36	35	39	94	10	44	66	65	69	144
Киевский	29	46	69	70	80	206	11	11	21	33	32	35	77	18	25	36	38	45	129
Одесский	19	64	83	80	108	225	7	13	27	39	36	42	89	6	37	44	44	66	136
Казанский	14	38	55	55	81	165	7	7	12	22	20	26	69	7	26	33	35	55	96
Оренбургский	5	22	30	30	47	84	2	3	7	12	9	13	33	2	15	18	21	34	51
Виленский	30	31	37	35	45	170	10	14	17	20	20	20	55	16	14	17	15	25	115
Рижский	28	31	41	23	26	94	4	14	12	20	17	17	36	14	19	21	6	9	58
Кавказский	6	23	39	40	71	161	4	4	14	19	19	29	85	2	9	20	21	42	76
Западно-Сибирский	4	13	24	25	23	54	2	2	2	6	8	9	21	2	11	18	17	14	33
Восточно-Сибирский	3	9	15	16	18	34	1	1	3	4	4	5	13	2	6	11	12	13	21
Туркестан	–	1	2	3	7	17	–	–	–	1	2	4	7	–	1	1	1	3	10
Приамурский край	–	5	9	9	17	29	–	–	1	4	3	6	11	–	4	5	6	11	18
Всего по Российской империи:	271	566	782	743	965	2196	85	125	221	326	306	353	879	146	345	456	437	612	1317

Таблица 12

**Распределение различных типов
женской общеобразовательной школы по учебным округам в 1864–1884 гг.**

Учебные округа	Гимназии МНП			Гимназии ВУИМ			Институты ВУИМ			Епархиальные училища			Прогимназии МНП			Жен. уч-ща духовного ведомства		
	1864	1874	1884	1864	1874	1884	1864	1874	1884	1864	1874	1884	1864	1874	1884	1864	1874	1884
Санкт-Петербургский	22	22	29	5	9	12	9	10	10	–	3	6	–	17	20	1	1	1
Московский	22	19	31	2	10	6	5	6	6	–	8	9	–	28	35	1	1	1
Харьковский	7	7	17	–	–	–	3	3	3	–	4	5	–	30	42	–	–	–
Киевский	12	3	9	1	4	4	2	2	2	–	3	4	–	10	14	3	3	3
Одесский	3	20	17	–	–	–	2	2	2	–	3	4	–	12	21	–	–	–
Казанский	2	3	7	2	3	3	2	2	2	–	4	5	–	13	15	1	1	1
Оренбургский	2	5	5	–	–	–	1	1	1	–	1	2	–	8	10	–	–	–
Виленский	6	1	2	4	6	6	1	1	1	–	1	1	–	–	1	5	5	5
Рижский	14	18	9	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	12	–	–	–
Кавказский	1	5	9	–	–	–	1	1	1	–	1	2	–	2	8	–	–	–
Западно-Сибирский	2	2	4	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	9	12	–	–	–
Восточно-Сибирский	–	1	3	–	–	–	1	1	1	–	–	–	–	3	6	1	1	1
Туркестан	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Приамурский край	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4	5	–	–	–
Всего по Российской империи:	93	107	143	14	32	31	27	29	29	–	28	40	–	137	201	12	12	12

Таблица 13

**Распределение различных типов
женской общеобразовательной школы по учебным округам в 1894–1914 гг.**

Учебные округа	Гимназии МНП			Гимназии ВУИМ			Институты ВУИМ			Епархиальные училища			Прогимназии МНП			Жен. уч-ща духовного ведомства		
	1894	1904	1914	1894	1904	1914	1894	1904	1914	1894	1904	1914	1894	1904	1914	1894	1904	1914
Санкт-Петербургский	20	29	105	11	11	12	7	10	10	8	7	8	19	24	18	1	1	1
Московский	31	69	215	8	7	8	6	6	9	11	14	16	33	47	27	1	1	1
Харьковский	18	34	125	–	–	2	3	3	4	6	6	9	38	26	4	–	–	–
Киевский	15	23	100	4	4	4	2	2	2	4	4	8	9	8	13	4	4	2
Одесский	20	47	111	–	–	–	2	2	2	4	4	5	18	13	18	–	–	–
Казанский	9	28	75	3	3	3	2	2	2	6	8	9	14	13	6	1	1	1
Оренбургский	5	15	39	–	–	–	1	1	1	4	4	5	11	14	6	–	–	–
Виленский	2	10	56	6	6	6	1	1	1	–	2	2	1	2	45	5	4	5
Рижский	6	7	49	–	–	–	–	–	–	–	1	1	–	1	8	–	–	–
Кавказский	11	24	59	–	–	–	2	2	2	4	5	5	5	11	10	–	–	–
Западно-Сибирский	3	5	21	–	–	1	–	–	–	2	2	3	12	7	8	–	–	–
Восточно-Сибирский	3	4	14	–	–	–	1	1	1	2	2	2	5	5	3	1	1	1
Туркестан	1	3	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	5	–	–	–
Приамурский край	3	6	13	–	–	–	–	–	–	–	2	2	3	3	3	–	–	–
Всего по Российской империи:	147	304	987	32	31	36	26	30	34	51	61	75	168	174	174	13	12	11

Таблица 14

**Распределение мужских и женских средних общеобразовательных школ
по социально-экономическим районам и губерниям в 1856–1914 гг.**

Районы и губернии	Мужские школы							Женские школы						
	1856	1864	1874	1884	1894	1904	1914	1856	1864	1874	1884	1894	1904	1914
Европейская Россия	78	118	201	291	268	298	739	–	140	313	400	379	527	1156
<i>I. Столичный</i>	13	32	51	61	53	56	132	–	51	68	78	64	86	203
С.-Петербургская	9	20	32	39	35	34	68	–	33	43	49	36	44	102
Московская	4	22	19	22	18	22	64	–	18	25	29	28	42	101
<i>II. Неземледельческо-промышленный</i>	10	10	18	29	27	32	106	–	10	40	57	59	92	147
Владимирская	1	1	3	4	4	4	18	–	–	7	8	8	8	21
Калужская	1	1	1	3	2	2	15	–	1	5	5	5	9	13
Костромская	1	1	2	2	2	3	11	–	–	4	4	3	9	13
Нижегородская	2	2	2	3	3	6	12	–	2	4	4	4	7	19
Новгородская	1	1	2	4	3	3	10	–	–	4	10	9	9	15
Псковская	1	1	2	3	3	3	8	–	1	3	7	7	13	14
Смоленская	1	1	4	5	5	5	14	–	1	5	8	11	13	18
Тверская	1	1	1	3	3	4	10	–	2	4	6	6	15	16
Ярославская	1	1	1	2	2	2	8	–	3	4	5	6	9	18
<i>III. Центральный земледельческий</i>	18	17	45	73	70	71	179	–	23	75	115	115	143	275
Воронежская	1	1	2	5	5	5	11	–	1	9	10	11	12	21
Казанская	2	2	3	4	4	4	12	–	2	4	5	6	8	20
Курская	1	1	4	5	5	5	11	–	1	11	16	15	17	22
Орловская	1	1	4	6	5	6	17	–	1	6	9	9	12	22
Пензенская	2	1	2	4	3	2	7	–	–	2	4	4	4	12
Полтавская	1	1	4	6	6	6	17	–	4	9	11	12	13	26

Рязанская	1	1	5	6	7	5	14	—	1	4	6	6	11	17
Саратовская	1	1	3	7	5	9	19	—	2	3	5	6	12	22
Симбирская	1	1	2	3	3	2	7	—	1	4	6	6	8	12
Тамбовская	1	1	2	6	6	7	16	—	2	5	9	8	13	20
Тульская	1	1	1	4	4	3	9	—	1	4	4	4	9	18
Харьковская	2	2	9	10	10	10	26	—	4	11	22	20	15	40
Черниговская	3	3	4	7	7	7	13	—	3	3	8	8	9	23
IV. Земледельческие окраины	11	18	37	54	50	63	144	—	10	57	64	66	102	212
Астраханская	1	1	1	2	2	2	4	—	—	2	2	2	3	6
Бессарабская	1	1	3	6	7	8	16	—	—	3	6	6	10	18
Донская	1	2	4	6	7	10	23	—	2	6	6	7	8	29
Екатеринославская	2	2	3	9	5	7	19	—	1	5	12	8	11	31
Оренбургская	—	—	2	2	2	4	7	—	1	5	5	6	7	13
Самарская	1	1	1	2	2	3	13	—	1	3	3	3	11	17
Таврическая	1	2	5	8	8	10	19	—	1	9	12	12	17	26
Уфимская	1	1	2	3	1	2	8	—	1	4	4	4	7	11
Херсонская	3	8	16	16	16	17	35	—	3	20	14	18	28	61
V. Прибалтийский	4	14	12	20	17	17	36	—	14	19	21	6	9	58
Курляндская	1	2	3	5	5	5	9	—	2	{19	5	1	5	13
Лифляндская	2	10	6	11	9	9	22	—	7		11	4	3	39
Эстляндская	1	2	3	4	3	3	5	—	5		5	1	1	6
VI. Западный	10	14	17	20	20	20	55	—	16	14	16	15	25	115
Виленская	1	3	3	3	3	3	9	—	2	3	3	3	4	22
Витебская	2	2	2	2	2	2	10	—	4	3	4	3	7	21
Гродненская	2	2	3	3	3	3	8	—	2	2	2	2	4	18
Ковенская	2	2	2	3	3	3	7	—	1	1	1	1	2	12
Минская	2	4	5	6	6	6	12	—	6	3	3	3	4	24

Могилевская	1	1	2	3	3	3	9	—	1	2	3	3	4	18
VII. Юго-западный	7	7	13	20	19	22	47	—	11	13	17	18	23	80
Волынская	2	2	3	4	5	5	11	—	2	2	4	4	6	19
Киевская	2	3	8	13	11	13	24	—	7	7	9	10	11	47
Подольская	2	2	2	3	3	4	12	—	2	4	4	4	6	14
VIII. Уральский	2	3	5	10	8	11	29	—	2	15	20	22	31	43
Вятская	1	1	2	4	4	6	14	—	1	10	12	12	13	19
Пермская	1	2	3	6	4	5	15	—	1	5	8	10	18	24
IX. Крайний Север	3	3	3	4	4	6	11	—	3	12	12	14	16	23
Архангельская	1	1	1	1	1	2	2	—	1	2	2	2	2	4
Вологодская	1	1	1	2	2	3	7	—	1	7	7	9	11	15
Олонецкая	1	1	1	1	1	1	2	—	1	3	3	3	3	4
Кавказ	4	4	14	19	19	28	81	—	2	9	20	21	41	73
Предкавказье	2	2	5	8	8	12	43	—	1	4	7	7	15	40
Кубанская	1	1	1	3	3	4	21	—	—	1	3	2	6	17
Ставропольская	1	1	2	2	2	2	7	—	1	2	3	3	4	7
Терская	—	—	3	3	3	5	12	—	—	1	1	2	5	14
Черноморская	—	—	—	—	—	1	3	—	—	—	—	—	—	2
Закавказье	2	2	9	11	11	16	38	—	1	5	13	14	26	33
Бакинская	—	—	1	1	1	3	8	—	—	1	1	1	3	8
Батумская	—	—	—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	1	1
Дагестанская	—	—	1	1	1	2	3	—	—	—	1	1	3	3
Елисаветпольская	—	—	1	2	2	2	3	—	—	—	—	—	1	1
Карсская	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	1
Кутаисская	1	1	2	2	2	3	5	—	—	—	2	3	5	4
Тифлисская	1	1	3	4	4	4	14	—	1	4	7	7	9	11
Эриванская	—	—	1	1	1	1	2	—	—	—	2	2	2	4

Средняя Азия	—	—	—	4	7	11	20	—	1	5	7	7	12	27
Степной край	—	—	—	3	5	6	9	—	1	4	6	6	8	14
Акмолинская	—	—	—	1	1	2	3	—	1	2	3	3	3	6
Семипалатинская	—	—	—	—	1	1	1	—	—	1	1	1	2	3
Семиреченская	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	1
Тургайская	—	—	—	1	2	3	4	—	—	1	1	1	1	2
Уральская	—	—	—	1	2	2	2	—	—	1	1	1	1	2
Туркестан	—	—	—	1	2	5	11	—	—	1	1	1	4	13
Закаспийская	—	—	—	—	—	1	4	—	—	—	—	—	1	3
Самаркандская	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	1	2
Сыр-Дарьинская	—	—	—	1	2	2	3	—	—	1	1	1	1	5
Ферганская	—	—	—	—	—	1	3	—	—	—	—	—	1	3
Сибирь	3	3	6	12	12	16	39	—	3	18	29	30	32	61
Западная	2	2	2	4	4	5	15	—	1	8	13	12	8	22
Тобольская	1	1	1	2	2	2	4	—	—	6	8	7	3	8
Томская	1	1	1	2	2	3	11	—	1	2	5	5	5	14
Восточная	1	1	3	6	6	7	18	—	2	10	15	16	18	29
Иркутская	1	1	1	1	1	2	7	—	2	4	6	6	6	11
Енисейская	—	—	1	2	2	2	5	—	—	2	4	5	5	8
Забайкальская	—	—	—	2	2	2	5	—	—	4	4	4	5	8
Якутская	—	—	1	1	1	1	1	—	—	—	1	1	2	2
Приамурский край	—	—	1	2	2	4	6	—	—	—	1	2	6	10
Амурская	—	—	1	1	1	1	2	—	—	—	1	1	2	3
Камчатская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Приморская	—	—	—	1	1	2	4	—	—	—	—	1	4	7
Сахалинская	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего по Российской империи:	85	125	221	326	306	353	879		146	345	456	437	612	1317

Таблица 15

**Распределение различных типов женских средних общеобразовательных школ
по социально-экономическим районам и губерниям в 1864–1884 гг.**

	Гимназии МНП			Гимназии ВУИМ			Институты ВУИМ			Епархиальные училища			Прогимназии МНП			Женские училища духовного ведомства		
	1864	1874	1884	1864	1874	1884	1864	1874	1884	1864	1874	1884	1864	1874	1884	1864	1874	1884
Европейская Россия	90	97	125	14	32	31	25	27	27	–	27	36	–	119	170	11	11	11
<i>I. Столичный</i>	32	24	38	5	17	17	13	14	14	–	2	2	–	10	6	1	1	1
С.-Петербургская	18	17	23	5	9	12	9	10	10	–	1	1	–	5	2	1	1	1
Московская	14	7	15	–	8	5	4	4	4	–	1	1	–	5	4	–	–	–
<i>II. Неземледельческо- промышленный</i>	7	11	15	1	1	–	1	1	1	–	4	8	–	22	32	1	1	1
Владимирская	–	1	3	–	–	–	–	–	–	–	1	1	–	5	4	–	–	–
Калужская	1	1	1	–	–	–	–	–	–	–	1	1	–	3	3	–	–	–
Костромская	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3	3	–	–	–
Нижегородская	1	1	1	–	–	–	1	1	1	–	1	1	–	1	1	–	–	–
Новгородская	–	1	2	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	3	6	–	–	–
Псковская	1	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	2	5	–	–	–
Смоленская	1	2	2	–	–	–	–	–	–	–	1	1	–	2	5	–	–	–
Тверская	1	1	1	1	1	–	–	–	–	–	–	1	–	2	4	–	–	–
Ярославская	2	2	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	1	1	1
<i>III. Центральный земледельческий</i>	14	12	29	3	3	3	5	6	6	–	10	12	–	43	64	1	1	1
Воронежская	1	1	1	–	–	–	–	–	–	–	1	1	–	7	8	–	–	–
Казанская	–	1	2	–	–	–	1	1	1	–	–	–	–	1	1	1	1	1
Курская	1	1	4	–	–	–	–	–	–	–	1	1	–	9	11	–	–	–
Орловская	1	2	3	–	–	–	–	1	1	–	1	1	–	2	4	–	–	–
Пензенская	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	2	–	–	–

Полтавская	3	1	5	—	—	—	1	1	1	—	1	1	—	6	4	—	—	—
Рязанская	—	—	—	1	1	1	—	—	—	—	1	1	—	2	4	—	—	—
Саратовская	—	—	1	1	1	1	1	1	1	—	1	1	—	—	1	—	—	—
Симбирская	—	—	1	1	1	1	—	—	—	—	—	1	—	3	3	—	—	—
Тамбовская	1	1	1	—	—	—	1	1	1	—	1	1	—	2	6	—	—	—
Тульская	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	2	2	—	—	—
Харьковская	3	2	8	—	—	—	1	1	1	—	1	1	—	7	12	—	—	—
Черниговская	3	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	6	—	—	—
IV. Земледельческие окраины	6	24	22	—	1	1	4	4	4	—	6	7	—	22	30	—	—	—
Астраханская	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—
Бессарабская	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	4	—	—	—
Донская	1	1	2	—	—	—	1	1	1	—	—	—	—	4	3	—	—	—
Екатеринославская	1	3	4	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	7	—	—	—
Оренбургская	—	1	1	—	—	—	1	1	1	—	—	—	—	3	3	—	—	—
Самарская	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	1	—	—	—
Таврическая	—	3	6	—	—	—	1	1	1	—	1	1	—	4	4	—	—	—
Уфимская	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	2	2	—	—	—
Херсонская	2	13	6	—	—	—	1	1	1	—	—	1	—	6	6	—	—	—
V. Прибалтийский	14	18	9	—	1	12	—	—	—									
Курляндская	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—
Лифляндская	7	18	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—
Эстляндская	5	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3	—	—	—
VI. Западный	6	1	2	4	6	6	1	1	1	—	1	1	—	—	1	5	5	5
Виленская	—	1	1	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1
Витебская	3	—	1	—	1	1	—	—	—	—	1	1	—	—	—	1	1	1
Гродненская	—	—	—	1	1	1	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ковенская	—	—	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Минская	3	—	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	2

Могилевская	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1
VII. Юго-западный	6	1	3	1	4	4	1	1	1	—	1	2	—	3	4	3	3	3
Волинская	1	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1	1	1
Киевская	4	1	3	1	2	2	1	1	1	—	—	—	—	2	2	1	1	1
Подольская	1	—	—	—	1	1	—	—	—	—	1	1	—	1	1	1	1	1
VIII. Уральский	2	3	4	—	—	—	—	—	—	—	1	2	—	11	14	—	—	—
Вятская	1	1	2	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	8	9	—	—	—
Пермская	1	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	3	5	—	—	—
IX. Крайний Север	3	3	3	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	7	7	—	—	—
Архангельская	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—
Вологодская	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	6	—	—	—
Олонецкая	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	1	—	—	—
Кавказ	1	5	9	—	—	—	1	1	1	—	1	2	—	2	8	—	—	—
Предкавказье	1	2	5	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	1	—	—	—
Кубанская	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—
Ставропольская	1	1	2	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—
Терская	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Черноморская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Закавказье	—	3	4	—	—	—	1	1	1	—	—	1	—	1	7	—	—	—
Бакинская	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Батумская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Дагестанская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Елисаветпольская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Карсская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кутаисская	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Тифлисская	—	2	2	—	—	—	1	1	1	—	—	1	—	1	3	—	—	—
Эриванская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—

Средняя Азия	1	3	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	3	-	-	-	
Степной край	1	2	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	3	-	-	-	
Акмолинская	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	2	-	-	-	
Семипалатинская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	
Семиреченская	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Тургайская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Уральская	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Туркестан	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Закаспийская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Самаркандская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Сырдарьинская	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Ферганская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Сибирь	1	2	5	-	-	-	1	1	1	-	-	2	-	14	20	1	1	1
Западная	1	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	7	9	-	-	-
Тобольская	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	6	6	-	-	-	
Томская	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	3	-	-	-	
Восточная	-	1	3	-	-	-	1	1	1	-	-	-	-	7	10	1	1	1
Иркутская	-	1	1	-	-	-	1	1	1	-	-	-	1	3	1	1	1	
Енисейская	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	2	-	-	-	
Забайкальская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	4	-	-	-	
Якутская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	
Приморский край	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	
Амурская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	
Камчатская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Приамурская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Сахалинская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Всего по Российской империи:	93	107	143	14	32	31	27	29	29	-	28	40	-	137	201	12	12	12

Таблица 16

**Распределение различных типов женских средних общеобразовательных школ
по социально-экономическим районам и губерниям в 1894–1914 гг.**

	Гимназии МНП			Гимназии ВУИМ			Институты ВУИМ			Епархиальные училища			Прогимназии МНП			Женские училища духовного ведомства		
	1894	1904	1914	1894	1904	1914	1894	1904	1914	1894	1904	1914	1894	1904	1914	1894	1904	1914
Европейская Россия	125	261	873	32	31	36	24	27	31	43	50	63	143	146	144	12	11	10
<i>I. Столичный</i>	25	44	143	18	17	18	11	14	17	3	3	5	6	7	19	1	1	1
С.-Петербургская	13	19	69	11	11	12	7	10	10	1	1	1	3	2	9	1	1	1
Московская	12	25	74	7	6	6	4	4	7	2	2	4	3	5	10	–	–	–
<i>II. Неземледельческо- промышленный</i>	17	36	116	–	–	1	1	1	1	9	10	11	31	44	17	1	1	1
Владимирская	4	5	20	–	–	–	–	–	–	1	1	1	3	2	–	–	–	–
Калужская	1	2	10	–	–	–	–	–	–	1	1	1	3	6	2	–	–	–
Костромская	1	2	10	–	–	–	–	–	–	–	1	1	2	6	2	–	–	–
Нижегородская	1	5	14	–	–	–	1	1	1	1	1	1	1	–	3	–	–	–
Новгородская	2	4	12	–	–	–	–	–	–	2	1	2	5	4	1	–	–	–
Псковская	2	2	9	–	–	–	–	–	–	1	1	1	4	10	4	–	–	–
Смоленская	2	5	16	–	–	–	–	–	–	1	1	1	8	7	1	–	–	–
Тверская	1	7	12	–	–	1	–	–	–	1	2	2	4	6	1	–	–	–
Ярославская	3	4	13	–	–	–	–	–	–	1	1	1	1	3	3	1	1	1
<i>III. Центральный земледель- ческий</i>	37	69	222	3	3	4	6	6	7	13	15	20	55	49	21	1	1	1
Воронежская	2	3	17	–	–	–	–	–	1	1	1	1	8	8	2	–	–	–
Казанская	2	3	13	–	–	–	1	1	1	1	1	1	1	2	4	1	1	1
Курская	3	10	20	–	–	–	–	–	–	1	1	2	11	6	–	–	–	–
Орловская	5	7	18	–	–	–	1	1	1	1	1	1	2	3	2	–	–	–
Пензенская	1	2	10	–	–	–	–	–	–	1	1	1	2	1	1	–	–	–

Полтавская	5	9	21	—	—	—	1	1	1	1	1	2	5	2	2	—	—	—
Рязанская	—	5	14	1	1	1	—	—	—	1	1	1	4	4	1	—	—	—
Саратовская	3	7	18	1	1	1	1	1	1	1	2	2	—	1	—	—	—	—
Симбирская	1	2	8	1	1	1	—	—	—	1	1	2	3	4	1	—	—	—
Тамбовская	1	6	17	—	—	—	1	1	1	1	1	2	5	5	—	—	—	—
Тульская	1	2	14	—	—	—	—	—	—	1	2	2	2	5	2	—	—	—
Харьковская	8	8	36	—	—	1	1	1	1	1	1	1	10	5	1	—	—	—
Черниговская	5	5	16	—	—	—	—	—	—	1	1	2	2	3	5	—	—	—
IV. Земледельческие окраины	26	66	172	1	1	2	4	4	4	9	9	12	26	22	22	—	—	—
Астраханская	—	1	4	1	1	1	—	—	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—
Бессарабская	2	8	15	—	—	—	—	—	—	1	1	1	3	1	2	—	—	—
Донская	3	5	25	—	—	1	1	1	1	1	1	2	2	1	—	—	—	—
Екатеринославская	3	8	24	—	—	—	—	—	—	1	1	2	4	2	5	—	—	—
Оренбургская	1	2	7	—	—	—	1	1	1	1	1	2	3	3	3	—	—	—
Самарская	1	7	16	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1	3	—	—	—	—
Таврическая	6	12	22	—	—	—	1	1	1	1	1	1	4	3	2	—	—	—
Уфимская	1	4	9	—	—	—	—	—	—	1	1	1	2	2	1	—	—	—
Херсонская	9	19	50	—	—	—	1	1	1	1	1	1	7	7	9	—	—	—
V. Прибалтийский	6	7	49	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	8	—	—	—
Курляндская	1	3	10	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	2	—	—	—
Лифляндская	4	3	33	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—
Эстляндская	1	1	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
VI. Западный	2	10	56	6	6	6	1	1	1	—	2	2	1	1	45	5	4	5
Виленская	1	1	8	1	1	1	—	—	—	—	1	1	—	—	11	1	1	1
Витебская	1	3	10	1	1	1	—	—	—	—	1	1	—	1	8	1	1	1
Гродненская	—	2	8	1	1	1	1	1	1	—	—	—	—	—	8	—	—	—
Ковенская	—	1	6	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—
Минская	—	1	13	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	8	2	1	2

Могилевская	—	2	11	1	1	1	—	—	—	—	—	—	1	—	5	1	1	1
VII. Юго-западный	5	9	63	4	4	4	1	1	1	2	2	4	2	3	6	4	4	2
Волынская	1	2	14	1	1	1	—	—	—	1	1	1	—	1	2	1	1	1
Киевская	4	5	39	2	2	2	1	1	1	—	—	—	3	1	1	2	2	—
Подольская	—	2	10	1	1	1	—	—	—	1	1	—	1	1	2	1	1	1
VIII. Уральский	4	16	37	—	—	—	—	—	—	3	4	4	15	11	2	—	—	—
Вятская	2	8	16	—	—	—	—	—	—	1	2	2	9	3	1	—	—	—
Пермская	2	8	21	—	—	—	—	—	—	2	2	2	6	8	1	—	—	—
IX. Крайний Север	3	4	15	—	—	—	—	—	—	4	4	4	7	8	4	—	—	—
Архангельская	1	1	2	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	—	1	—	—	—
Вологодская	1	2	11	—	—	—	—	—	—	2	2	2	6	7	2	—	—	—
Олонецкая	1	1	2	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1	1	1	—	—	—
Кавказ	11	23	57	—	—	—	1	2	2	4	5	6	5	11	8	—	—	—
Предкавказье	5	8	30	—	—	—	—	1	1	2	3	3	—	3	6	—	—	—
Кубанская	2	4	16	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Ставропольская	2	2	4	—	—	—	—	—	—	1	2	2	—	—	1	—	—	—
Терская	1	2	8	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	2	5	—	—	—
Черноморская	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Закавказье	6	15	28	—	—	—	1	1	1	2	2	2	5	8	2	—	—	—
Бакинская	1	3	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Батумская	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Дагестанская	—	2	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—
Елисаветпольская	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Карсская	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Кутаисская	1	1	4	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	3	—	—	—	—
Тифлисская	4	6	8	—	—	—	1	1	1	1	1	1	1	1	1	—	—	—
Эриванская	—	1	3	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	1	—	—	—	—

Средняя Азия	4	8	16	-	-	-	-	-	-	-	-	1	3	4	10	-	-	-
Степной край	3	4	10	-	-	-	-	-	-	-	-	1	3	4	3	-	-	-
Акмолинская	1	1	5	-	-	-	-	-	-	-	-	1	2	2	-	-	-	-
Семипалатинская	-	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1	-	-	-
Семиреченская	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Тургайская	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-
Уральская	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Туркестан	1	4	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7	-	-	-
Закаспийская	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	2	-	-	-
Самаркандская	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Сыр-Дарьинская	1	1	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-
Ферганская	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-
Сибирь	7	12	39	-	-	1	1	-	-	4	6	6	17	11	12	1	1	1
Западная	1	2	13	-	-	1	-	-	-	2	2	2	9	4	6	-	-	-
Тобольская	-	-	3	-	-	1	-	-	-	1	1	1	6	2	3	-	-	-
Томская	1	2	10	-	-	-	-	-	-	1	1	1	3	2	3	-	-	-
Восточная	5	6	20	-	-	-	1	-	-	2	3	3	7	6	4	1	1	1
Иркутская	1	2	7	-	-	-	1	-	-	-	-	-	3	2	2	1	1	1
Енисейская	2	2	6	-	-	-	-	-	-	1	1	1	2	2	1	-	1	-
Забайкальская	2	2	6	-	-	-	-	-	-	-	1	1	2	2	1	-	-	-
Якутская	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	1	1	-	1	-	-	-	-
Приморский край	1	4	7	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1	1	2	-	-	-
Амурская	1	1	2	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-
Камчатская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Приамурская	-	3	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	2	-	-	-
Сахалинская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего по Российской империи:	147	304	985	32	31	37	26	29	33	51	60	75	168	172	174	13	12	11

Таблица 17

**Среднее число учащихся в различных типах мужской и женской
общеобразовательной школы в 1856–1914 гг.**

Учебные заведения	1856	1864	1874	1884	1894	1904	1914
Мужские	209	238	238	251	255	357	257
Гимназии	209	257	289	331	315	397	335
Реальные училища	–	–	198	196	238	319	285
Прогимназии	н/с	95	126	120	106	172	150
Женские		90	166	202	230	311	309
Гимназии МНП		76	213	318	280	415	371
Гимназии ВУИМ		144	315	97	402	446	552
Институты ВУИМ		225	225	264	337	346	274
Епархиальные училища		–	126	213	259	353	382
Прогимназии		62	102	122	133	158	69
Училища духовного ведомства		н/с	88	194	165	251	198

